ФЕДЕРАЛЬНАЯ КОМПЛЕКСНАЯ ПРОГРАММА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СООБЩЕСТВА НЕМЦЕВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Виктор ДИЗЕНДОРФ

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

ВВЕДЕНИЕ

Нынешнее положение этнических немцев в Российской Федерации (как и в других странах бывшего СССР) нельзя не признать критическим. Несмотря на принятие целого ряда реабилитационных актов, последствия сталинского геноцида против российских немцев, многолетнее бесправие репрессированного народа далеко не преодолены. Не наблюдается никакого прогресса в решении узловой национальной проблемы – восстановлении незаконно ликвидированной немецкой государственности в Поволжье. Российские немцы вопреки своей воле по-прежнему рассеяны на огромной территории бывшего СССР и, не считая двух небольших районов в Алтайском крае и Омской области, а также нескольких вновь созданных поселений в Поволжье, лишены собственных территориальных образований. В этих условиях ни национальные представительные органы, к тому же (подобно Совету немцев России) фактически не признанные властями, ни тем более общественные объединения явно не в состоянии воспрепятствовать быстро прогрессирующей ассимиляции, не говоря уже о том, чтобы обеспечить этническое самосохранение российских немцев. Ситуация еще более усугубилась с распадом СССР, в результате чего единый прежде народ оказался разделенным государственными границами.

Следствием этого нетерпимого положения является лавинообразный отъезд российских немцев и членов их семей в Германию. В целом за 1950-95 гг. число лиц этой категории, выехавших с территории бывшего СССР в ФРГ, превысило 1,3 млн. При этом только в 1989-95 гг. их выехало около 1,1 млн., в т.ч. с территории Российской Федерации, по нашей оценке, – примерно 340 тыс. человек, что соответствует 40% численности немцев, зарегистрированных здесь переписью населения на начало 1989 г. При сохранении таких темпов выезда, санкционированных германским правительством, «немецкая проблема» будет механически снята в России с повестки дня в течение 10-15 лет.

Стремясь предотвратить подобный исход, обеспечить, насколько возможно, этническое самосохранение и защиту национальных прав, избранные на демократической основе представители немецкого населения России провели в Москве 27.02.1993 г. Учредительный съезд немцев Российской Федерации. На съезде был избран легитимный национальный представительный орган – Совет немцев России (СНР). Основываясь на решениях трех общенациональных съездов и Съезда немцев РФ, СНР сразу же проявил стремление поднять самоорганизацию российских немцев на качественно новый уровень и содействовать тем самым решению важнейших национальных задач.

По поручению Форштанда (Президиума) СНР в этих целях были подготовлены тезисы *«О формировании представительного органа российских немцев на территории Российской Федерации»* (Г. Вольтер, В. Дизендорф), принятые к сведению заседанием

СНР 29-30 мая 1993 г. Более широкий подход к проблеме представлен в тезисах *«О состоянии и перспективах немецкой диаспоры в России»* (В. Дизендорф), принятых Форштандом СНР 3.09.1993 г. В этом документе было впервые изложено предложение о разработке Программы развития немецкой диаспоры в России. Тем временем в ряде регионов РФ (Республика Башкортостан, Челябинская, Томская, Пермская, Саратовская, Волгоградская области и др.) развернулась разработка программ развития местных немецких общин. С учетом перечисленных и ряда других наработок была подготовлена *«Концепция самоорганизации немцев Российской Федерации»* (далее Концепция самоорганизации – В. Дизендорф, Г. Бауэр), одобренная Форштандом СНР 25.10.1993 г. III конференцией Общества немцев Российской Федерации «Видергебурт» 8.11.1993 г. и принятая на заседании СНР 19.12.1993 г. Концепция самоорганизации вместе с Пояснительной запиской (В. Дизендорф) представлена в январе 1994 г. правительствам РФ и ФРГ, а также Межправительственной российско-германской комиссии по проблемам российских немцев.

19.12.1993 г. СНР принял, кроме того, проект *«Положения о Фолькстаге – народном парламенте российских немцев»* (В. Вейнгардт), а также пакет проектов законодательных и распорядительных актов, необходимых для разработки комплексной программы по российским немцам, проведения выборов в Фолькстаг и национального референдума немцев РФ. Все эти документы также представлены на рассмотрение Правительства РФ. 12.04.1994 г. в Миннац РФ были направлены *«Предложения Форштанда Совета немцев России по рабочей группе для подготовки Программы сомоорганизации российских немцев»* (В. Дизендорф).

На V заседании Межправительственной комиссии в марте 1994 г. обе стороны приветствовали идеи самоорганизации немцев России, направленные на утверждение их национальной и культурной самобытности. Исходя, в частности, из предложений СНР, Российская сторона представила подробную информацию о разрабатываемых концепциях Фолькстага, которые, по ее мнению, «смогут стать основой для дальнейшей проработки и определения конкретных форм национально-культурной автономии и развития самоуправления российских немцев». Германская сторона с удовлетворением восприняла сообщение Российской стороны о намерении создать рабочую группу для подготовки программы самоорганизации российских немцев. На VI заседании Межправительственной комиссии в мае 1995 г. Российская сторона сообщила о создании рабочей группы для разработки программы по российским немцам, а Германская сторона выразила принципиальную готовность предоставить необходимых специалистов и экспертов для консультирования при подготовке этой программы.

Международная научно-практическая конференция «Будущее российских немцев…», проведенная по инициативе СНР в Москве 19-21 октября 1994 г., рекомендовала:

- поддержать предложение съездов российских немцев об избрании на демократической основе национальных представительных органов – Фолькстага и соответствующих местных структур, проведения референдума (общенародного опроса):

- незамедлительно создать при Миннаце РФ рабочую группу для разработки Программы самоорганизации немцев Российской Федерации на основе концепции, представленной СНР, а в перспективе разработать подобные программы и в других странах СНГ;

- в рамках программы предусмотреть систему мер по экономической поддержке территориальных немецких общин на местах.

Начало практической разработке *Федеральной комплексной программы становления и развития сообщества немцев Российской Федерации* (далее Программа) было положено приказом Министра Миннаца РФ № 118 от 22.11.1994 г. о создании рабочей группы по подготовке Программы. Приказ предписывал Финансовому управлению Миннаца обеспечить финансирование работы группы, а Департаменту по делам российских немцев – содействовать в ее организационном обеспечении. Финансирование осуществлялось на основе Договора № 1/83к на проведение работ от 23.11.1994 г., подписанного от имени исполнителя Председателем Общества немцев РФ «Видергебурт» Я. Маурером, а от имени заказчика – Первым заместителем Министра Миннаца РФ А. Поздняковым. 11.02.1995 г. Первый заместитель Министра Миннаца РФ В. Михайлов утвердил рабочую группу в составе: Э. Вольф – руководитель (г. Томск), В. Дизендорф (г. Кемерово), В. Кобер (г. Екатеринбург), В. Кислинг (г. Пермь), Г. Бауэр (г. Челябинск), Р. Расмус (г. Уфа), А. Фаренбрух (г. Волжский, Волгоградская обл.). Организационное обеспечение деятельности рабочей группы осуществлялось Форштандом Совета немцев России под руководством Председателя СНР Я. Маурера.

Рабочая группа начала свою деятельность в ноябре 1994 г. Ее пленарные заседания проводились в Москве – как правило, ежемесячно в течение недели. Наряду с членами рабочей группы, в разработке Программы участвовали привлеченные специалисты. Для учета мнений всех заинтересованных организаций и учреждений рабочая группа сразу же обратилась к ним с предложением о сотрудничестве при подготовке Программы.

Решением Коллегии Миннаца РФ от 22.03.1995 г. было предусмотрено завершить разработку проекта Программы как государственной программы полной реабилитации, национально-территориального строительства, социально-экономического развития, возрождения национальной культуры и языка российских немцев и вынести ее на заседание Коллегии в ноябре 1995 г.

Как и было намечено в Концепции самоорганизации, вся работа по подготовке Программы протекала в тесном сотрудничестве с регионами. В декабре 1994 г. В. Кобер направил по поручению рабочей группы письмо руководителям региональных организаций российских немцев. В нем сообщалось о начале работы над Программой и предлагалось инициировать аналогичную деятельность на местах. 20.02.1995 г. Первый заместитель Министра Миннаца РФ В. Михайлов направил письмо главам администраций 21 региона с наиболее массовым проживанием немцев в РФ. В письме предложено создать группы для подготовки региональных программ по российским немцам и оказать содействие центральной рабочей группе в ее деятельности на местах. К письму были приложены Концепция самоорганизации, приказ о создании центральной рабочей группы, план ее деятельности и список членов. 11.03.1995 г. Я. Маурер направил в те же регионы письмо руководителям местных организаций Общества «Видергебурт», к которому приложил *«Методические рекомендации по разработке программы самоорганизации на региональном уровне»*, а также (для ориентации) базовый вариант раздела 2 Программы «Общая схема самоорганизации российских немцев». 12.04.1995 г. Э. Вольф направил руководителям отделов межнациональных отношений соответствующих региональных администраций письмо с просьбой об ответной информации.

По полученным сведениям, рабочие группы для подготовки программ по российским немцам были созданы в Республике Башкортостан, Алтайском, Краснодарском и Красноярском краях, Новосибирской, Омской, Оренбургской, Пермской, Самарской, Свердловской, Тамбовской, Томской, Тюменской, Ульяновской, Челябинской областях. 22-23 мая 1995 г. в Подмосковье прошел семинар по разработке региональных программ, организованный центральной рабочей группой совместно с СНР. На нем присутствовало 22 участника из 14 регионов. Были заслушаны и обсуждены

доклады разработчиков Программы, состоялся обмен информацией о положении дел на местах, даны предварительные оценки представленных региональных программ и высказаны рекомендации по их совершенствованию.

8 октября 1995 г. проект Программы принимается решением IV конференции Общества немцев РФ «Видергебурт», состоявшейся в г. Москве.

В ноябре 1995 г. проект Программы представлен в Миннац РФ, а также участникам VII заседания Межправительственной комиссии в г. Бонне (Германской стороне – в немецком переводе В. Дизендорфа).

28 января 1996 г. проект Программы принят решением Совета немцев России.

Автор настоящей Пояснительной записки – В. Дизендорф. В Пояснительной записке использованы материалы Г. Бауэра (пп. 3.3, 3.10), А Фаренбруха (п. 3.6), Э. Вольфа (п. 3.7), В. Кислинга (п. 3.8).

1. ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТА:

ФОРМИРОВАНИЕ, РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

ЭТНОСА РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

1.1. ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОСА РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

1.1.1. Хотя немцы приезжали в Россию и зачастую поселялись здесь с незапамятных времен, говорить о российских немцах уместно лишь со 2-й половины XVIII в. – периода первого массового переселения при Екатерине II. До этого немцы отправлялись в Россию в индивидуальном порядке, селились только в крупных городах и даже при относительно компактном проживании (например, в «Немецкой слободе» в Москве) быстро ассимилировались. Это означает, что в доекатерининские времена немецкая диаспора в России была не в состоянии самовоспроизводиться.

1.1.2. Современной этнологии пока не удалось прийти к единству в понимании ключевой категории этой науки – этноса. Не вполне ясно, в какой мере этнообразующие признаки (язык, культура, традиции, обычаи, территория проживания и т.д.) позволяют четко выделить различные этносы, которые по некоторым из перечисленных критериев могут и пересекаться. Однако общепризнано, что во главу угла при решении подобных вопросов не может не ставиться единое этническое самосознание. Появление данного феномена у российских немцев относится к концу XIX в. Это можно утверждать, например, применительно к немцам, эмигрировавшим тогда из России в Америку. У потомков этих людей самоназвание «российские немцы» в различных его вариациях бытует до сих пор, хотя история их проживания в Америке продолжается уже дольше, чем их предки прожили в России. Симптомом возникновения этнического самосознания является и то обстоятельство, что в 1917 г., как только появились соответствующие политические условия, были предприняты попытки создания общенациональной общественной организации (*«Всероссийский союз российских немцев»*) и единого национального представительного органа (*«Всероссийский центральный комитет граждан немецкой национальности и меннонитов»*), перечеркнутые большевистским переворотом.

1.1.3. Вопрос о том, являются ли российские немцы особым этносом, имеет не только научное, но и серьезное практическое значение. В Законе РСФСР *«О реабилитации репрессированных народов»* не содержится перечня репрессированных российских народов, как было в свое время предусмотрено в законопроекте. Однако в ст. 2 Закона, перечисляющей критерии отнесения к репрессированным народам, имеется формулировка, в сущности эквивалентная обобщающему понятию этноса, – «народы (нации, народности или этнические группы и иные исторически сложившиеся культурно-этнические общности людей». Таким образом, отказ считать российских немцев отдельным этносом мог бы явиться поводом для их выведения за рамки действия Закона о реабилитации репрессированных народов со всеми вытекающими отсюда последствиями.

1.1.4. Предки российских немцев приехали в Россию, когда Германия как единое государство еще не существовала. Они были выходцами из многих германских земель, а также ряда сопредельных стран. Эти разношерстные переселенцы и их потомки, живя в непосредственной близости, перенимая особенности языка и обычаев друг друга, вступая во взаимные браки, постепенно сплавлялись в единый самобытный этнос, отличный и от немецкого этноса как такового, и от его субэтносов, существующих в немецкоязычных странах. На этот процесс повлияло, конечно, и соседство с русскими, украинцами и другими народами России. Однако в условиях, когда основная масса российских немцев проживала достаточно замкнуто и компактно, данный фактор не мог играть определяющей роли.

1.1.5. В исследованиях по истории российских немцев до 1917 г. обычно выделяют 3 их основные группы: немцев Балтии и Польши, жителей крупных городов, колонистов. По данным переписи 1897 г. они составляли соответственно около 30, 10 и 60% общей численности немецкого населения России. Однако к собственно российским немцам можно безоговорочно отнести лишь третью из этих групп, а первую и вторую – в той мере, в какой они имели тесные устойчивые связи с третьей.

1.1.6. Немцы Балтии и Польши отличались тем, что их предки не переселялись в Россию, а жили на территориях, в разное время захваченных российской короной. В этой группе самоназвание «российские немцы», как правило, не использовалось. После 1917 г. территория ее проживания отошла от России, и группа перестала иметь отношение к российским немцам. Однако до этого она сыграла немалую роль в формировании этноса российских немцев: российские власти назначали в немецкие колонии администраторов в основном из числа балтийских и «городских» немцев, а Дерптский (ныне Тартуский) университет был связующим звеном между преимущественно протестантским населением колоний и российско-немецкой интеллигенцией других регионов. Именно от указанной группы исходили в начале XX в. первые попытки создать единое национальное движение российских немцев.

1.1.7. Немецкие жители крупных городов (прежде всего – С.-Петербурга, Москвы, Саратова, Одессы) происходили как от колонистов, так и от немцев, переехавших в Россию еще до начала массового переселения. Городским немцам, как и предыдущей группе, принадлежит в истории российских немцев важная культуртрегерская и объединительная функция, несколько парадоксально сочетавшаяся с другой их особенностью – высокой степенью ассимилированности. Имея в своем составе заметную долю российско-немецкой дореволюционной элиты и интеллигенции, эта группа после 1917 г. в значительной части эмигрировала.

1.1.8. Имеются основания полагать, что формирование этноса российских немцев окончательно завершилось уже после 1917 года. Этому способствовало, в частности, отмеченное исчезновение из России первой и (частично) второй из указанных групп,

заметно отличавшихся от немецких колонистов. Кроме того, невиданная социальная унификация и территориальная мобильность населения, спровоцированные политикой большевистских властей, значительно усилили тенденции к интеграции различных по месту проживания групп колонистов и их, вместе взятых, с городскими немцами. Наконец, был создан первый и единственный в истории российских немцев общенациональный центр – Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья (АССР НП). Республика на Волге с ее немецкими вузами, техникумами, театрами, музеями, издательствами, печатными органами и т.д. в значительной мере определяла развитие культуры и образования российских немцев независимо от места их проживания на территории СССР.

1.1.9. Наиболее тесные контакты поддерживали между собой российские немцы, проживавшие в пределах нынешней РФ. Это обусловлено тем, что большинство дочерних немецких колоний, возникших на данной территории, было основано выходцами из других регионов собственно России, главным образом – поволжскими немцами. Отсюда заметное тяготение в этих местах проживания (Западная Сибирь, Оренбуржье, Башкирия, Дон, Кубань, Северный Кавказ) к материнским колониям и затем к автономии на Волге, а также друг к другу. Таким образом, до 1941 г. немцев РСФСР можно было с достаточным основанием считать отдельным субэтносом этноса российских немцев.

1.2. ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ КАК ЭТНОСА

1.2.1. Особенности этноса российских немцев связаны, прежде всего, с тем, что он возник в результате эмиграции, которая была несколько веков назад достаточно типичным явлением для Западной Европы. В условиях быстрого роста численности населения и разного рода внутренних катаклизмов страны этого региона были не в состоянии обеспечить нормальную жизнедеятельность своих граждан на ограниченной территории государств-метрополий. Вследствие этого многие наиболее активные их жители переселялись в другие страны, чаще всего – в заморские колонии. Тем самым от европейских народов отпочковывались группы, которые со временем вырабатывали новые стереотипы поведения, теряли связи с метрополиями и превращались в самостоятельные этносы – американцев англосаксонского происхождения, креолов, буров, австралийцев и др. Вопреки распространенному мнению, погоня за жизненными благами была далеко не ведущим мотивом тогдашней эмиграции. Обычно переселенцы попадали на новом месте в очень трудные условия, большинство из них быстро умирало в результате болезней, столкновений с туземцами, произвола местных властей и т.п. Тем не менее, эмиграция продолжалась и ширилась.

1.2.2. Несмотря на высокую мобильность тогдашнего населения многих европейских государств, царские манифесты о привлечении здешних переселенцев в Россию вызвали заметный отклик только среди немцев – главным образом потому, что страны их проживания не имели колоний, а также поддерживали с Россией более тесные связи. Однако, наряду с этим, немцы переселялись и в другие места – в Северную и Южную Америку, Австралию, некоторые районы Африки. Но нигде (не считая, быть может, Африки) их судьба не складывалась столь трагично, как в России. Ниоткуда не было и массовой вторичной эмиграции – явления, столь характерного для российских немцев. Видимо, это во многом связано с тем, что российские немцы являют собой уникальный пример, когда бы целый народ появился на территории чужого государства не просто с согласия, но и по приглашению его властей. Такая ситуация не могла не привести к особой уязвимости нового этноса, его теснейшей зависимости от положения в России и в местах прежнего проживания, от правовых рамок, установленных для него российскими правителями и нередко пересматривавшихся ими в зависимости от политической конъюнктуры.

1.2.3. Политическая линия властей России и СССР, очевидным образом взаимосвязанная с состоянием отношений с Западом, непосредственно влияет на положение в стране всех народов европейского происхождения – поляков, понтийских греков, ингерманландских финнов, болгар, венгров, а также евреев и др. В итоге многолетнего противоборства с Западом и репрессивного внутриполитического курса все перечисленные этносы, в конце концов, оказались на грани исчезновения. Особенно уязвимы в этом смысле российские немцы, этнически связанные с главным европейским соперником России – Германией. Начиная с 1871 г. – года основания Германской империи, все перипетии российско-германских отношений тотчас сказывались на их положении. В ходе Первой и – в куда большей степени – Второй мировых войн против российских немцев были предприняты массовые репрессии и даже акты геноцида по национальному признаку только потому, что Россия (СССР) и Германия воевали друг против друга.

1.2.4. По выражению известнейшего современного этнолога Л. Гумилёва, российские немцы изначально находились с окружающими народами в состоянии «нейтрального этнического контакта». Это означает отсутствие как слияния, так и симбиоза (четкого разделения функций в процессе этногенеза). В самом деле, для немецких колонистов в России всегда была типична сильная обособленность. Они поддерживали с соседями лишь спорадические контакты, весьма неохотно перенимая чужой язык, а тем более культурно-бытовые традиции и религию, крайне редко вступая в межнациональные браки. Такая самодостаточность сдерживала развитие экономических, а в еще большей степени культурных связей с соседними народами. Как отметил Л. Гумилёв, эта традиционная форма взаимоотношений российских немцев с соседними народами была возможной лишь потому, что они не реагировали друг на друга резко отрицательно, а власти страны не проводили политику искусственного смешения ее народов. Первое из названных условий соблюдалось неукоснительно: российские немцы никогда не враждовали ни с одним из окружающих народов. Что же касается второго, то его вопиющее попрание в советский период закономерно поставило под вопрос само существование этноса российских немцев.

1.2.5. Одной из главных особенностей любого этноса является территория его расселения. При этом, как утверждал Л. Гумилёв, месторазвитием нового этноса, как правило, служит территория, сочетающая несколько природных ландшафтов. Данная закономерность вполне подтверждается на примере двух основных регионов поселения немцев в России: для Поволжья типично сочетание степи, речных долин и холмистой правобережной лесостепи, для Причерноморья – степи, речных долин и морского побережья. В обоих случаях основным элементом ландшафта была степь. Единственным заметным исключением из этого правила являлись немцы Волыни, переселившиеся в Россию позже остальных и жившие в преимущественно лесистой местности. Как отметил Б. Петерс (г. Саратов), стремление жить в степи стало отличительной чертой российских немцев. Это проявилось как при создании многочисленных дочерних колоний в степях Оренбуржья, Западной Сибири и Северного Казахстана, так и в ходе переселения на американский континент. То же обстоятельство явилось одной из важных причин, побудившей многих немцев после снятия со спецучета переселиться из северной лесной местности в казахстанские и алтайские целинные степи, а также в полупустынные степи Средней Азии. Данный фактор, безусловно, необходимо учитывать при планировании перспективных мест расселения российских немцев. Уже поэтому заведомо несостоятельны широковещательные прожекты массового переселения немцев в центр и на северо-запад России.

1.2.6. Место поселения во многом обусловило и характер трудовой деятельности российских немцев. Несмотря на достаточно пеструю профессиональную структуру

прибывших в Россию (особенно в Поволжье) переселенцев и обещанный Екатериной II свободный выбор формы деятельности, огромному большинству немецких колонистов пришлось заниматься в новых местах сельским хозяйством. Вопреки непривычным природно-климатическим условиям, а также низкому плодородию почв (в Поволжье), российским немцам удалось в условиях свободы от крепостной зависимости достаточно быстро создать в степи эффективное зерновое хозяйство (пшеница, ячмень, овес, кукуруза). Со временем немецкие хозяйства (прежде всего – в Причерноморье) стали крупными экспортерами зерна, вывоз которого из царской России неуклонно нарастал во многом за счет их усилий. Колонистами была выведена новая порода коров «немецкая красная», получившая широкое распространение. В южных районах немцы практиковали и виноградарство. Постепенно на базе сельского хозяйства и ремесла у российских немцев получили развитие некоторые отрасли промышленности (мукомольная, текстильная, производство стройматериалов, сельскохозяйственной техники и инвентаря, металлообработка). Сталинская депортация разрушила этот крупный экономический потенциал, и без того подорванный предшествующей политикой большевистских властей, нанеся невосполнимый ущерб как российским немцам, так и всему народному хозяйству страны. Без воссоздания необходимой экономической базы с учетом исторических традиций и нынешних реалий этнос российских немцев не может существовать, а тем более развиваться.

1.2.7. Характерной особенностью культуры российских немцев является ее тесная связь с религией. Религиозные преследования были важнейшим мотивом переселения в Россию очень многих колонистов (лютеране, подвергавшиеся гонениям в католических странах, меннониты, гернгутеры). Без обещаний царскими манифестами свободы вероисповедания массовое переселение вообще не могло бы состояться. В огромном большинстве российские немцы, особенно колонисты, были верующими. За счет собственных средств немцы построили лютеранские и католические церкви, менонитские или баптистские молельные дома почти во всех своих поселениях и во многих городах России. Церкви и молельные дома зачастую использовались как школы. В них преподавали учителя-дьячки, одновременно замещавшие священников на богослужениях. Светские школьные здания также строились в основном за счет общин. В церковных или светских школах обучались почти все колонисты, среди них по тогдашним меркам было очень мало неграмотных. Дерптский университет, выпускавший для немецких колоний квалифицированных учителей и других специалистов, одновременно занимался и подготовкой евангелических священников. Религиозные обряды сопровождали все основные события в жизни российских немцев, религиозными мотивами были пронизаны их литература и песенная культура. Постепенное удушение, а затем полная ликвидация религиозной жизни российских немцев после 1917 г. означали для них и катастрофу в сфере культуры. Таким образом, возрождение национального образования и культуры немцев в РФ неразрывно связано с оживлением их религиозной жизни.

1.2.8. Наконец, последняя в нашем перечне, но, пожалуй, первая по значимости особенность российских немцев – их традиционное общинное самоуправление. Именно его гарантия, а не прочие льготы и привилегии в наибольшей степени побудила десятки тысяч колонистов переселиться в Россию. Наряду с упомянутой свободой отправления религиозных обрядов, самоуправление базировалось на самостоятельном установлении немецкими поселениями своей внутренней юрисдикции. Около 100 лет колонисты подчинялись не местному начальству, а общим нормам гражданского права и особым органам управления колониями, подвластным непосредственно правительству. Колонии сами избирали старост и верховных старост, подотчетных собраниям жителей соответственно села или административного района. Очевидно, что без самоуправления немецким колониям не удалось бы добиться ни экономического благополучия, ни, тем

более, сохранения родного языка и культуры. Ограничение внутреннего самоуправления, практиковавшееся правящей верхушкой начиная с 1871 г. вопреки торжественным заверениям царских манифестов, явилось тяжелейшим ударом по российским немцам, спровоцировавшим их массовую эмиграцию. Советские власти, с самого начала проводившие по отношению к немецким колониям репрессивную политику, тем не менее, в определенной мере сохранили, а отчасти и развили их самоуправление. Это проявилось в создании Автономной области, а затем АССР Немцев Поволжья, 17 немецких национальных районов и 550 сельсоветов. Их полная ликвидация в 1938-41 гг. разрушила и перспективу самосохранения российских немцев как этноса. Нельзя не отметить и самую трагичную особенность российских немцев – они остаются единственным народом, чья незаконно ликвидированная властями СССР государственность так и не восстановлена. В этих условиях, без полного воссоздания системы самоуправления российских немцев, не приходится говорить ни об их равноправии, ни о будущем на территории СССР.

1.3. МЕСТА ПОСЕЛЕНИЯ, ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

1.3.1. По подсчетам московского историка В. Кабузана [9], к началу 60-х годов XVIII в., т.е. накануне массового переселения, на территории Российской империи (в границах конца столетия) проживало 166 тыс. немцев, главным образом – в районах Польши, Прибалтики и частично в крупных городах. К концу переселенческой эпопеи, через 100 лет, их численность возросла до 840 тыс. или в 5 раз, а удельный вес в населении страны – от 0,6% до 1,2%. Массовое привлечение иностранцев – главным образом немцев – в Россию можно подразделить на 3 основных этапа. Первому этапу (1763-73 гг.) непосредственно предшествовали Манифесты Екатерины II. В это время основная масса переселенцев направлялась из Рейнской области, Гессена и некоторых других германских земель в Поволжье (где было образовано 104 немецких колонии, в т.ч. 59 в Левобережье и 45 в Правобережье), окрестности С.-Петербурга, а также в районы Воронежа, Чернигова и Лифляндию. Только в Поволжье было направлено в 1764-68 гг. 26.509 колонистов. Общая численность переселенцев составила за данный период 30.623 чел. На втором этапе (1787-1823 гг.) шло переселение в Новороссию (Причерноморье) и Закавказье. К 1841 г. на этих территориях образовались 284 колонии, в которых проживало 20.489 семей. На третьем этапе (1830-62 гг.) колонисты приезжали в основном на Украину (Волынь) и в Поволжье. В целом в XIX в. в Россию въехало примерно 55 тыс. немцев. Совокупное число переселенцев составило за 100 лет более 100 тыс. чел. По данным Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона [18, с. 672-675], они основали в стране 549 иностранных колоний (в подавляющем большинстве – немецких): в Таврической губернии – 165, Самарской – 131, Бессарабской – 70, Саратовской – 58, Екатеринославской – 53, Херсонской – 47, С.-Петербургской – 12, Черниговской – 6, Новгородской – 3, Лифляндской – 2, Воронежской и Полтавской – по 1.

1.3.2. Демографическое и социально-экономическое положение российских немцев отразили периодические ревизии – частичные переписи населения, главным образом податного, проводившиеся в России в XVIII-XIX вв. По данным последней такой ревизии (1858 г.), в перечисленных губерниях насчитывалось 201.827 немецких колонистов мужского пола, имевших более 2 млн. десятин (1 дес. = 1,093 га) удобной земли, а также свыше 20 тыс. безземельных. Больше всего колонистов проживало к тому времени в

Поволжье – 25.664 семьи, насчитывавшие 126.829 душ мужского и 124.316 душ женского пола. Отсюда видно, что средняя семья поволжских колонистов состояла из 10 человек. Демографический анализ, предпринятый В. Кабузаном на основе итогов ревизий [9], дает наглядное представление о динамике немецкого населения по регионам России в период массового переселения – с 1796 г. (V ревизия) до 1858 г. (X ревизия). За это время немецкое население увеличилось повсюду, хотя и в разной степени. В результате удельный вес немцев в населении регионов практически не изменился в Прибалтике (соответственно 6,6% и 6,5%) и Озерном крае (С.-Петербург и его окрестности – 2,0% и 1,9%), заметно повысился в Польских губерниях (4,2% и 5,6%) и Нижнем Поволжье (3,8% и 5,8%), но особенно резко возрос в Новороссии, т.е. южных российских губерниях (0,4% и 2,8%). Эти различия обусловлены региональной спецификой эмиграционных и – в меньшей мере – миграционных процессов. В итоге Новороссия обошла по численности немецкого населения Прибалтику, а Нижнее Поволжье приблизилось к Польским губерниям. Земская статистика свидетельствует, что в 1893 г. только в 16 уездах 6 европейских губерний (С.-Петербургской, Саратовской, Самарской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской) проживали 68.587 домохозяев из числа бывших колонистов, объединявших 235.744 души мужского и 225.506 душ женского пола, имевших удобной надельной земли 1.784.555 дес., купленной земли – 269.448 дес., крупного скота – 389.272 головы, мелкого – 1.007.052 головы. Таким образом, на каждое хозяйство приходилось в среднем по 30 дес. земли, 5 голов крупного и 14 мелкого скота. Это солидное по тем временам имущественное положение сочеталось с достаточно высокой грамотностью колонистов – 49,1%.

1.3.3. В соответствии с основной целью, которую преследовали российские власти при организации переселения, – содействием освоению огромных пустующих территорий страны – немецкие поселения размещались исключительно на неосвоенных землях. При этом, например, 50 из 104 колоний в Поволжье располагались в неудобных местах. Предусмотренная здесь норма выделения земли (30 дес. на семью, из них 15 пахотной, 5 луговой, 5 лесной, 5 под постройки и сад с огородом) зачастую не достигалась, поскольку часть обещанных земель оказалась занятой. К тому же колонисты на первых порах обычно не были в состоянии обработать такой надел. Однако со временем они смогли в некоторых регионах расширить свои владения до 80 дес. и более. Общая площадь выделенных колонистам земель составила в Поволжье 1,4 млн. дес., а в Причерноморье – 0,6 млн. Вопреки своим обещаниям власти не позволили поволжским колонистам использовать принцип минората (наследование надела младшим сыном в семье), реализованный в Причерноморье, и навязали им традиционную российскую систему уравнительного распределения земли между всеми сыновьями. Тем самым с ростом населения наделы колонистов Поволжья стали неуклонно и быстро дробиться. Это побуждало крестьян, достигших определенного уровня благосостояния, покупать дополнительную землю. В еще большей степени расширение колонистских владений наблюдалось в Причерноморье, где немецкие хозяйства были гораздо зажиточней из-за лучших почвенно-климатических условий и более прогрессивной системы землепользования. В итоге к 1914 г., по данным Землячества немцев из России (ФРГ), колонисты приобрели за счет своих средств в Поволжье 2,5 млн., а в Причерноморье – 4,2 млн. дес. земли. Если учесть также немецкие земельные владения в Прибалтике, Сибири,

вокруг С.-Петербурга, на Волыни и др., то оказывается, что совокупная земельная собственность немцев в России составляла 12,247 млн. дес. или 13,386 млн. га, что превышает территорию бывшей ГДР [32, с. 50]. Из них около 10 млн. га принадлежали колонистам и их потомкам, в т.ч. более 2 млн. – меннонитам. Все это огромное достояние, нажитое и приумноженное трудом многих поколений российских немцев, было безвозвратно утрачено ими в результате «добровольного» отчуждения немецких земель в годы Первой мировой войны, ленинской «красногвардейской атаки на капитал», сталинской насильственной коллективизации и, наконец, депортации.

1.3.4. Характернейшей особенностью немецких колонистов являлась их многодетность. К 1917 г. в колонистских семьях было в среднем по 8 детей. Рождаемость на 1.000 немецких жителей составила в Европейской части России 43,8, а на Украине – 47,3, что заметно превышало соответствующий достаточно высокий показатель в целом по стране. Многодетность в сочетании с покупкой новых земельных угодий приводила к тому, что от материнских колоний «отпочковывались» многочисленные дочерние поселения. В поисках свободных земель колонисты уезжали все дальше от насиженных мест – на Кавказ, Урал и даже в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию. В Причерноморье возникло 1.800 дочерних колоний, в Поволжье – 440, в Сибири – 500. Среди последних – компактные поселения на Алтае и в районе Омска, основанные в конце XIX в. – начале XX в. и входящие сегодня в немецкие национальные районы. Особенно широкие масштабы переселение приобрело в условиях столыпинской реформы. Дочерние, как и материнские немецкие села, строго подразделялись по конфессиональному признаку на лютеранские, католические, менонитские и др. Последние перед Второй мировой войной немецкие поселения возникли в Приамурье в 1927-28 гг. Российские немцы переселялись на Амур из Западной Сибири главным образом для того, чтобы нелегально попасть в Китай, а оттуда в Америку, что некоторым из них и удалось. В итоге многолетнего масштабного процесса расселения немцев по территории страны к 1941 г. в СССР имелось около 3.500 немецких сел.

1.3.5. Наиболее детальное представление о демографическом и социальном положении российских немцев до 1917 г. дают итоги единственной всеобщей переписи населения царской России, проведенной в 1897 г. [27, S. 44-51]. К этому моменту в стране насчитывалось 1.790.489 немцев (1,43% ее населения). Точнее говоря, столько жителей России назвали немецкий своим родным языком. По степени распространенности немецкий язык занимал 9-е место в стране. В России имелось более 2 тыс. немецких поселений. 933.900 немцев (52%) жили в преимущественно русских губерниях (1,26% их населения). На этой территории больше всего немцев проживало на Нижней Волге и Южном Урале (22,48% общего количества немцев в стране), в Новороссии (21,1%), в Северной России – главным образом в С.-Петербурге и вокруг него (4,03%). 23,38% всех немцев России жили в городах, а 76,62% – на селе, что значительно ниже среднего уровня по стране (86,61%). Несмотря на бурный рост своих сельских колоний, немцы уступали в России по степени урбанизированности только евреям. В 50 городах страны немецкое население составляло от 500 до 5.000 чел. В Риге проживало 67.286 немцев (23,8% населения города), в Лодзи – 67.248 (21,4%), в С.-Петербурге – 50.780 (4,0%), в Москве – 17.717 (1,7%), в Одессе – 10.248 (2,5%), в Саратове – 8.367 (6,1%). Более мелкие городские немецкие «колонии» имелись в Тифлисе, Архангельске, Владивостоке и др. Основными

вероисповеданиями российских немцев являлись: лютеранское (76,01%), католическое (13,53%), менонитское (3,68%), реформатское (3,57%). Российские немцы, как и прежде, отличались достаточно высоким уровнем образованности. По удельному весу лиц, получивших образование выше начального, они прочно занимали первое место среди российских народов (4,6% при 1,11% по России в целом), а по уровню грамотности уступали лишь эстонцам и латышам (соответственно 40,8%, 21,71% и 29,62% неграмотных против 78,85% в среднем по стране). Нельзя, однако, не отметить, что в сфере образования российских немцев уже тогда преобладала регрессивная тенденция – прежде всего из-за растущих притеснений немецких школ после 1871 г. По структуре занятости самодеятельное немецкое население подразделялось следующим образом: сельское хозяйство – 39,0%, промышленность – 25,1%, банки и торговля – 4,0%, услуги – 2,8%, прислуга – 11,7%, свободные профессии – 3,8%, рантье – 5,8%, государственная и военная служба – 3,9%, церковь – 0,3%, прочие – 3,6%. Сословная структура немецкого населения характеризовалась такими показателями: дворянство и почетные граждане – 3,2%, духовенство – 0,1%, купечество – 0,7%, мещанство – 18,1%, крестьянство – 70,7%, иностранные подданные – 6,8%, прочие – 0,4%.

1.3.6. Полное попрание с 1871 г. российскими, а, тем более, советскими властями того статуса, который был предоставлен колонистам и их потомкам «на вечные времена», породило закономерное стремление немцев к выезду из страны. В наибольшей степени это было свойственно меннонитам, последователям Менно Симонса (1496-1561), переселившимся в Россию из-за религиозных притеснений. Меннонитство является одним из анабаптистских течений, проповедующим непротивленчество и неприменение силы. Численность меннонитов в России быстро росла – с 17.439 чел. в 1842 г. до более 100 тыс. в 1917 г. Когда российские власти в 1874 г., вопреки заверениям царских манифестов, распространили на бывших колонистов всеобщую воинскую повинность, реакция большинства меннонитов была однозначной: военная служба (даже в предложенной им альтернативной форме) являлась для них неприемлемой по религиозным мотивам. За 1870-80-е гг. в Канаду и США выехало не менее 50 тыс. меннонитов. Вероломство правителей дорого обошлось России. Массовая эмиграция российских немцев (прежде всего меннонитов, чьи хозяйства были наиболее зажиточными и высокотоварными) нанесла стране невосполнимый экономический ущерб. Спровоцировав эмиграцию, российские власти, однако, не вспомнили еще об одном своем обещании – обеспечить всем желающим колонистам и их потомкам право свободного выезда. Поэтому многие немцы предпочитали эмигрировать через Сибирь и Манчжурию, где контроль за беглецами был не столь строг. До 1914 г. из России выехало в Северную и Южную Америку около 300 тыс. немцев. Эмиграция возобновилась после заключения в 1918 г. Брестского договора с Германией, содержавшего соответствующие положения. В период Гражданской войны из России уехало примерно 120 тыс. немцев, половина из которых осела за океаном. Эмиграция отчасти продолжалась и позднее, вплоть до конца 20-х гг. Вскоре после Гражданской войны около 20 тыс. российских немцев, главным образом меннонитов, также удалось выехать за океан. В целом с 1917 г., по имеющимся оценкам, на американский континент переселилось 150-200 тыс. российских немцев. В итоге этой и дореволюционной эмиграции к 1940 г., по оценке Землячества немцев из России, в США

проживало около 350-400 тыс. российских немцев и их потомков, в Канаде – 200 тыс., в Мексике – 30 тыс., в Бразилии – 250 тыс., в Аргентине – 200 тыс. [32, с. 57].

1.3.7. К началу Первой мировой войны в России, по данным историка К. Штумппа (ФРГ), насчитывалось уже 2.416.290 немцев [32, с. 78], т.е. на 35% больше, чем в 1897 г. Отметим, что эти показатели несопоставимы с последующими: вскоре Россия лишилась территорий Прибалтики, Польши, Бессарабии и части Волыни, где проживало в общей сложности до половины немецких жителей страны. На остальной территории России немецкое население, по оценке В. Кабузана, распределялось следующим образом: Поволжье – 645 тыс., Причерноморье (без Бессарабии) – 291 тыс., Правобережная Украина (без Волыни) – 26 тыс., Белоруссия-Литва – 36 тыс., Северная Россия – 53 тыс., Северный Кавказ – 53 тыс., Закавказье – 9 тыс., другие регионы – 161 тыс. Хотя в царской армии находились десятки тысяч немецких военнослужащих, Первая мировая война впервые обернулась для российских немцев огульными репрессиями по национальному признаку, которые были нацелены, прежде всего, на отчуждение их земельной и прочей собственности. После принятия подобных мер к немецкому населению западных приграничных областей власти организовали его депортацию – насколько это было возможно в прифронтовых условиях. Отправились на восток немецкие жители Волынской, Киевской, Подольской, Черниговской, Лифляндской, Бессарабской губерний – всего около 200 тыс. чел. Многие из них погибли во время долгого пути. В начале 1917 г. царская верхушка решила распространить конфискационные (и, как следствие, депортационные) законы почти на все немецкое население России. Эта репетиция сталинского переселения народов не состоялась лишь в результате падения самодержавия. За счет выселения и вынужденного бегства из западных губерний, а также миграции из других регионов доля немцев в общей массе населения Сибири возросла с 0,07% в 1897 г. до 1,0% в 1920 г.

1.3.8. Революция и Гражданская война перевернули жизнь российских немцев, как и других народов страны. По оценке московского историка Ю. Полякова [17], в границах СССР 1926 г. проживало в 1920 г. всего 942,6 тыс. немцев, в 1921 г. – 933,4 тыс., в 1922 г. – 921,5 тыс., в 1923 г. – 914,0 тыс., а доля немецкого населения в стране оставалась в эти годы практически неизменной на уровне 0,7%. Однако из-за отсутствия достоверной статистики в целом по стране эти данные могут считаться лишь сугубо ориентировочными. Более надежным источником является Всесоюзная городская перепись 1923 г., зафиксировавшая в стране (без Грузии и Армении) 148.721 немца-горожанина, что составило 0,7% всех городских жителей СССР. Исходя из доли немецкого городского населения, учтенной переписью 1926 г. (14,9%), это означает совокупную численность немцев на уровне 998 тыс. Таким образом, количество немцев в России впервые за многие десятилетия упало до миллионной отметки. В 1923 г. больше всего немцев-горожан проживало по-прежнему в местах их традиционного поселения в России – Петроградской (14.628 чел.), Саратовской (12.200 чел.), Московской (8.898 чел.), Одесской (6.280 чел.) губ. Однако эти данные свидетельствуют о резком падении численности немцев после 1897 г. в обеих столицах, особенно в северной. В целом же немецкое население страны снизилось в результате революционных и военных катаклизмов, выезда и голода с 1.621.000 в 1918 г. (оценка К. Штумппа) до 1.238.549 чел. в 1926 г. С учетом естественного среднегодового прироста населения в 1,8% историк Б.

Пинкус (Израиль) приходит к выводу об «исчезновении» за 8 лет почти 600 тыс. российских немцев [29, S. 93]. Особенно тяжелые последствия имел для российских немцев первый в их истории массовый голод 1921-22 гг., спровоцированный политикой большевистского руководства, тем более что он сильнее всего затронул основной регион их проживания – Поволжье. Даже по официальным данным тех лет, от голода погибло 50-70 тыс. немцев Поволжья. Г. Лёбзак (Германия) оценил число своих умерших поволжских соплеменников гораздо выше – 166 тыс. [29, S. 99]. А историк О. Винс (Саратов), учтя сведения недавно раскрытых архивов, утверждает, что жертвой голода стал каждый четвертый житель Автономной области немцев Поволжья. Численность немцев Поволжья упала за 1914-23 гг. с 550 до 325 тыс. чел., т.е. более чем на 40%. Только за 1921 г. число немцев на территории поволжской автономии снизилось, по официальным данным, на 23,4% – с 442 до 339 тыс. чел.

1.3.9. Большой научный интерес представляют данные первой после революции всеобщей переписи населения СССР 1926 г. К этому моменту доля немцев в населении страны составила всего 0,84% – против 1,4% накануне 1917 г. Наряду с прочими факторами, немалую роль здесь сыграло отделение Польши, Латвии, Эстонии и Бессарабии, где доля немецкого населения была в несколько раз выше средней по стране. Из 1.238.549 немцев СССР 806.301 чел. (65,1%) проживали в РСФСР, в т.ч. в Нижнем Поволжье – 439.105, на Северном Кавказе – 93.915, в Сибири и на Дальнем Востоке – 81.431, в Казахской АССР – 51.102, в Крымской АССР – 43.631. Лишь 393.924 немца (31,8%) было зарегистрировано на Украине. В то же время перепись зафиксировала в Закавказье и Средней Азии более 30 тыс. немецких жителей. Обращает на себя внимание, в частности, значительное число немцев в Азербайджане и Грузии – соответственно 13.149 и 12.074 чел. Приведенные данные, несмотря на их неполную сопоставимость с дореволюционными из-за серьезных изменений территории и административного деления страны, отражают заметную тенденцию к перемещению немецкого населения на восток и юг. Поскольку в тот период еще не практиковалось масштабное насильственное переселение, остается предположить, что речь шла о бегстве немцев от голода и преследований. К концу 30-х гг. в РСФСР было создано 6 немецких районов, на Украине – 11. В образованной к тому времени АССР Немцев Поволжья в 1926 г. проживало 571.754 чел., в т.ч. 379.630 (66,4%) немцев. Значительная доля инонационального населения (русских, украинцев, казахов и др.) объясняется при этом не изменением демографической ситуации в немецких поселениях (они оставались, как правило, моноэтничными), а включением в состав автономии ненемецких сел и многонационального Покровска (с 1931 г. – г. Энгельс), ставшего в 1922 г. областным центром, а в 1924 г. – столицей АССР НП. 41.214 немцев проживало в Саратовской губ. (за пределами АССР НП). Доля немецкого городского населения намного снизилась по сравнению с дореволюционным уровнем и составила всего 14,9%. Теперь немцы оказались в данном отношении даже ниже среднего показателя по стране – 17,8%. Дело здесь, очевидно, в отмеченном отделении ряда территорий с многочисленным немецким городским населением, а также в особенно массовой эмиграции немцев-горожан и в бегстве жителей крупных городов от голода. В 1931 г. в Москве было зарегистрировано всего 2.558 немецких рабочих и служащих (0,2% занятого населения города), а в Ленинграде – 4.561 (0,5%). Серьезный регресс был заметен и в сфере образования. В 1927

г. в вузах обучалось лишь 994 немца, т.е. 0,61% всего студенчества (по сравнению с 9,3% в 1913 г.), что было значительно меньше и без того небольшого удельного веса немцев в численности населения СССР. Тем не менее, в 1926 г. немцы еще занимали вслед за евреями второе место по уровню грамотности в стране – 60,2%, намного опережая русских (45%). В отличие от 1897 г., перепись 1926 г. зафиксировала отдельно национальность и родной язык. Оказалось, что 94,9% немцев считали немецкий своим родным языком – высокий уровень на фоне других национальностей. Но уже в то время этот показатель в городах и селах существенно отличался – соответственно 77,4% и 97,9%.

1.3.10. Насильственная коллективизация, порожденные ею «раскулачивание» и голод нанесли народам СССР очередной непоправимый урон. Российские немцы, среди которых было относительно больше зажиточных крестьян, пострадали особенно сильно. Согласно оценкам германских историков, доля немецких крестьян в числе «кулачества» составила 10-15%, хотя их удельный вес в крестьянском населении страны едва достигал 1%. АССР НП пришлось принять на себя главный удар – уже в июне 1931 г. было объявлено, что республика первой в стране завершила сплошную коллективизацию. Результаты не замедлили сказаться: в 1933 г. Поволжье, как и другие места проживания российских немцев – Украину, юг России, Казахстан, – постиг сильнейший голод. По данным историка А. Германа (г. Саратов), в АССР НП (прежде всего – в ее правобережных районах) в те годы умерло от голода более 55 тыс. чел. [4, с. 121]. А в целом за 1920-34 гг., по его подсчетам, с территории республики «исчезло» более трети жителей. Среди них – многие люди, спасавшиеся бегством. Только за 1933 г., по данным того же А. Германа, АССР НП покинули 110 тыс. чел. [4, с. 126]. По сведениям В. Хердта (Германия), почерпнутым из секретных фондов партийного архива АССР НП, численность населения Немреспублики составила в 1934 г. лишь 433,5 тыс. чел. [20, с. 212], т.е. на 24,2% меньше, чем в 1926 г. Не успело немецкое население прийти в себя после всех этих катаклизмов, как начались массовые политические репрессии. Сельскую местность, где в основном проживали российские немцы, они затронули относительно меньше. Но немцам «повезло» и на сей раз: они как нельзя лучше подходили на роль кандидатов в мифические фашистские диверсанты и шпионы. На 1 января 1939 г., по официальным данным, среди 1.317.195 заключенных лагерей ГУЛАГа было 18.572 немца, т.е. 1,4%, тогда как реальная доля немцев в численности населения СССР составляла в этот период чуть более 0,7%.

1.3.11. Упомянутые трагические события не могли не найти отражения в итогах переписей населения. Результаты очередной переписи, проведенной в декабре 1937 г., показали слишком уж красноречивую картину. Поэтому власти их аннулировали и держали в секрете более полувека. Выборочные итоги этой переписи были обнародованы лишь в 1990 г. (см. «Вестник статистики», 1990, № 7-8; «Социологические исследования», 1990, № 6-8), и они действительно ошеломляют. Общая численность учтенного населения СССР была в 1937 г. на 4,6% ниже уровня, зафиксированного год с небольшим спустя – в январе 1939 г. Положим, это несовпадение еще можно отчасти объяснить чрезмерной краткостью переписи 1937 г. (по поводу чего сетовали задним числом те самые руководящие органы, которые породили этот недостаток), а также естественным приростом населения за период между переписями. Но огромные различия в численности

населения АССР НП и в количестве немцев в целом по СССР, зарегистрированные в интервале менее полутора лет (эти две цифры абсолютно одинаковы и составляют 19,3%), никакими техническими причинами мотивировать, конечно, нельзя. Отсюда явно вытекает сфальсифицированность соответствующих данных в итогах переписи 1939 г. Она тем более очевидна, поскольку власти не особо напрягали свою фантазию и «вывели» в 1939 г. в точности ту же долю немцев в населении СССР, какая была зафиксирована переписью 1926 г., – 0,84%. (В 1937 г., как будет показано ниже, данная величина оказалась намного меньше.) В июле 1939 г. Верховный Совет АССР НП сообщил в Москву, что численность населения Немреспублики составила 565,7 тыс. чел., т.е. на 6,7% меньше соответствующего показателя переписи данного года. Все это, однако, не значит, что ложными являются все итоги переписи 1939 г., касающиеся российских немцев. Так, численность немецкого населения по отдельным республикам, краям и областям, зафиксированная в 1939 г., достаточно близка к соответствующим данным НКВД о количестве немцев, выселенных в 1941 г. А ведь организаторам депортации не было смысла фальсифицировать ее показатели, предназначенные лишь для «внутреннего потребления».

1.3.12. Итак, немецкое население СССР составило по итогам переписи 1937 г. 1.151.602 чел., т.е. на 7,0% меньше, чем в 1926 г. Еще резче снизилось население АССР НП – на 14,4%. Доля немцев в численности населения страны упала до крайне низкого уровня – 0,71%, который со времени начала массового переселения сравним лишь с приведенной выше весьма неточной оценкой, относящейся к началу 20-х гг., а также с аналогичной величиной по итогам переписи 1989 г. Некоторое влияние на этот показатель в 1937 г. могла оказать методика подсчета населения. Тогда, в отличие от 1926 г., в пределах республик, краев и областей учитывались лишь самые многочисленные из проживавших здесь народов, а остальное население относилось к графе «прочие национальности и нераспределенные по национальностям». Эта группа составила в 1926 г. 2,3% общей численности населения, а в 1937 г. увеличилась по указанной причине до 3,2%. Таким образом, численность немцев, как и других народов СССР, могла быть занижена в пределах последней величины, но одним этим обстоятельством, разумеется, невозможно объяснить уменьшение немецкого населения на 7% за 11 лет при общем росте населения СССР в этот период на 10,2%. При этом в 1926-37 гг. не наблюдалось массовой эмиграции (по сведениям германских историков, из СССР смогли выехать за данные годы лишь 14.586 немцев), степень ассимилированности немецкого населения была еще весьма незначительной, а уровень его рождаемости достаточно высоким (около 5% в год). В то же самое время депортация «кулаков» в Казахстан привела к росту его немецкого населения с 1926 г. на 57,7%.

1.3.13. В ходе переписи населения 1937 г. опрашиваемым, начиная с 16 лет, единственный раз за советский период задавался вопрос о вероисповедании. При тогдашних условиях этот шаг невозможно расценить иначе, как гнуснейшую политическую провокацию. Немцы и ряд других народов СССР ответили на нее актом потрясающего гражданского мужества: перепись зарегистрировала в стране 484.731 католика и 457.885 протестантов. И это притом, что практически все их церкви (в отличие, например, от православных) давно уже были закрыты. Наряду с немцами, к данным конфессиям традиционно принадлежали поляки, финны, эстонцы, латыши, чехи, литовцы

и некоторые другие национальности, проживавшие в России. К 1937 г. лиц этих национальностей, вместе взятых, осталось в СССР лишь 960,6 тыс. Таким образом, вместе с российскими немцами численность потенциальных католиков и протестантов составляла здесь 2,1 млн. чел. Из приведенных данных вытекает, что верующими признали себя среди них около 45%. Значимость этого факта еще резче оттеняется тем обстоятельством, что соответствующий показатель по всему населению СССР составил всего 34%. Наряду с поголовным учетом верующих, организаторы данной переписи преследовали и другую провокационную цель: они стремились публично продемонстрировать, что к религии тяготеют лишь самые невежественные люди. Поэтому вероисповедание учитывалось отдельно по грамотному и неграмотному населению. Как и следовало ожидать, удельный вес верующих во второй категории оказался намного выше. Однако католики и протестанты испортили властям весь статистический спектакль: их доля среди грамотных верующих составила соответственно 1,1% и 1,3%, а среди неграмотных – лишь 0,6% и 0,2%. Уже эти убийственные цифры могут служить объяснением беспрецедентного шага руководства СССР по «отмене» переписи 1937 г.

1.3.14. Перепись 1939 г. учла на территории СССР 1.427.232 немца, в т.ч. в РСФСР – 862.504 чел., на Украине – 392.458, в Казахстане – 92.571 [2]. Официальные данные переписи свидетельствуют об очень значительном приросте немецкого населения по сравнению с 1926 г. в Казахстане (81,1%), Азербайджане (75,9%), Грузии (70,0%), Киргизии (173,6%), Узбекистане (124,6%), Туркмении (164,9%) при падении численности немцев на Украине на 0,4%. Следовательно, депортация и вынужденная миграция немецкого населения порождали все большее его распыление по огромной территории СССР. В перспективе это не могло не привести к усиленной ассимиляции. Ее признаки были ощутимы уже в 1939 г.: к этому времени доля российских немцев, назвавших немецкий язык родным, снизилась до 88,4%. Основная масса немецкого населения РСФСР проживала по-прежнему в Поволжье. Однако в самой АССР НП демографическая ситуация складывалась для немцев крайне неблагоприятно. Хотя площадь республики увеличилась по сравнению с 1926 г. с 26,8 до 28,2 тыс. кв. км, число немцев сократилось здесь до 366.685 чел., т.е. на 3,4%. Широкомасштабные политические репрессии против немецкого населения республики обусловили резкое нарушение его половой структуры. Доля женского немецкого населения составила в АССР НП 63,4%, а мужского – лишь 57,4%. Абсолютная величина соответствующих показателей вызывает сомнения из-за отмеченной фальсификации в ходе переписи, но их соотношение настолько красноречиво, что не может быть случайным. За пределами АССР НП больше всего немцев РСФСР проживало в Омской обл. (59.832 чел.), Крымской АССР (51.299 чел.), Орджоникидзевском (ныне Ставропольском – 45.689 чел.), Краснодарском (34.287 чел.) и Алтайском (33.203 чел.) краях, Саратовской (42.970 чел.), Ростовской (32.968 чел.), Сталинградской (ныне Волгоградской – 23.751 чел.) и Чкаловской (ныне Оренбургской – 18.594 чел.) областях. Доля немецкого городского населения возрастала медленно – с 14,9% до 20,9% (в РСФСР до 19,8%) за 13 лет – и еще не достигла дореволюционного уровня. Невелик был и рост городского населения на территории АССР НП: 1910 г. – 7,6%, 1926 г. – 10,3%, 1936 г. – 16,7%. Что касается собственно немецкого населения АССР НП, то доля его городской части оказалась и того меньше – 14,2% в 1939 г. А ведь именно в Немреспублике находились Энгельс, Марксштадт (ныне г. Маркс Саратовской

обл.) и Бальцер (ныне г. Красноармейск Саратовской обл.), опережавшие по числу немецких жителей даже Ленинград и Москву, не говоря уже о прочих городах СССР. Из этих данных следует очевидный вывод: сталинская индустриализация времен первых пятилеток по существу обошла российских немцев стороной. Тем не менее, немецкое население, как и прежде, отличалось высоким уровнем грамотности. Более того, грамотность немцев 9 лет и старше возросла с 78,5% в 1926 г. до 93,5% в 1939 г. (у русских – соответственно 58% и 83,4%). Однако эти достижения все еще в значительной мере базировались на успехах дореволюционных времен. Так, уровень грамотности немцев 50 лет и старше составлял в эти годы соответственно 74,4% (первое место в СССР) и 86% (третье место). По качественной структуре образования немцы отставали после 1917 г. все сильней. К примеру, в 1939 г. на 1.000 чел. населения среднее образование имели лишь 69,7, а высшее – 5,2 немцев (среди русских – соответственно 81,4 и 6,2).

1.3.15. Итоги переписи 1939 г. содержат уникальные данные о кадровой ситуации в АССР НП. Отличительной чертой российских немцев была (и остается) очень высокая степень занятости. Составляя по официальным данным лишь 60,4% населения АССР НП, они находились здесь по удельному весу в численности занятых на уровне 63%. Однако с точки зрения занятия высоких постов и выполнения квалифицированных работ ситуация складывалась для них чрезвычайно неблагоприятно даже в «своей» республике. Среди руководящего персонала партийных, государственных, кооперативных, общественных учреждений и предприятий АССР НП немцы составляли лишь 53,9%, в т.ч. среди республиканского руководства – 34,6%, районного и городского – 58%; среди судей и прокуроров – 61%, руководителей медицинских учреждений – 41,4%, руководителей предприятий – 48,8%, руководителей отделений, цехов, мастерских – 49,3%, инженеров – 10,8%, конструкторов – 36%, ветврачей – 23,4%, техников – 16,1%, врачей – 29,2%, научных работников, профессоров и преподавателей вузов – 49,3%, писателей, журналистов, редакторов – 59,5%, работников искусств – 50,3%, адвокатов, юрисконсультов – 42,3%, экономистов – 39,1%, бухгалтеров – 47,4%. Таким образом, по всем этим позициям немцы были представлены далеко не пропорционально доле своей численности в самодеятельном населении АССР НП. Обратное явление наблюдалось лишь на рабочих местах низшего разряда, требовавших главным образом пунктуального исполнения решений руководства, т.е. традиционной «добродетели» российских немцев. Что и говорить, очень впечатляющая картина, проливающая яркий дополнительный свет на нескончаемые стенания поволжских «антиавтономистов» по поводу ущемления прав русскоязычных жителей, якобы имевшего место в АССР НП!

1.3.16. Война с Германией и огульное клеветническое обвинение российских немцев в пособничестве врагу привели к самой страшной трагедии в их истории. Идя по стопам шовинистической антинемецкой политики Николая II, сталинский режим вскоре после начала войны приступил к планомерной депортации немецкого населения страны на восток. Но преуспел в этом несравненно больше. Уже в августе 1941 г. были выселены немцы Крыма – сначала в Орджоникидзевский край и Ростовскую обл., а позднее за Урал. С 3 по 20 сентября настала очередь немцев Поволжья, т.е. немецких жителей АССР НП, Саратовской и Сталинградской обл. До конца 1941 г. за ними последовали немцы, проживавшие на еще не оккупированной территории СССР западнее Приуралья и Оренбуржья. В целом за этот период было выселено до 800 тыс. чел., транспортировка

которых потребовала более 350 эшелонов с вагонами для перевозки скота. Каждый из эшелонов был рассчитан на 2.200-2.500 выселяемых. Справка НКВД СССР, опубликованная Н. Бугаем, свидетельствует, что только с территории РСФСР было вывезено около 660 тыс. чел. [7, с. 75]. Как отмечалось выше, их численность по краям, областям и автономным республикам, указанная в справке, в целом соответствует итогам переписи населения 1939 г. На 25 ноября 1941 г. 315.630 чел. было расселено в Казахстане, остальные – в Красноярском и Алтайском краях, Омской и Новосибирской обл. (Омская обл. включала тогда нынешнюю территорию Тюменской обл., Новосибирская обл. – территории Кемеровской и Томской обл.). По данным А. Германа, из 365,5 тыс. выселенных немецких жителей АССР НП 81,4% попали в упомянутые края и области РСФСР (по 77,3 тыс. – в Красноярский край и Новосибирскую обл., 73,3 тыс. – в Алтайский край, 65,9 тыс. – в Омскую обл.), а остальные 18,6% – в Казахстан [4, с. 307]. Не менее драматично сложилась судьба российских немцев, оказавшихся в оккупации. В 1943-44 гг., в преддверии наступления Красной Армии, германские оккупационные власти переселили примерно 350 тыс. немцев СССР в Вартегау (западная часть нынешней Польши) и частично в Германию. После окончания войны советские власти в сговоре с союзниками принудительно вывезли назад более 200 тыс. из них. По данным Землячества немцев из России, приблизительно 100 тыс. российских немцев удалось этого избежать [32, с. 63]: около 70 тыс. сумели остаться в западных оккупационных зонах Германии (главным образом американской), а 30 тыс. выехали в Америку. Остальные были учтены в числе выселенных в соответствующей справке НКВД за 1941-45 гг. и, подобно остальным российским немцам, попали в трудармейские и прочие лагеря или на спецпоселение. По имеющимся оценкам, 15-30% репатриантов погибли.

1.3.17. Уже осенью 1941 г. российских немцев начали отправлять в «рабочие колонны» – учреждения принудительного труда, обычно за колючей проволокой, которые их узники называли «трудармией». В 1942 г. сюда было предписано направить практически всех трудоспособных немцев-мужчин, а затем женщин и даже подростков. По данным НКВД, опубликованным Н. Бугаем, к принудительному труду было привлечено 695,9 тыс. немцев-переселенцев, в т.ч. 328 тыс. детей до 16 лет [13, с. 89]. При этом в данное число не входят немцы, не подвергавшиеся переселению, которых также отправляли в трудармию. Тяжелейшие условия труда, голодный паек, холод, издевательства и преследования приводили к очень высокой смертности трудармейцев. Немногим лучше обстояли дела и у тех российских немцев, которые не были в трудармии и находились на так называемом спецпоселении.

1.3.18. Точное число российских немцев, погибших и умерших в 1941-45 гг., едва ли будет когда-нибудь установлено. Но примерную цифру потерь несложно оценить по имеющейся статистике. По оценке Землячества немцев из России, к началу войны в СССР проживало 1.553 тыс. немцев [32, с. 78]. Как отмечалось, примерно 100 тыс. из них, будучи во время войны вывезены в Германию, избежали последующей депортации в СССР. Следовательно, численность, от которой нужно отталкиваться при сравнении с послевоенным периодом, составляет 1.450 тыс. Согласно данным Н. Бугая, в октябре 1946 г. в стране было зарегистрировано 774.178 немцев-спецпоселенцев и 121.459 мобилизованных, итого – около 900 тыс. [7, с. 245]. В это число не попадает лишь небольшая доля немецкого населения. Это, прежде всего, – старики, часть женщин и дети,

жившие до войны на Урале и к востоку от него, избежав тем самым как трудармии, так и спецпереселения. Общая численность немецких жителей этой территории составляла перед войной примерно 270 тыс. чел. По данным Н. Бугая, почти 120 тыс. из них были мобилизованы в трудармию, а с конца 1945 г. постепенно переведены на положение спецпереселенцев [1, с. 48]. Следовательно, искомая категория насчитывает около 150 тыс., а число немцев к концу 1946 г. можно приближенно оценить в 1.050 тыс. Эта цифра не включает узников тюрем и «обычных» (не трудармейских) лагерей. Перед войной лагеря, как отмечалось, были густо заполнены российскими немцами, но с началом войны, насколько известно, производились их массовые расстрелы. В конце и сразу после войны к выжившим узникам добавилась большая группа немцев, вывезенных из Европы. Часть из них, однако, не имела отношения к исследуемому вопросу, т.к. проживала в 1941 г. на территориях, не входивших в состав СССР. Поскольку с учетом указанных факторов численность заключенных из числа российских немцев должна была измениться за годы войны ненамного, можно полагать, что отсутствие данных по этой группе незначительно искажает число павших. Учтем, наконец, прирост немецкого населения с мая 1945 г. по октябрь 1946 г. – приблизительно 20 тыс. при темпах роста 1,5% в год – и общую рождаемость в годы войны – порядка 30 тыс., если в год рождалось 5 чел. на 1.000 населения. (Для сравнения: по данным Б. Пинкуса, в тяжелейший период 1918-26 гг. темпы роста немецкого населения СССР составляли 1,8% в год, а в 1927 г. рождаемость среди немецких жителей европейской части страны составила 51,6 чел. на 1.000.) В результате получается, что российские немцы лишились за 4 самых черных года своей истории около 450 тыс. соплеменников – почти одной трети. Этот убийственный итог перекликается с выводом Б. Пинкуса о гибели 30% депортированных немцев СССР [29, S. 315].

1.3.19. После окончания войны российские немцы продолжали быть спецпоселенцами (иногда в качестве синонима использовался термин «спецпереселенцы», а в некоторых случаях спецпоселенцы и выселенцы учитывались отдельно), т.е. не имели права выезжать в другие населенные пункты без разрешения специальных комендатур. Тем более не могло быть речи о возвращении в прежние места проживания. Из-за постепенного расформирования трудармии, прибытия «репатриантов» из Европы, а также естественного прироста населения численность немцев-спецпоселенцев неуклонно росла: октябрь 1945 г. – 687.300, октябрь 1946 г. – 774.178, 1 апреля 1949 г. – 1.035.701, 1 января 1950 г. – 1.099.578, 1 января 1954 г. – 1.240.482. Наряду с немцами на спецпоселении находились и другие депортированные народы, а также бывшие «кулаки», «немецкие пособники», украинские «оуновцы», литовские «националисты», «тунеядцы», сектанты и т.д. Из-за более раннего снятия с учета ряда перечисленных категорий удельный вес немцев-спецпоселенцев быстро возрастал – с 24% в октябре 1945 г. до 45,6% в начале 1954 г. Территориальное размещение немецкого этноса СССР по сравнению с довоенным периодом в корне изменилось. Если в 1939 г. за Уралом жили 20% немцев, то теперь эта цифра превышала 85%.

1.3.20. По данным первой после войны переписи населения 1959 г., в СССР проживало 1.619.655 немцев, из них 820.016 в РСФСР. Эти цифры весьма близки к итогам 20-летней давности. Но как разительно изменилось все остальное! Так, численность немцев на Украине (вместе с Крымом) уменьшилась в 19,1 раза, тогда как в Казахстане

возросла в 7,1 раза, в Киргизии – в 3,4 раза, в Узбекистане – в 1,8 раза, а в Таджикистане – в 16,1 раза. Если результаты по Украине и Казахстану вполне объясняются депортацией, то по Средней Азии, куда немцы в массовом порядке не выселялись (хотя и отправлялись в «трудармию»), – очевидно, нет. Здесь проявился начавшийся в 1956 г., после упразднения спецпоселения и при сохранившемся запрете на возвращение в регионы прежнего проживания, процесс стихийного перемещения немцев из холодной ссыльной Сибири на юг и отчасти на запад – в более теплые, привычные по природно-климатическим условиям края. Эта тенденция, достигшая апогея в 60-х годах, ярче всего выявилась на первых порах в Средней Азии не потому, что являлась наиболее сильной именно здесь. Просто исходная численность немецкого населения была в этих местах настолько низкой, что даже ее незначительные изменения производили впечатление резкого скачка.

1.3.21. Нет сомнения, что в конце 50-х годов (а отчасти и позднее) у немецкого населения СССР имелись достаточные основания скрывать свою национальность. Поэтому итоги послевоенных переписей наверняка не совпадали с численностью немцев по записи в паспорте, не говоря уже о показателе, основанном на важнейшем, по мнению специалистов, критерии, – наличии соответствующего национального самосознания. О том, насколько велики эти расхождения, имеются самые разные мнения. За недоступностью архивов МВД, где должны храниться сведения о паспортных данных, приходится довольствоваться сугубо ориентировочной оценкой, согласно которой результаты послевоенных переписей могли быть занижены до 1,5 раз. На первый взгляд, такая цифра несовместима с данными НКВД-МВД о численности немцев-спецпереселенцев, а также с результатами довоенных переписей, когда еще не было смысла скрывать немецкую национальность, – иначе пришлось бы констатировать немыслимо высокие темпы роста немецкого населения с середины 50-х гг. Не следует, однако, забывать, что именно в послевоенные годы у российских немцев резко повысилось количество межнациональных браков – обстоятельство, до некоторой степени позволяющее обосновать реальность подобных оценок. Определенную ясность в этот вопрос могли бы внести данные о динамике смешанных браков, но и они отсутствуют или обнародованы лишь частично.

1.3.22. Несмотря на относительно высокую рождаемость российских немцев в послевоенный период, перепись 1959 г. продемонстрировала понижение удельного веса немцев в численности населения СССР до 0,77%, что более чем объяснимо с учетом огромных потерь военной поры. Потери от эмиграции в ФРГ еще не могли повлиять на этот показатель: они составили за 1951-58 гг., в результате так называемого воссоединения семей, лишь 8 тыс. чел. По сравнению с довоенным периодом у российских немцев резко возрос удельный вес городского населения: в целом по СССР – до 39,3%, а по РСФСР – даже до 43,9%. Это – прямой результат массовой отправки немцев в годы войны на шахты, стройки и заводы, а отчасти и стихийной послевоенной миграции в города, где условия жизни были несколько лучше. Рассеянность на огромной территории и полная ликвидация системы национального образования обусловили небывалое падение удельного веса немцев, назвавших немецкий язык родным, – до 75,0%, а в городах – до 66,3%. Потери военного времени, коснувшиеся прежде всего мужчин, заметно отразились на половой структуре немецкого населения – доля мужской его части

составила в 1959 г. всего 46,0%. Правда, соответствующий показатель в целом по СССР был еще ниже – 45,0%, поскольку в действующей армии, в отличие от «трудармии», относительно редко погибали женщины.

1.3.23. До следующей переписи в 1970 г. демографическое положение немецкого населения СССР вновь существенно изменилось. Между тем, в период с 1970 г. по 1979 г. (время проведения очередной переписи) столь серьезных перемен не наблюдалось. Поэтому итоги переписей 1970 и 1979 гг. целесообразно проанализировать параллельно. К 1970 г. в СССР проживало 1.846.317 немцев, в 1979 г. – 1.936.214. Эти цифры свидетельствуют о снижении среднегодовых темпов роста немецкого населения с 1,3% в 60-х гг. до 0,5% в 70-х. Поскольку смертность за данный период практически не изменилась, это должно было означать резкое падение рождаемости. Действительно, по данным Б. Пинкуса, уровень рождаемости российских немцев упал с 1,68% в 1960 г. до 1,13% в 1966 г. и 0,94% в 1970 г. [29, S. 396]. Тем не менее, с появлением новых поколений постепенно выправлялось соотношение между численностью мужчин и женщин. К 1970 г. доля мужчин среди немцев составила по СССР 47,3%, а в РСФСР – 48,2%. Снижение темпов роста населения было лишь в незначительной степени обусловлено все более массовым выездом в ФРГ: с учетом этого фактора их уровень в 70-х гг. все равно оказывается вдвое ниже, чем в 60-х. Гораздо больше данное падение связано с растущей урбанизацией, в той или иной мере характерной для всех народов СССР. На российских немцев, вырванных из родной почвы и насильственно разбросанных по стране, отмеченная тенденция наложила особенно значительный отпечаток. Выборочное обследование переселенцев из СССР в ФРГ свидетельствует, что в 1970 г. лишь 8,9% городских немецких семей имели по 3 и более детей. В результате удельный вес немцев в населении СССР продолжал снижаться – до 0,76% в 1970 г. и 0,74% в 1979 г. Переписи 1959 и 1970 гг. чрезвычайно убедительно отразили вышеупомянутый процесс внутренней миграции российских немцев: вследствие этого немецкое население сократилось в РСФСР за 11 лет почти на 60 тыс. чел., тогда как в Казахстане увеличилось на 200 тыс., в Киргизии – в 2,3 раза, Узбекистане – в 1,9 раза, а в Молдавии – даже в 2,4 раза. В последнем случае сказалось то обстоятельство, что выехать в ФРГ из Молдавии, как и из Прибалтики, было относительно проще. Так, в 1972-77 гг. доля немцев СССР, выехавших из Молдавии, составила 14,1%, из республик Прибалтики – 21,9%, а из РСФСР – всего 3,5%. В 1970 г. в Казахстане было впервые зарегистрировано больше немцев, чем в РСФСР. Однако к данному моменту тогдашние миграционные тенденции уже практически исчерпали себя в обеих этих республиках, а в остальных резко ослабли. По-прежнему не имея реальной возможности вернуться в регионы довоенного проживания, российские немцы предпочитали теперь оставаться на месте, либо добиваться выезда в ФРГ. Доля городского немецкого населения в СССР продолжала неуклонно нарастать – до 45,4% в 1970 г. и 49,7% в 1979 г. Еще стремительнее падал удельный вес немцев, назвавших немецких язык родным, – соответственно до 66,8% и 57,0%. Таким образом, насильственная ассимиляция приносила все более ядовитые плоды.

1.3.24. Последняя по времени перепись населения СССР была проведена в 1989 г., однако ее данные уже в значительной мере устарели – прежде всего, из-за невиданно массового и все растущего выезда российских немцев в ФРГ. Сведения о переселенцах

обнародуются Германией ежегодно, но лишь в разрезе бывших союзных республик и без выделения собственно немцев, а, следовательно, не позволяют получить достаточного представления о развитии демографической ситуации. Поэтому ничего не остается, как опираться на данные 6-летней давности. В 1989 г. официальная численность немцев в стране в первый раз после 1917 г. перешагнула двухмиллионную отметку и составила 2.038.603 чел. – на 5,3% больше, чем десятью годами раньше. Тем не менее, доля немцев в численности населения СССР продолжала снижаться и достигла 0,71%. Резко возросший выезд стал оказывать в 80-х гг. ощутимое влияние на демографическую ситуацию: без его наличия темпы роста немецкого населения составили бы почти вдвое больше. Доля городского населения среди немцев достигла в 1989 г. очередного пика – 52,8%. Тем самым российские немцы впервые в своей истории стали преимущественно городским этносом. Однако, с учетом данного показателя в 1970 и 1979 гг., это означало замедление темпов урбанизации в 80-х гг. более чем на 1/3. Продолжительность жизни немцев была несколько выше среднего уровня по стране, а младенческая смертность – ниже. Закономерным следствием этих явлений стало увеличение среднегодовых темпов роста немецкого населения, также отмеченное впервые с 1950-х гг., – приблизительно с 0,75% в 70-х почти до 1% в 80-х гг. (то и другое с учетом выезда). Без учета выезда этот рост, правда, незаметен. Столь же необычна динамика немецкого населения по союзным республикам. В РСФСР темпы его прироста – 6,5% за 10 лет – превысили общесоюзные, а на Украине были еще больше – 10,9%. В то же время рост немецкого населения в Киргизии и Узбекистане практически прекратился, а в Таджикистане и Туркмении число немцев абсолютно понизилось. Наряду с повышенными темпами эмиграции из Средней Азии в результате усиления местного национализма, это не могло не означать коренных изменений в направленности миграционных потоков на территории СССР. Используя официальную отмену запрета на прописку в местах довоенного проживания (находившихся преимущественно в сельской местности), российские немцы явно начали туда возвращаться. Этот вывод убедительно подтверждается данными по РСФСР [12]. Очень высокие темпы роста немецкого населения в основных регионах его прежнего проживания – Саратовской обл. (54,2% за 10 лет), Ставропольском (43,1%) и Краснодарском (31,0%) краях – сочетались с падением численности немцев в местах ссылки – Красноярском крае, Новосибирской, Челябинской, Свердловской, Пермской обл. и Коми АССР. Первую группу регионов отличало сильное преобладание сельского немецкого населения, свидетельствующее о стремлении немцев возвратиться именно на село, а вторую – городского (не считая Красноярского края и Новосибирской обл., где селян и горожан было примерно поровну). Доля немцев-мужчин в РСФСР достигла почти нормального уровня и составила 49,1%, однако в выделенной выше первой группе регионов аналогичный показатель был в среднем заметно ниже – 47,5%. Это означает значительную долю людей старшего поколения среди немецких мигрантов 1970-80-х гг. Доля межнациональных браков, заключенных по СССР в 1989 г. немцами-мужчинами, составила 66,9%, а немками – 64,4%. В этом отношении российские немцы намного опережали все прочие крупные народы страны. Поэтому не приходится удивляться стремительному падению численности немцев, назвавших немецкий язык родным, – до 48,8%. В целом по СССР их впервые оказалось меньше половины.

1.3.25. В 1989 г. в РСФСР проживало 842.295 немцев. Это составило 41,3% их общей численности по СССР – наиболее высокий показатель после 1970 г. Доля немцев в населении РСФСР оставалась с 1970 г. практически неизменной и составляла 0,6%. Однако при этом немцы опустились к 1989 г. еще на одну строчку в перечне наиболее многочисленных народов РСФСР, уступив 8-е место чеченцам. Несмотря на отмеченные миграционные процессы, в азиатской части РСФСР еще проживало 68,3% немецкого населения России. Больше всего немцев РСФСР насчитывалось в Омской обл. (134.199 чел.), Алтайском крае (126.901 чел.), Новосибирской (61.479 чел.), Кемеровской (47.990 чел.), Оренбургской (47.556 чел.) обл., Красноярском крае (без Хакасии – 43.004 чел.), Челябинской (39.215 чел.) и Свердловской (31.461 чел.) обл. Однако удельный вес немецкого населения составлял здесь лишь от 1% до 4,5% (Алтайский край) и 6,3% (Омская обл.), что наглядно свидетельствует о сильнейшей распыленности российских немцев. В этих регионах немцы проживали и до войны, причем в некоторых из них, как было показано выше, в заметном количестве (см. 1.3.14). Тем не менее, перечисленные регионы можно по праву считать, прежде всего, местами ссылки, поскольку бурный рост их немецкого населения пришелся именно на период депортации. В результате миграции и эмиграции удельный вес этих регионов в общей численности немцев РСФСР несколько снизился по сравнению с 1979 г. (65,3%), но все еще был подавляющим – 63,1%. В то же время аналогичный показатель по основным регионам довоенного проживания (Саратовская и Волгоградская обл., Ставропольский и Краснодарский края, Ростовская и Самарская обл.), составлявший в 1939 г. 64,6%, оставался чрезвычайно низким – 12,5%. 46,5% немцев РСФСР по-прежнему проживали на селе. Это меньше аналогичного показателя в Казахстане (50,9%) и Киргизии (58,0%), но значительно выше среднего уровня по населению России – 26,6%.

1.3.26. Общий коэффициент рождаемости (число родившихся на 1.000 чел. населения) составил у немцев РСФСР 18,3 – на 37% больше, чем у русских. Показательно, что наиболее высокая рождаемость (от 20,4 до 23,5) наблюдалась в регионах традиционного проживания со значительным преобладанием среди немцев сельского населения – в Саратовской, Волгоградской, Оренбургской обл. и Калмыкии, где средний возраст немецкого населения составлял 30-35 лет. Прямо противоположная картина характерна для высоко урбанизированных мест выселения – Кемеровской, Челябинской, Свердловской, Пермской обл. (средний возраст – 41-44 года, коэффициент рождаемости от 13,2 до 12,3). Относительно высокая рождаемость и среднероссийский уровень смертности позволяли немцам, в отличие от ряда других народов России, поддерживать расширенное воспроизводство своего населения. По расчетам статистиков, для простого его воспроизводства суммарный коэффициент рождаемости – среднее число детей, рождаемых женщиной в течение жизни, – должен составлять 2,17. У немцев РСФСР этот показатель равнялся 2,63. Отсюда, однако, далеко не следует вывод об обеспеченности этнического самосохранения немцев России – не в последнюю очередь из-за небывало высокой распространенности смешанных браков, более чем закономерной при столь дисперсном проживании. По данным переписи 1989 г. о количестве мононациональных немецких семей в основных регионах проживания немцев РСФСР и о средних размерах этих семей нетрудно получить представление о масштабах этого поистине судьбоносного явления. Удельный вес немцев, живущих в мононациональных семьях, превышал 50%

лишь в местах достаточно традиционного проживания – Оренбургской, Омской, Волгоградской обл., Алтайском крае, а также в Калмыкии, где этот показатель был довольно велик из-за наивысшего по РСФСР среднего размера подобных семей. Относительно высокой (от 48,7% до 44,4%) эта доля являлась и в других регионах довоенного проживания – Саратовской обл., Краснодарском крае, Кабардино-Балкарии. В остальных 9 обследованных регионах данный показатель был катастрофически низок – от 38,8% в Новосибирской обл. до 20,7% в Коми АССР. Из этих данных вытекает крайняя проблематичность передачи национальных традиций в большинстве семей российских немцев. Отсюда и дальнейшее стремительное падение доли немцев РСФСР, считающих родным язык своей национальности. В этом отношении России давно принадлежит «ведущее» место среди республик бывшего СССР. Соответствующий показатель упал по РСФСР с 69,0% в 1959 г. до 41,8% в 1989 г. (а по ее городскому населению – с 60,5% до 31,5%). Эта величина по-прежнему превышала 50% опять-таки только в регионах традиционного проживания – Оренбургской, Омской, Волгоградской обл., Алтайском крае, Калмыкии. В местах выселения данная цифра составила от 27,0% (Томская обл.) до 35,0% (Красноярский край). Более того, в течение 30 лет неуклонно понижалось абсолютное число немцев в РСФСР, назвавших родным немецкий язык: 1959 г. – 566.061 чел., 1970 г. – 433.604, 1979 г. – 375.234, 1989 г. – 352.116.

1.3.27. Наряду с демографической ситуацией, это явление неразрывно связано с бедственным положением национального образования и культуры. При значительной численности немецкого населения России в стране нет ни единой подлинно немецкой школы с преподаванием всех предметов на родном языке. Тем более не приходится говорить о немецких средних специальных и высших учебных заведениях. Несмотря на значительную помощь из Германии и заметное стремление к возрождению национального образования со стороны самих российских немцев, большинство учебных заведений с углубленным изучением немецкого языка и его преподаванием как родного находится в тяжелом положении из-за массового выезда квалифицированных специалистов и серьезнейших финансовых проблем. По тем же причинам быстро падают тиражи и без того немногочисленных печатных изданий для российских немцев. Не лучше обстоит дело во многих культурных центрах, созданных немцами России в последние годы. Некоторым исключением из этого печального правила является лишь ситуация в немногих оставшихся местах компактного проживания. Без их сохранения и развития не может быть и речи о противодействии очень далеко зашедшей принудительной ассимиляции.

1.3.28. В результате отсутствия системы национального образования в течение полувека, низкого уровня общего образования в сельской местности, где по-прежнему живет почти половина немецкого населения, многолетних репрессий и дискриминации удельный вес немцев России в возрасте 15 лет и старше с высшим и средним (полным и неполным) образованием был значительно ниже общероссийского уровня, составлявшего 80,6%. Этот показатель не достигался немцами ни в одном из основных регионов их проживания в РСФСР. Соответствующая средняя величина по 17 учтенным при переписи регионам – 71,4%. Примечательно, что она была достигнута не только в сильно урбанизированных регионах с их относительно высоким среднем уровнем образования, но и в некоторых традиционных местах проживания с преимущественно сельским немецким

населением – Оренбургской, Омской, Саратовской обл. и Краснодарском крае. Отсюда вытекает, что к переселению в места прежнего проживания были склонны сравнительно образованные российские немцы и что жизнь в местах компактного расселения до некоторой степени помогала немцам преодолевать отмеченные причины их недостаточной образованности. Последний вывод относится, однако, лишь к общему, но не к высшему образованию. Средняя доля немцев с высшим образованием составляла в 17 учтенных регионах 5,9%, но и этот крайне скромный показатель достигался лишь в урбанизированных местах выселения. При этом распространенность высшего образования была у немцев, как правило, много ниже, чем у всего населения соответствующего региона: в Омской обл. – 4,6% и 9,7%, Алтайском крае – 4,8% и 8,0%, Новосибирской обл. – 6,1% и 11,7% и т.д.

1.3.29. Недостаточный уровень образования предопределял и структуру занятости немцев России. Удельный вес занятых преимущественно физическим трудом составил у них до 73-75%, что на 6-8 пунктов выше, чем у населения соответствующих регионов в целом. Основная часть немцев трудилась в сельском хозяйстве (от 43,8% в Алтайском крае до 27,2% в Красноярском), промышленности (от 23,4% в Новосибирской обл. до 17,7% в Омской обл. и Алтайском крае), а также в строительстве, на транспорте и в связи. В то же время весьма незначителен удельный вес немцев, занятых в народном образовании, культуре, искусстве, науке и научном обслуживании, – 11-12%. Нельзя не отметить и то, что уровень занятости немцев, как правило, был заметно выше, чем у всего населения региона: в Красноярском крае – соответственно 62% и 53%, Новосибирской обл. – 59% и 52%, Кемеровской обл. – 58% и 51%. Таким образом, с отъездом немцев Россия теряет немалую часть наиболее трудоспособного населения.

1.3.30. Лавинообразное нарастание выезда российских немцев с 1987 г. последовало за либерализацией эмиграции из СССР. Однако несомненно, что подобное явление было бы невозможно без явно выраженного стремления к выезду со стороны самих российских немцев, порожденного сталинским геноцидом, многолетними репрессиями и неравноправием, нерешенностью основных национальных проблем и, как следствие, неверием в будущее немецкого этноса на территории СССР и России. Эти настроения особенно усилились, когда стало ясно, что восстановление единственно возможного общенационального очага – Немецкой республики на Волге – в обозримом будущем не состоится. Уже в 1987 г. из СССР выехало почти столько же немцев, как за предыдущие 36 лет, вместе взятые. К 1993 г. ежегодный прием немцев и членов их семей из стран бывшего СССР достиг в ФРГ 200 тыс. чел., т.е. почти максимального уровня, установленного германским законодательством в конце 1992 г. Почти непрерывный рост числа выезжающих продолжается уже 10 лет. До 90% переселенцев приходится на Казахстан и Россию, что примерно соответствует удельному весу численности их немецкого населения в общей массе немцев, проживающих на территории бывшего СССР. Поэтому при анализе основных тенденций процесса выезда достаточно ограничиться ситуацией в этих двух республиках.

1.3.31. Доля выехавших с территории России долгое время была намного ниже удельного веса проживающих здесь российских немцев. Это связано, прежде всего, с тем, что массовый выезд поначалу происходил в рамках «воссоединения семей». Между тем у

немцев РСФСР, в основной своей массе выходцев из Поволжья, родственники в ФРГ имелись тогда гораздо реже, чем у их соплеменников в Казахстане и Средней Азии. К тому же руководство ФРГ постоянно подчеркивало, что Россия является едва ли не единственной страной на территории СССР, где у немецкого населения имеются перспективы на будущее, и соответствующим образом строило иммиграционную политику. В последние годы ситуация кардинально изменилась. Если в 1989-91 гг. доля выехавших из РСФСР составляла 22-23%, то в 1994 г. – уже 32,1%. Соответственно падает удельный вес выезжающих из Казахстана – до 58,5% в 1992 г. и 57% в 1994 г. В 1994 г. из России выехало 68.397 немцев и членов их семей. Но и это – не предел, учитывая преобладающие стремления немецкого населения, обязательство ФРГ по приему значительного числа российских немцев в течение неопределенного времени и, как отмечалось ранее, высокую долю немцев России в общей численности их соплеменников на территории бывшего СССР – 41,3% в 1989 г. Тем более, что вследствие эмиграционных и миграционных процессов этот показатель должен был существенно возрасти. Поэтому, если положение немцев России не претерпит существенных изменений к лучшему, то можно спрогнозировать дальнейшее увеличение их выезда, в результате чего немецкое население практически исчезнет с территории страны. По данным за 1991 г. [12], 35% выехавших с территории России – дети моложе 18 лет. Среди взрослых эмигрантов 72% составляло самодеятельное население (39% – рабочие, 19% – служащие, 14% – колхозники) и лишь 28% – учащиеся, пенсионеры и незанятые лица. Таким образом, немецкое население страны лишается, прежде всего, своей наиболее трудоспособной части и своего будущего. Не менее существенно, что немцы России выезжают в первую очередь из немногих сохранившихся регионов массового традиционного проживания. Так, в 1991 г. доля выехавших из Омской обл. составила 20% (при удельном весе этого региона в общей численности немцев России 15,9%), Алтайского края – 15% (соответственно 15,1%), Оренбургской обл. – 13% (5,6%), Краснодарского края – 5,6% (3,5%). Продолжение этой тенденции привело бы к быстрому разрушению последних компактных поселений немцев России со всеми вытекающими отсюда катастрофическими последствиями.

1.3.32. Немаловажное значение приобрела в последние годы и межгосударственная миграция немецкого населения в пределах бывшего СССР. Но ее значимость состоит отнюдь не в достигнутых масштабах, которые зачастую преувеличиваются в немыслимой степени. То и дело появляющиеся сообщения о сотнях тысяч немецких переселенцев, прибывающих в Россию из Казахстана и Средней Азии, – к счастью, всего лишь легенды. К счастью – поскольку невозможно представить, кто, где и как обустроил бы в России такую массу людей «некоренной» национальности, когда даже о русских беженцах и переселенцах подчас некому позаботиться. Тем не менее, процесс вынужденной миграции ни в коем случае нельзя недооценивать – уже потому, что даже при скромных размерах он таит в себе множество человеческих трагедий. Данный вывод тем более актуален, что конца этому явлению пока не предвидится. Напротив, развитие ситуации в большинстве стран бывшего СССР может предвещать дальнейшее расширение его масштабов. По данным Федеральной миграционной службы, в настоящее время на территорию России прибывает в год до 19 тыс. немецких переселенцев и членов их семей, в т.ч. из стран бывшего СССР – около 17 тыс. Одновременно в эти страны выезжает из России до 3 тыс.

немцев в год. Даже с учетом вероятной заниженности этих цифр очевидно, что на фоне куда более масштабного выезда в ФРГ данные процессы не могут оказать решающего влияния на общий характер демографической ситуации среди немецкого населения России. Но они могли бы сыграть немалую роль в сохранении и развитии основных немецких поселений Российской Федерации – конечно, при условии, что там будут готовы принять и обустроить переселенцев и что те не будут рассматривать Россию лишь как перевалочную базу для последующего выезда в ФРГ.

1.4. О РОЛИ НЕМЦЕВ В ЖИЗНИ РОССИИ

1.4.1. Вопрос о роли немцев в истории России ставился до сих пор главным образом в политических целях. Это было особенно заметно во время мировых войн, а также инспирированной сверху ксенофобии конца XIX начала XX вв. и последних лет правления Сталина. Вполне естественно, что даваемые в подобных обстоятельствах оценки, от кого бы они ни исходили, обычно далеки от объективности. Нынешние условия, когда впервые за многие десятилетия отношения России и Германии освободились от вражды и стал доступен обширный фактический материал по указанной проблеме, гораздо более благоприятствуют ее серьезному взвешенному исследованию. Такая задача тем более актуальна, поскольку никогда еще вопрос о том, нужны ли немцы России и что она теряет от их исхода, не приобретал столь очевидной практической значимости.

1.4.2. В наибольшей степени изучена роль «городских» и отчасти балтийских немцев в жизни царской России. В работах современных российских (И. Остроух, Е. Шервуд, Э. Ерзин, В. Чеботарёва, И. Томан и др.), а также германских (И. Фляйшхауэр, Д. Брандес) исследователей отражено значительное участие немецких ученых, педагогов, архитекторов, художников, литераторов в развитии науки и культуры России (см., например, [13], [20], [26]). Эти немецкие граждане, приезжавшие в российские города надолго, а то и навсегда, являлись важными посредниками в процессе все более активного культурного взаимодействия России с Европой. Немцы играли заметную роль во многих сферах государственной жизни России – военном деле, дипломатии, администрации. Наибольшее влияние перечисленных категорий немцев приходится на 50-60-е годы XIX в., когда страна переживала экономический и культурный подъем, порожденный подготовкой и проведением реформ Александра II. После гибели царя-реформатора и переориентации государственной политики на ретроградный антизападнический курс роль этих групп немцев в России стала неуклонно снижаться.

1.4.3. В меньшей мере изучена роль в дореволюционной России немецких колонистов – в частности, потому, что она объективно сложнее поддается исследованию. В этой группе российских немцев было значительно меньше интеллигентов, и она оказала влияние главным образом на экономическую жизнь России. Как видно уже из содержания екатерининских манифестов, это вполне соответствовало целям, ставившимся российскими властями при привлечении иностранных колонистов. Имелось в виду привлечь, прежде всего, крестьян, ремесленников, деловых людей, дабы способствовать как освоению малозаселенных окраинных территорий, так и экономическому развитию страны в целом. Чтобы всесторонне оценить, насколько удалась эта миссия, необходимо

гораздо больше статистических материалов, чем их сохранилось с тех далеких времен. Однако не подлежит сомнению, что немецкие колонии были в России островками относительного экономического благополучия и пионерами рыночных отношений, в развитии которых так нуждалась страна. Правда, царским властям не удалось добиться, чтобы колонии явились примером для своего более отсталого окружения. Но сами колонисты повинны в этом меньше всего: русские и украинские крестьяне, спутанные по рукам и ногам крепостным правом, а затем его многочисленными пережитками, были, как правило, не в состоянии заимствовать опыт немецких соседей, хозяйствовавших в совершенно иных условиях.

1.4.4. Не менее сложно оценить значение российских немцев в советский период. Опубликованные по этому вопросу работы (Н. Бугай, В. Дайнес, И. Кроневальд, Э. Айрих и др.) освещают главным образом роль немецкого населения в период Гражданской и Отечественной войн – как на фронте, так и в тылу (см., например, [24]). Из этих исследований вытекает в первую очередь полная абсурдность обвинения российских немцев, храбро воевавших и самоотверженно трудившихся на благо своей страны, в пособничестве германскому фашизму. Для получения более широкого представления о месте немцев в жизни СССР и РСФСР необходимы, очевидно, специальные исследования о регионах их самого массового проживания. Эта задача решена в какой-то мере лишь А. Германом применительно к Поволжью (см. [3]. [4]). Из его двухтомной монографии «Немецкая автономия на Волге», основанной на обширном архивном материале, видно, что Автономная область немцев Поволжья, а затем АССР НП были – при всей сложности условий их развития – достаточно развитыми территориальными образованиями по меркам не только Поволжья, но и всего тогдашнего Советского государства. Не менее важно, что немецкая автономия практически не знала межнациональных конфликтов, хотя около трети ее населения составляли русские, украинцы, казахи, татары и др. Эти национальности пользовались всеми правами наравне с немцами. В кантонах (районах) с преобладанием ненемецкого населения делопроизводство велось только на русском языке. Вследствие поголовной депортации немцев, население этой территории (не считая г. Энгельса, бывшей столицы АССР НП, ставшего крупным промышленным центром) и сегодня более чем вдвое ниже довоенного, а сама территория носит все следы многолетнего запустения. Очевидно, что избавиться от него она может только с восстановлением немецкой государственности в Поволжье. Немецкие коллективные хозяйства, еще сохранившиеся в немногих местах компактного проживания российских немцев, как правило, имеют лучшие экономические показатели, чем их соседи. Традиционные национальные качества (трудолюбие, дисциплина, деловитость, надежность и т.п.) позволили немцам вдохнуть жизнь даже в эти не самые эффективные формы хозяйствования. Тем более перспективны немецкие фермерские хозяйства – если, конечно, для их создания и развития возникнут соответствующие условия.

1.4.5. Несмотря на сказанное, будущая роль немцев в России определяется не только и не столько экономическими факторами. Выезд в ФРГ, как убедительно показывают исследования германских и российских социологов, лишь отчасти обусловлен экономическими мотивами. В чисто материальном отношении немцы живут не хуже других народов России. Их исход отсюда порождается, прежде всего, полной неуверенностью в своем национальном будущем. Общеизвестно, что из-за выезда

немецкого населения страна понесла и еще понесет огромный экономический ущерб. Столь же очевидно, что затраты, связанные с восстановлением государственности российских немцев в Поволжье и обустройством их мест компактного проживания в других регионах, с лихвой окупились бы в обозримый период. Тем не менее, подобные соображения пока что отнюдь не побудили власти стран бывшего СССР к решению кардинальных проблем их немецкого населения. Изменится или нет данная позиция, зависит, на наш взгляд, прежде всего от пути дальнейшего политического развития самих этих государств.

1.4.6. Соответственно не имеет однозначного ответа и вопрос: нужны ли России немцы? Безусловно, не нужны, если опять возобладает стремление отгородиться от внешнего мира, столь характерное для нашей страны в прошлом, получат развитие ксенофобия и тенденция к поиску народов-врагов, становящиеся, увы, всё более заметными явлениями. Нужны – коль скоро Россия найдет свой собственный путь к построению более цивилизованного общества, существующего уже во многих странах мира. Тогда российские немцы могли бы, как когда-то, сыграть серьезную роль в создании рыночной экономики, развитии науки и культуры России. Поддерживая связи с многочисленными соплеменниками в Германии и других государствах, они могут, кроме того, явиться своеобразным мостом между Россией и Западом.

2. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ И ИХ ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

2.1. ПРИВЛЕЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ КОЛОНИСТОВ В РОССИЮ И ИХ ОБУСТРОЙСТВО (1762-1860 гг.)

2.1.1. Начиная с 1762 г. царское правительство, заинтересованное в массовом привлечении иностранных колонистов и их поселении в России, постепенно создало необходимую для этого правовую базу. По данным И. Дитриха (г. Москва), Полное собрание законов Российской империи содержит около 150 соответствующих актов, принятых за последующие 100 лет [6]. Они неравноценны по своей значимости, и мы перечислим и охарактеризуем лишь самые основные из них.

2.1.2. Манифест Екатерины II от 4 декабря 1762 г. *«О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу»* [15, т. 16, № 11720, с. 126-127], изданный вскоре после ее коронации, носил общий характер и не определял условий приема переселенцев в России. Поэтому он не нашел отклика среди тех, на кого был рассчитан.

2.1.3. Указ Екатерины II от 22 июля 1763 г. *«Об учреждении Канцелярии опекунства иностранных»* [15, т. 16, № 11879] поручил попечение о поселенцах и управление иностранными колониями особому ведомству в ранге коллегии (министерства). С момента ее создания и до своей смерти в 1775 г. Канцелярию возглавлял особо приближенный к императрице граф Г. Орлов, за ним – князь А. Вяземский. Канцелярия была подотчетна только лично Екатерине II. Полномочия Канцелярии тогда же урегулировал Закон *«Об обязанностях Канцелярии опекунства*

иностранных по выходу в Россию и поселению иностранцев» [15, т. 16, № 11881]. Канцелярия ликвидирована 20 апреля 1782 г. по Закону *«Об упразднении Канцелярии опекунства иностранных и ее Конторы, и о возложении дел, относящихся до колонистов и состоящих на них казенных долгов, на местные губернские начальства»* [15, т. 21, № 15383]. Особый орган по управлению колониями был восстановлен 4 марта 1797 г. по Указу Павла I *«О ведении дел иностранных колонистов в учрежденной при Сенате Экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства»* [15, т. 24, №№ 17865, 17866]. Этим Указом немецкий язык утверждался в местном делопроизводстве в качестве официального. Указом Александра I от 8 сентября 1802 г. [15, т. 27, № 20852] Экспедиция была включена в состав Министерства внутренних дел. С 1837 г. иностранные поселенцы подлежали попечительству учрежденного в том же году Министерства государственных имуществ [16, т. 12, № 10834], возглавлявшегося по 1855 г. особо доверенным лицом Николая I графом П. Киселевым. Наконец, 17 декабря 1866 г. Александр II утвердил Положение *«О передаче колоний иностранных поселенцев в ведение общих по крестьянским делам учреждений»* [16, т. 41, № 44000].

2.1.4. Манифест Екатерины II от 22 июля 1763 г. *«О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых Губерниях они пожелают и о дарованных им правах»* [15, т. 16, № 11880, с. 313-316] – основной правовой акт, регулировавший условия приема и обустройства в России иностранных колонистов на первом этапе массового переселения. Важнейшими льготами, предоставленными колонистам, являлись: право поселиться в любой губернии, бесплатный проезд и подорожные для неимущих, свобода вероисповедания, временное освобождение от налогообложения и платы за жилье, материальное содействие желающим заниматься земледелием, ремеслом, создавать мануфактуры и фабрики, беспроцентный кредит для строительства жилья и обзаведения хозяйством, свободная внутренняя юрисдикция колоний, беспошлинный ввоз необходимого имущества, освобождение от обязательной военной и гражданской службы, свобода возвращения в страну прежнего проживания, распространение перечисленных льгот на всех потомков колонистов. Некоторые из этих обещаний (прежде всего – касающиеся свободы места проживания и рода деятельности, а также беспрепятственного возвращения назад) так и остались на бумаге. Видимо, власти, обеспокоенные неудачей Манифеста 1762 года, решили на сей раз раздать максимум обещаний, включая и такие, которые они заведомо не собирались выполнять. С другой стороны, со временем колонистов заставили возвращать правительству долги не только за себя, но и за умерших или бежавших соплеменников. Хотя многие льготы, предоставленные колонистам, носили бессрочный характер, все они были произвольно отменены потомками Екатерины II. К Манифесту 1763 года прилагался *«Реестр, находящимся в России свободным и удобным к населению землям»*. Он сразу же ограничил свободу выбора места поселения, обещанную Манифестом. Согласно Реестру переселенцам предлагались земли лишь в Поволжье, а также Оренбургской, Белгородской, Тобольской губерниях. Фактически же в трех указанных губерниях наделы предоставлены не были.

2.1.5. Доклад Сената от 19 марта 1764 г. *«О размежевании земель, назначенных для поселения выезжающих иностранцев»* [15, т. 16, № 12095] получил название «Колониальный кодекс». Данным актом устанавливался аграрный статус колоний и

основное место их размещения – саратовское Поволжье. Закон закреплял величину земельного надела, которую обещали переселенцам вербовщики, – 30 десятин на семью.

2.1.6. 28 апреля 1766 г. был принят Закон *«О прибавке в Канцелярию опекунства иностранных членов и канцелярских служителей, и об учреждении в Саратове для колонистов особой Конторы»* [15, т. 17, № 12630]. Первоначально Канцелярия опекунства осуществляла управление поволжскими колониями через Саратовскую воеводскую канцелярию. В 1782 г. созданный по данному Закону особый орган управления был упразднен одновременно с Канцелярией опекунства (см. 2.1.3), а дела колонистов переданы в Саратовскую губернскую казенную палату. 30 июня 1797 г. по Указу Павла I *«Учреждение в Саратове Конторы опекунства иностранных; инструкция и штат оной»* [15, т. 24, №№ 18021, 18022] Контора была восстановлена. Указом Николая I от 1 июля 1833 г. *«О новом преобразовании управления иностранными в России колонистами и о штатах для сих управлений»* [16, т. 8, № 6298] она переименована в *Контору иностранных поселенцев*.

2.1.7. Утвержденный Павлом I Доклад Сената от 6 апреля 1800 г. *«О предполагаемых средствах к поправлению состояния Новороссийских иностранных поселенцев и об учреждении под ведомством Экспедиции Государственного Хозяйства, Конторы Опекунства Новороссийских иностранных поселенцев»* [15, т. 26, № 19372], в частности, гарантировал особые права колонистам-меннонитам: освобождение от военной и гражданской службы на все времена, освобождение от присяги перед судом, свобода ремесел и др. Привлечению этих и других колонистов на юг России должна была служить создаваемая по данному акту в Новороссийске (ныне Днепропетровск) Контора опекунства, учрежденная 26 июля 1800 г. В 1803 г. отделение Конторы открывается в Одессе, а в 1816 г. – в Кишинёве. По Закону от 22 марта 1818 г. [15, т. 35, № 27312] Контора преобразуется в Попечительный комитет. Со времени учреждения в 1820 г. он находился в Екатеринославе (ныне Днепропетровск), в 1821 г. был перемещен в Кишинёв и, наконец, в 1833 г. – в Одессу. По Сенатскому Указу от 29 мая 1819 г. *«О Высочайше утвержденном штате Временной конторы для управления поселенными в Грузии колонистами»* [15, т. 36, № 27822] в Тифлисе создана соответствующая Контора. Согласно упомянутому Указу от 1.07.1833 г. (см. 2.1.6) все конторы в Новороссии и Закавказье были упразднены под тем предлогом, что колонисты «уже достигли некоторой степени устройства».

2.1.8. Утвержденный Александром I Доклад от 20 февраля 1804 г. *«О правилах для принятия и водворения иностранных колонистов»* [15, т. 28, № 21163] приглашал колонистов в Новороссию, гарантировав им наделение землей, предоставление кредитов на обзаведение хозяйством, освобождение от военной и гражданской службы. Предпочтение отдавалось молодым семейным переселенцам, могущим служить примером в крестьянском деле и ремесле, обладающим определенным имуществом в форме денег и скота. Число переселенцев, не считая меннонитов, ограничивалось до 200 человек в год. В марте 1809 г. имущественные и количественные ограничения были отменены.

2.1.9. Следует отметить, что подобные ограничения вводились и раньше. Так, в ноябре 1766 г. последовало объявление «желающим выходить в Россию на поселение

иностранцам», утвержденное Екатериной II, о временном прекращении их приема [15, т. 17, № 12793]. 25 февраля 1810 г. был издан Указ Александра I *«О прекращении выдачи денежной ссуды колонистам»* [15, т. 31, № 24131]. А вследствие Положения Комитета Министров от 5 августа 1819 г. *«О пресечении дальнейшего переселения в Россию иностранных выходцев»* [15, т. 36, № 27912] и утвержденного Александром I Положения Комитета Министров от 25 октября 1819 г. *«О запрещении Российским Миссиям давать паспорты переселяющимся в Россию и в Царство Польское иностранцам»* [15, т. 36, № 27954] въезд колонистов стал дозволяться лишь по индивидуальным разрешениям, и прием переселенцев в большинстве регионов временно прекратился.

2.1.10. В 1842 г. произведена кодификация свобод, прав и обязанностей колонистов по всей стране, колонистам были предоставлены общие гражданские права. В то же время прекращалась государственная поддержка колоний. В 1857 г., уже в царствование Александра II, был введен *«Устав о колониях иностранцев в Империи»* [21, 1857, т. 11, ч. I; т.12, ч. II]. В этом документе полно и всесторонне регламентированы устройство колоний и все стороны жизни колонистов в России, приведены ссылки на все правовые акты о колониях и колонистах, изданные к тому времени и сохранившие силу. Устав дополнялся в 1863, 1864, 1868 гг.

2.1.11. Указ Александра II от 7 июня 1860 г. *«О правах пребывающих в России иностранцев»* [16, т. 35, № 35880] в очередной (и последний) раз возобновил призыв к иностранцам о переселении в Россию, гарантировав им – независимо от принятия российского подданства – равные права, в т.ч. членство в купеческих гильдиях и ремесленных цехах, приобретение, аренду и залог практически любой недвижимости.

2.2. ЛИКВИДАЦИЯ СТАТУСА КОЛОНИСТОВ, ПЕРВЫЕ РЕПРЕССИИ ПРОТИВ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ И ИХ ПРЕКРАЩЕНИЕ (1871-1917 гг.)

2.2.1. В результате все более явственного отхода российских властей от реформаторского курса, многолетней кампании влиятельных панславистских кругов по борьбе с «чужеземным засильем» и образования единого Германского государства – основного соперника, а затем противника Российской империи на мировой арене – отношение в стране к немецким гражданам круто изменилось. Начав с вероломного попрания условий проживания колонистов в России, гарантированных в свое время как переселенцам, так и их потомкам, царская верхушка докатилась в годы Первой мировой войны до грубого ущемления прав, а потом и до преследований немецкого населения по национальному признаку.

2.2.2. 4 июня 1871 г. были приняты *«Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях: С.-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической и в области Бессарабской»* [16, т. 46, № 49705]. По данному акту действие дарованных прежде колонистам льгот и привилегий ограничивалось сроком в 10 лет, колонисты приравнивались к сословию сельских обывателей, их самоуправление заметно сужалось, его делопроизводство переводилось на русский язык, колонии изымались из ведения Министерства

государственных имуществ и передавались в подчинение общим уездным и губернским учреждениям. Колонистам, несогласным с этими нововведениями, указали на дверь: им предоставлялась возможность отказаться в течение 10 лет от российского подданства и покинуть страну. В пику Закону о двойном гражданстве, принятому в Германии, российским подданным под угрозой наказания запрещалось принимать второе гражданство. В соответствии с «Правилами», прежние органы управления немецкими колониями – Контора иностранных поселенцев в Саратове и Попечительный комитет в Одессе – были упразднены в 1877 г. Их полномочия передавались во временный отдел по земельному устройству государственных крестьян Министерства государственных имуществ, а с 1881 г. – в департамент общих дел того же министерства.

2.2.3. 9 января 1874 г. был принят *«Устав о воинской повинности»* [21, 1897, т. 4, с. 7-104], который предусматривал введение обязательной, всеобщей и активной военной службы, в т.ч. для немецких колонистов, изначально и навсегда освобожденных от нее. Исключение было сделано лишь для меннонитов, как и для других христианских сект, которым религия запрещала носить оружие: им предлагалась служба в госпиталях или военных мастерских. Военная служба должна была продолжаться в пехоте 15 лет (в т.ч. 6 лет активной службы и 9 лет в запасе), во флоте – 10 лет (соответственно 7 лет и 3 года). Эти огромные сроки подлежали сокращению при наличии образования. Данная льгота распространялась и на лиц нерусского происхождения, окончивших школу без преподавания русского языка, но только в случае, если они … свободно читали и писали по-русски(!). Когда эти драконовские меры «неожиданно» вызвали массовые эмиграционные настроения среди российских немцев, прежде всего меннонитов, царская верхушка слегка отступила. 14 мая 1874 г. Александр II утвердил решение *«О разъяснении порядка, в коем бывшие колонисты могут быть увольняемы из Русского подданства и выселяться из России до отбытия ими воинской повинности»* [16, т. 49, № 53521], согласно которому меннонитам предлагалась в качестве альтернативной служба в лесных командах, подчиненных не военному ведомству, а Министерству государственных имуществ. Эти изменения были вскоре внесены в Устав о воинской повинности, но данная мера уже не могла восстановить доверие меннонитов и других российских немцев к руководству страны, а также изменить их отношение к эмиграции.

2.2.4. Утвержденное Николаем II Положение Совета Министров от 2 февраля 1915 г. *«О землевладении и землепользовании некоторых разрядов состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских или германских выходцев»* [22, 1915, ст. 350] воспретило волостным, сельским, селенным и мирским обществам, состоящим из российских немцев, приобретать какую-либо недвижимость в собственность, залог, а также для владения и пользования. Аналогичный запрет распространялся и на отдельно взятых российских немцев при приобретении ими недвижимости в сельской местности. Данный закон является первым (но далеко не последним) актом, ущемлявшим права немецких граждан России (СССР) лишь на «основании» их национального происхождения.

2.2.5. Еще дальше пошло в этом отношении утвержденное Николаем II Положение Совета Министров от 2 февраля 1915 г. *«О прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских или германских выходцев в приграничных*

местностях» [22, 1915, ст. 351], предложившее российским немцам «отчудить по добровольным соглашениям» всю свою недвижимость, находящуюся в сельской местности в приграничной полосе шириной 100-150 верст (1 верста = 1,06 км) от Финландии до Каспия, не считая лишь отведенных колонистам надельных земель. Имущество российских немцев, не желающих расстаться с ним «добровольно», было решено пустить на публичные торги на условиях, аналогичных тем, с помощью которых отчуждалась недвижимость у подданных воевавших против России государств.

2.2.6. Утвержденное Николаем II Положение Совета Министров от 13 декабря 1915 г. *«О некоторых изменениях и дополнениях узаконений от 2 февраля 1915 года о землевладении и землепользовании подданных воюющих с Россией держав, а также австрийских, венгерских или германских выходцев»* [22, 1915, ст. 2749], как видно уже из названия, вновь поставило российских немцев на одну доску с гражданами стран-противников. По данному акту Положение от 2.02.1915 г. (ст. 350) распространялось на коммерческие объединения (полные товарищества и товарищества по вере) с участием российских немцев. Кроме того, российским немцам больше не разрешалось исполнять какие-либо функции в товариществах на паях и акционерных обществах, имевших право приобретать недвижимость в сельской местности, независимо от места их нахождения. Дополнительно к Положению от 2.02.1915 г. (ст. 351) российским немцам запрещалось быть поверенными или управляющими при распоряжении недвижимостью, находившейся в сельской местности ранее установленной приграничной полосы. Наряду с этим, действие упомянутого Положения распространялось на надельные земли и наследуемое имущество. За нарушение запрета на владение и распоряжение недвижимостью было предписано переселять российских немцев за пределы губернии их проживания. Таким образом, в данном акте впервые закладывалась возможность выселения российских немцев по национальному признаку.

2.2.7. Положения 1915 года не содержали предписаний о поголовной депортации немецкого населения приграничной полосы. Тем не менее, эта акция была ими предопределена: лишив целую группу российских немцев фактически всей собственности, оставив тем самым данных людей без средств к существованию, власти совершенно логично организовали затем их выселение. При этом, вопреки всяким законам, было предписано захватывать заложников из числа российских немцев, которым угрожала смертная казнь в случае каких-либо «нарушений порядка» в ходе процедуры депортации. Шовинистическая истерия, направляемая сверху, привела и к другому закономерному результату: в мае 1915 г. по Москве прокатились антинемецкие погромы, сопровождавшиеся разграблением немецких магазинов и лавок, убийствами людей, «повинных» только в своей ненавистной национальности.

2.3.8. Красноречивым проявлением политической линии правящей верхушки по отношению к российским немцам явилось *«Положение об Особом Комитете по борьбе с немецким засильем»* [22, 1916, ст. 1278], утвержденное Николаем II 1 июня 1916 г. В этом документе, где российские немцы прямо названы «неприятельскими выходцами», ставилась задача «освобождения страны от немецкого влияния во всех областях народной жизни». Особому Комитету были предоставлены все полномочия по реализации правовых актов, направленных против российских немцев, решения Комитета подлежали

обязательному исполнению государственными органами и должностными лицами. Председатель Комитета назначался самим царем, перед которым этот орган и должен был отчитываться. В Комитет входили высшие чины основных министерств и ведомств, не исключая даже «ведомства Православного Исповедания».

2.2.9. Созданная суперструкра вкупе с соответствующей комиссией Государственной Думы, образованной еще раньше, принялась ревностно инициировать все новые правовые акты, направленные на удушение экономической и всей национальной жизни российских немцев. Среди них – Положение Совета Министров *«О воспрещении преподавания на немецком языке»* [22, 1916, ст. 1882], утвержденное Николаем II 18 августа 1916 г.; Положение Совета Министров *«О распространи действия ограничительных в отношении неприятельских землевладения и землепользования узаконений 2 февраля и 13 декабря 1915 года на Харьковскую губернию, а также на уезды Каинский, Томской губернии, и Тюкалинский и Ишимский, Тобольской губернии»* [22, 1916, ст. 1955], утвержденное Николаем II 8 сентября 1916 г., Положение Совета Министров *«О порядке ликвидации промышленных предприятий, расположенных на подлежащих отчуждению землях неприятельских подданных и выходцев»* [22, 1916, ст. 2407], утвержденное Николаем II 25 октября 1916 г., и др.

2.2.10. 6 сентября 1916 г. Совет Министров принял Положение *«Об утверждении инструкции о применении узаконений 2 февраля и 13 декабря 1915 года»* [22, 1916, ст. 1933]. Здесь положения этих актов еще более ужесточались. Приобретение прав на недвижимость волостными, сельскими, селенными и мирскими обществами, состоящими из российских немцев, воспрещалось теперь не только в сельской местности, но и на всей территории страны. Российским немцам, а также обществам и товариществам с их участием больше не разрешалось заниматься разведкой недр на казенных землях. Было установлено, что высылка российских немцев за нарушение запрета на аренду недвижимости «не приурочена ни к какому исключительному или военному положению и имеет характер постоянного и нормального полномочия местной административной власти». Наконец, запрещение российским немцам «заведовать» недвижимостью было распространено даже … на конторщиков и дворников. Казалось бы, антинемецкий угар превзошел все мыслимые пределы. Но у царской верхушки был в запасе еще один, самый зловещий акт.

2.2.11. 6 февраля 1917 г. Николай II утвердил Положение Совета Министров *«О распространении на некоторые местности Империи ограничительных в отношении землевладения и землепользования неприятельских выходцев узаконений»* [22, 1917, ст. 207]. Этот акт распространил предусмотренное Положением от 2.02.1915 г. (ст. 351) прекращение землевладения и землепользования «неприятельских выходцев» и, как следствие, их последующее выселение на <u>все основные регионы проживания российских немцев</u>. Исключение было сделано «впредь до особых распоряжений» лишь для земель, отведенных казной знаменитой Сарептской колонии под Царицыным (ныне в черте г. Волгограда). Но для «особых» и прочих распоряжений времени больше не было: Николаю II оставалось сидеть на престоле менее 4-х недель. Февральская революция не позволила последнему самодержцу организовать генеральную репетицию большевистской экспроприации, а затем и депортации российских немцев.

2.2.12. Пришедшее к власти Временное Правительство уже 17 марта 1917 г. приняло Постановление *«О приостановлении исполнения узаконений о землевладении и землепользовании австрийских, венгерских и германских выходцев»* [22, 1917, I полугодие, с. 558-560]. Было решено приостановить исполнение по данным вопросам вышеперечисленных репрессивных актов, а также – в части, касающейся «неприятельских выходцев», – не упомянутых нами узаконений (Положений Совета Министров, утвержденных Николаем II: *«О некоторых мерах к поддержанию хозяйства на подлежащих ликвидации колонистских землях»* [22, 1916, ст. 1685] – 10.07.1916 г., *«О дополнении статьи 4 закона 2 Февраля 1915 года о прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских или германских выходцев в приграничных областях»* [22, 1916, ст. 1713] – 15.07.1916 г., *«Об изменении, дополнении и изъяснении Высочайше утвержденного, 13 Декабря 1915 года, положения Совета Министров о некоторых изменениях и дополнениях узаконений 2 Февраля 1915 года о землевладении и землепользовании подданных воюющих с Россиею держав, а также австрийских, венгерских или германских выходцев»* [22, 1916, ст. 1867] – 19.08.1916 г., *«О некоторых изменениях и дополнениях узаконений 2 Февраля и 13 Декабря 1915 года о мерах к сокращению иностранного землевладения и землепользования в Государстве Российском»* [22, 1916, ст. 1869] – 19.08.1916 г., *«Об установлении особого порядка прекращения владения германских, австрийских и венгерских выходцев надельными землями в Канском уезде, Томской губернии, и в Тюкалинском и Ишимском уездах, Тобольской губернии»* [22, 1916, ст. 2361] – 20.10.1916 г., *«О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений об ограничении неприятельских землевладения и землепользования»* [22, 1916, ст. 2406] – 25.10.1916 г., *«О порядке обжалования постановлений о прекращении владения германских, австрийских и венгерских выходцев надельными землями в Каинском уезде, Томской губернии, и Тюкалинском и Ишимском уездах, Тобольской губернии»* [22, 1917, ст. 196] – 28.01.1917 г., *«О подтверждении и изъяснении ограничительных в отношении неприятельских землевладения и землепользования узаконений 2 Февраля и 13 Декабря 1915 года»* [22, 1917, ст. 212] – 8.02.1917 г., *«О размере вознаграждения за надельные земли неприятельских выходцев в Каинском уезде Томской губернии»* [22, 1917, ст. 213] – 8.02.1917 г.) «до пересмотра их Учредительным Собранием или в установленном им законодательном порядке». Поскольку Учредительное Собрание было разогнано большевистскими властями, фактически не успев приступить к работе, первая правовая реабилитация российских немцев так и не состоялась.

2.2.13. Вместо этого Временное Правительство издало распоряжение о возвращении российских немцев, выселенных или «эвакуированных» во время войны, в места прежнего проживания. Наконец, Закон от 20 марта 1917 г. [22, 1917, № 70, с.40] гарантировал равенство прав граждан, независимо от национальности и вероисповедания, во всех сферах государственной и общественной жизни. Правда, поначалу действие этого акта не предполагалось распространять на пресловутых «австрийских, венгерских и германских выходцев», но под давлением общественности эта дискриминационная оговорка не вошла в его окончательный текст. Казалось, впервые за многие годы в судьбе российских немцев наметился поворот к лучшему.

2.3. НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1918-40 гг.)

2.3.1. Придя к власти, большевики не имели сколько-нибудь четкого представления о будущем национально-государственном устройстве страны. Ходячий лозунг о «праве наций на самоопределение вплоть до отделения» трактовался ими с явным акцентом на его последнюю часть. Говоря о проблемах остающихся в составе России народов, большевистские лидеры отделывались общими фразами, категорически отвергая идеи федеративного устройства государства и национально-территориальной автономии. Эта позиция по существу представлена еще в *«Декларации прав народов России»*, подписанной Лениным и Сталиным 2 (15) ноября 1917 г. [23, 1917, № 2, ст. 18]. Но уже в *«Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа»*, принятой III Всероссийским съездом Советов 12 (25) января 1918 г. [5, т. I, М., 1957, с. 341-343], говорилось о России как «федерации Советских национальных республик», а «рабочим и крестьянам каждой нации» предоставлялось право самостоятельно решать, «желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях». Тем самым у российских немцев, как и у остальных народов страны, появились некоторые шансы найти свое место в новой политической реальности. С другой стороны, немногочисленным и маловлиятельным большевикам из немцев Поволжья (единственной территории массового проживания российских немцев, находившейся под полным контролем новых властей) было хорошо известно, что полноценное самоуправление, существовавшее в немецких колониях до 1871 г., еще очень живо в народной памяти. Отсюда ярко выраженная тяга российских немцев к восстановлению территориального самоуправления, без которого они с полным основанием не мыслили своего национального самосохранения и развития.

2.3.2. Пытаясь использовать это естественное стремление в своих целях, центральные власти создали из проверенных немецких коммунистов (как местных, так и пленных еще продолжавшейся мировой войны) *Поволжский Комиссариат по немецким делам*, который начал свою работу в Саратове 30 апреля 1918 г. В *«Общем Уставе Поволжского Комиссариата»*, утвержденном Наркомнацем РСФСР 29 мая 1918 г. [Известия ВЦИК, 1918, 5 июня], этому органу поручалось, в частности, содействовать «объединению трудовых масс немцев колонистов в уездные Советы». Данная идея была подхвачена I (учредительным) съездом Советов немецких колоний Поволжья, проходившим в Саратове 30 июня – 1 июля 1918 г. Съезд предложил объединить немецкие колонии в 4 национальных уезда, создав из последних федерацию и в то же время сохранив подчинение уездов губернским органам власти. В июле – августе 1918 г. были выделены земли под уезды и созданы уездные немецкие комиссариаты. Однако к осени 1918 г. в Москве и на месте пришли к выводу, что целесообразней образовать немецкую автономию, непосредственно подчиненную центру, чтобы противостоять как возможному вмешательству в дела немцев Поволжья со стороны Германии, болезненно воспринимавшей их «большевизацию», так и местническим тенденциям губернских властей, очень далеких от колонистов и их специфичных проблем. Такому решению способствовала и принятая 10 июля 1918 г. *Конституция РСФСР*, ст. 11 которой гласила: «Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут

объединиться в областные союзы. (…) Эти автономные областные союзы входят на началах федерации в РСФСР». С другой стороны, центр был жизненно заинтересован в поставках хлеба из немецких колоний Поволжья – одного из немногих крупных зерновых районов, оставшихся к тому времени в руках большевистских властей. Поэтому 26 июля 1918 г. появилось Постановление Совнаркома (СНК) РСФСР [5, т. III, М., 1964, с. 100-101], категорически запрещавшее местным Советам предпринимать хлебозаготовки и какие-либо другие действия в немецких колониях без согласия Поволжского Комиссариата. Однако в Москве не могли не сознавать, что сам по себе Комиссариат имел в руках слишком мало властных рычагов, чтобы проводить в немецких колониях желательную для центра политику. Создавшаяся в Поволжье ситуация, очевидно, ускорила решение вопроса о немецкой автономии, но, разумеется, не предопределила его: несколько позже и при других обстоятельствах аналогичные образования появились у многих российских народов. Вопреки настойчиво распространяемому мифу, автономия на Волге возникла отнюдь не под нажимом Германии в условиях Брестского мира. Брестский договор не мог иметь отношения к этому процессу, поскольку вообще не затрагивал внутренних проблем российских немцев и к тому же был денонсирован РСФСР еще до начала практического формирования немецкой автономии.

2.3.3. 17 октября 1918 г. СНК РСФСР решил обратиться к открывающемуся II съезду Советов немецких колоний Поволжья и известить его о принятом решении. 19 октября 1918 г. Ленин подписал Декрет СНК РСФСР *«О немецких колониях Поволжья»* [см.: 5, т. III, М., 1964, с. 438-439], который постановил образовать на базе местностей, заселенных немцами Поволжья и выделившихся в уездные Совдепы, «областное объединение с характером трудовой коммуны». (Термином «трудовая коммуна» назывались тогда многие территориальные образования.) Съезду Советов этих районов было поручено избрать исполнительный комитет, которому передавалась вся власть на данной территории. Немцам-колонистам гарантировалось использование родного языка в школах, местной администрации, суде и общественной жизни. II съезд Совдепов немецких колоний Поволжья состоялся 20-24 октября 1918 г. в Зельмане (ныне Ровное Саратовской обл.). Получив информацию о принятом в Москве решении, 24 октября Съезд постановил упразднить Поволжский Комиссариат, образовать Трудовую коммуну области немцев Поволжья и избрать намеченный в Декрете Исполнительный Комитет. Не считая недолговечной Эстляндской Трудовой коммуны, немецкая автономия стала первым национально-территориальным образованием в РСФСР. Опыт ее создания и развития широко использовался в дальнейшем при формировании многочисленных подобных структур.

2.3.4. Однако фактически немецкая автономия могла считаться созданной лишь с установлением ее точной территории. Для решения данной задачи Исполком Трудовой коммуны выдвинул своих представителей в предусмотренные Декретом СНК от 19.10.1918 г. совместные с Самарским и Саратовским губернскими Совдепами ликвидационные комиссии. Если с самарцами особых проблем не возникло, то Саратовский губисполком принял в пику столичному декрету решение о нецелесообразности образования немецкой автономии. Однако, в отличие от своих последователей наших дней, тогдашние саратовские анархо-коммунисты не нашли поддержки в Москве и вынуждены были уступить. Отметим, что конфликт возник по

поводу выделения из Саратовской губернии немецких поселений: немногочисленные русские села, первоначально вошедшие в состав автономии, были включены туда по собственному желанию. 13 марта 1919 г. Исполком Трудовой коммуны одобрил результаты деятельности ликвидационной комиссии, а 29 апреля 1919 г. они были утверждены Постановлением Наркомата внутренних дел РСФСР *«О выделении из пределов Самарской и Саратовской губерний особой области Трудовая Коммуна немцев Поволжья»* [14, с. 83, ст. 112]. Поначалу область немцев Поволжья включала 3 уезда: территория двух была выделена из Самарской губернии, а одного – из Саратовской. В мае 1919 г. областным центром стал Екатериненштадт (ныне г. Маркс Саратовской обл.) – крупнейшая немецкая колония Поволжья, 4 июня переименованная в Марксштадт. К августу 1919 г. формирование территории области было завершено.

2.3.5. Почти сразу же выяснилось, что управлять областью через 3 уезда, расположенные на достаточно большой территории по обоим берегам Волги, при недостатке необходимых средств связи чрезвычайно затруднительно. Поэтому местные власти уже в сентябре 1919 г. предложили разбить область на 13 районов. Хотя решение на этот счет пришлось отложить из-за отсутствия дополнительных управленческих кадров, оно в последующем явилось примером при переходе на областное и районное деление по всей стране. 17 февраля 1921 г. ВЦИК принял, наконец, соответствующее Постановление *«Об административном делении Трудовой Коммуны немцев Поволжья»* [23, 1921. № 14, ст. 88]. Однако из-за разного рода катаклизмов (крестьянские выступления, массовый голод и др.) уезды были ликвидированы лишь в феврале 1922 г. Спустя несколько месяцев облисполком во избежание путаницы (термин «район» употреблялся тогда в разных смыслах) переименовал районы в кантоны – швейцарский термин, в данном случае весьма уместный, т.к. многие населенные пункты автономии также носили швейцарские по происхождению названия.

2.3.6. Поскольку немецкие села были довольно сильно разбросаны по Поволжью, территория области представляла собой ряд не связанных друг с другом клочков, а следовательно не могла составлять единого хозяйственного комплекса. Поэтому в немецкой автономии, как и в других подобных образованиях, в 20-е годы развернулся процесс «округления» территории за счет включения районов, в основном населенных иноязычными гражданами. Руководители области поначалу отнеслись к этой идее прохладно, опасаясь потери автономией своего национального характера. Однако вскоре их позиция изменилась – прежде всего по экономическим соображениям, – и они направили в Москву соответствующие предложения. Руководство Саратовской губернии, разумеется, категорически возражало, но ее районы, о которых шла речь, отреагировали на переход в немецкую автономию гораздо благосклонней. 22 июня 1922 г. ВЦИК принял соответствующий Декрет *«Об изменениях в составе Трудовой Коммуны немцев Поволжья»* [23, 1922. № 43, ст. 512]. Он предусматривал присоединение к области одного уезда и нескольких волостей, а также перенесение областного центра из Марксштадта в Покровск (ныне г. Энгельс Саратовской обл.). Последняя мера мотивировалась более удобным географическим положением Покровска и наличием здесь железной дороги, но являлась достаточно спорной в другом отношении: этот город был основан украинскими чумаками (торговцами солью), а немцы так и оставались в нем меньшинством до самого конца существования автономии на Волге. К началу августа 1922 г. областные органы

переехали в Покровск. В связи с «округлением» были заново установлены границы кантонов, исходя опять же из экономической целесообразности. Кантонов стало 14, часть из которых – чисто немецкие или русские, а большинство – со смешанным населением.

2.3.7. Вскоре формирование немецкой автономии в Поволжье увенчалось еще одним (на сей раз последним) заметным событием – ее преобразованием в автономную республику. Поводом явилось создание Нижне-Волжской экономической области, в состав которой вошла и немецкая автономия. В связи с этим в центре склонялись к преобразованию автономии в округ, ссылаясь на несуразность структуры «область в области» и на то, что остальными административными единицами нового образования будут также округа. Это означало бы явное понижение статуса автономии, реальную потерю ею специфичных национальных прав, с чем ее руководители никак не могли согласиться. Аргументируя нежелательность такого развития событий, они указывали на возможное недовольство населения, осложнение отношений с центральными наркоматами, сильную зависимость от нового областного центра. Но на первый план выдвигались внешнеполитические соображения, которые были тогда, видимо, наиболее важными для руководства страны. Оно еще не рассталось с безумной идеей «мировой революции», и поэтому его было нетрудно убедить, что создание Немецкой республики на Волге явится мощной поддержкой германского пролетариата, на который большевистские вожди, не спросив его, возложили миссию разжигания революционного пожара в цитадели капитализма – странах Запада. 13 декабря 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) одобрило предложение Наркомнаца и Немецкого обкома о реорганизации автономной области в АССР немцев Поволжья. В тогдашних условиях это предрешало принятие соответствующего акта государственными органами, и потому XI областной съезд Советов мог, не дожидаясь его, провозгласить 6 января 1924 г. АССР Немцев Поволжья в составе РСФСР. 20 февраля 1924 г. появился и Декрет ВЦИК и СНК СССР *«Об Автономной Социалистической Советской Республике Немцев Поволжья»* [23, 1924. № 20, ст. 199], постановивший преобразовать область в республику в пределах существующих областных границ. Одним из важнейших положений Декрета был п. 11: «Немецкий, русский и украинский языки являются равноправными на территории АССР НП. Во всех территориальных частях Республики делопроизводство ведется на языке большинства населения каждой такой части». Аналогичная правовая норма была закреплена в Конституции АССР НП 1926 года (ст. 36). Правда, там она сопровождалась примечанием: «Временные изъятия из этого правила в отдельных случаях могут быть допущены по постановлению Президиума ЦИКа». На практике, как водится, «временные изъятия» и стали правилом: в целом ряде кантонов, населенных в основном немцами, перевод делопроизводства на немецкий язык так никогда и не состоялся – прежде всего из-за сопротивления многонационального бюрократического аппарата. Это тем более неудивительно, если учесть, что в 20-е годы доля немцев среди функционеров АССР НП составляла на республиканском уровне лишь 33%, а на местном – 56%.

2.3.8. Как и всякой автономной республике, АССР НП было положено иметь собственную Конституцию. Ее разработка развернулась почти сразу же после создания Немреспублики. Этот процесс, как и содержание Конституции, дает недвусмысленное представление о месте подобных образований в тогдашней политической системе, а также об ее подлинной сущности (текст Конституции см. [8, с. 82-136]). Современного читателя

не может не поразить объем Основного Закона крошечной республики – 314 статей, занявших более 50 страниц убористого текста. Основную роль в разработке этого документа сыграл Наркомат юстиции АССР НП. Возможно, авторы и были юристами, но уж никак не специалистами по конституционному праву – отрасли знаний, которая попросту не могла возникнуть в стране, никогда не знавшей Конституций. В тексте зарегулировано все и вся – вплоть до третьестепенных функций каких-нибудь сельсоветов. Но главная роль в нем принадлежит, без сомнения, небольшой по объему главе II раздела I «О взаимоотношениях АССР НП с РСФСР и СССР в области законодательства и управления». Этот вопрос и явился камнем преткновения в долгом мучительном процессе «проталкивания» Конституции в Москве.

2.3.9. Система Наркоматов АССР НП (как и других тогдашних автономных республик) имела сложную трехступенчатую структуру. Часть Наркоматов – Путей сообщения, Почт, Телеграфов, Военный – подчинялась непосредственно соответствующим союзным органам, другая часть – Наркоматы Финансов, Труда, Внутренней Торговли, Центральный Совет Народного Хозяйства, ГПУ и др. – одноименным Наркоматам и Управлениям РСФСР. Ответственными собственно перед Правительством АССР НП были лишь оставшиеся Наркоматы, «необъединенные в масштабе РСФСР» и наименее значимые в тех условиях, – Внутренних дел, Юстиции, Просвещения, Здравоохранения, Земледелия, Социального Обеспечения. Власти республики стремились поставить под определенный контроль ее Правительства также вторую группу данных учреждений. В итоге этих усилий ст. 16 Конституции предоставила Правительству АССР НП избирать и отзывать руководителей соответствующих Наркоматов и Управлений, а властям РСФСР – «право мотивированного отвода при избрании и протеста при отзыве». Учитывая хотя бы жесткую финансовую зависимость автономии от центра – дефицит местного бюджета (ст. 31), а также расходы на содержание центрального аппарата управления АССР НП (ст. 35) покрывались из госбюджета, – нетрудно догадаться, чья сторона брала верх при таком «согласовании». Помимо того, данный вопрос регламентировался и статьей 17, но ее содержание еще туманней: «Правительство АССР НП регулирует деятельность объединенных в масштабе РСФСР Наркоматов и Управлений АССР НП в соответствии с местными условиями и координирует ее с работой остальных Наркоматов и Управлений АССР НП». Тем более эфемерными были права местных органов по отношению к имевшимся в АССР НП Наркоматам и учреждениям союзного подчинения (ст. 15, 18). Властям Немреспублики не удалось добиться закрепления своих законодательных и управленческих прав даже по тем вопросам, которые не были отнесены к исключительной компетенции общефедеративного законодательства, принадлежа к ведению третьей из приведенных групп Наркоматов АССР НП. Вместо этого ст. 23 предоставила властям РСФСР право издавать в этой сфере законодательные акты, обязательные на территории АССР НП.

2.3.10. Ярче всего, однако, суть бюрократического централизма выражена в конституционных положениях, регламентирующих процесс принятия управленческих решений. Правительство АССР НП, сочтя декрет или постановление центральных властей нецелесообразными, могло всего лишь войти в руководящие органы РСФСР «с представлением об отмене или изменениями» соответствующих актов (ст. 19). Что же

касается приостановления решений центра, то оно допускалось только при совсем уж фантастическом условии – «когда немедленное проведение их в жизнь грозит непосредственным и тяжелым расстройством хозяйственной или политической жизни АССР НП» (ст. 20). Подобные положения не являлись бы столь одиозными, будь предметы ведения центра и республики сколько-нибудь четко разграничены. Но подобного феномена Советская система не знала ни тогда, ни впоследствии. В результате пресловутая «властная вертикаль» между центром и республиками выстраивалась предельно жестко и имела строго определенную направленность – сверху вниз. Стало быть, не могло быть и речи, чтобы АССР НП, «свободно входящая в состав РСФСР», самостоятельно определяла «форму своих взаимоотношений с общефедеративной властью и форму участия в общефедеративном правительстве РСФСР», как декларировалось в ст. 11.

2.3.11. Проект Конституции был утвержден Совнаркомом АССР НП и даже вынесен на обсуждение II съезда Советов Немреспублики еще в ноябре 1924 г., но сверху в последний момент дали «отбой». В Москве не могли допустить, чтобы какая-то новоиспеченная республика опередила в принятии Конституции саму РСФСР. Лишь после появления у последней собственного Основного Закона можно было без лишних хлопот подогнать под его шаблон Конституции всех входящих в нее республик, что впоследствии и произошло. А тем временем руководители АССР НП пытались внести в текст положения, отвечавшие их представлениям о статусе автономной республики. Наиболее примечательна в этом отношении формула, которой предлагалось охарактеризовать АССР НП в ст. 1, – «государство, входящее в состав РСФСР в качестве федеративной части последней». Центр и слышать не хотел о такой крамольной новации, хотя никакого практического значения она по тем временам иметь не могла. А ведь добейся немцы признания своей государственности в составе России уже 70 лет назад, – быть может, это, к примеру, подтолкнуло бы и их «вялотекущую» послевоенную реабилитацию. Не убедив руководство Немреспублики в правильности своей великодержавной позиции, центр заставил его в конце концов принять Конституцию в навязанном сверху виде, хотя и пообещал скорректировать ряд ее положений в будущем. Как и следовало ожидать, это будущее не наступило никогда. А Конституция была утверждена III съездом Советов АССР НП 1 февраля 1926 г. Оценивая этот документ и его правовые последствия в целом, трудно не присоединиться к мнению А. Германа: «По сути дела никакой автономии не было, имело место лишь ограниченное местное самоуправление» [4, с. 52].

2.3.12. Вышеупомянутая идея «экономического районирования» страны, не реализованная несколько лет назад, была вновь извлечена на свет в конце 20-х годов. Вместо губерний стали повсеместно создаваться более крупные административно-территориальные образования – области и края, в т.ч. Нижне-Волжский край в составе трех бывших губерний, Калмыкии и АССР НП. Немецкое население республики отнеслось к этой идее настороженно, резонно опасаясь ущемления своей национальной самобытности. Власти АССР НП не могли не учитывать эти настроения и стали добиваться от Москвы юридических гарантий. В определенной мере это удалось сделать: в Постановлении V (чрезвычайного) съезда Советов АССР НП *«По вопросу о вхождении Немреспублики в Нижне-Волжский край»* от 19 июня 1928 г. подчеркнуто, что Республика

вступает в край «на основе незыблемости» своих автономных прав. Имелось в виду право свободного выхода из края, сохранение основных положений Конституции АССР НП, «единство хозяйственного руководства» Правительства Немреспублики на всей ее территории. Развитие событий не позволило подтвердить или опровергнуть эти претенциозные декларации – пребывание АССР НП в составе Нижне-Волжского, а затем Саратовского края оказалось слишком скоротечным. 28 июня 1928 г. появилось Постановление Президиума ВЦИК РСФСР *«О вхождении АССР НП в состав Нижне-Волжского края»* (Известия ВЦИК, 1928, 30 июня), с 10 января 1934 г. в связи с разделом этого образования Немреспублика оказалась в составе Саратовского края, а уже в декабре 1936 г., после принятия «Сталинской Конституции», вновь стала напрямую подчиняться центральным органам РСФСР.

2.3.13. В связи с появлением Конституции СССР 1936 года всем республикам, включая и АССР НП, пришлось принимать новые Основные Законы, «причесанные» под общесоюзный. В Немреспублике это «историческое» событие произошло 29 апреля 1937 г., когда появилось соответствующее Постановление X (чрезвычайного) съезда Советов АССР НП. Новая Конституция заметно отличалась от прежней, будучи гораздо короче, приглаженней и в то же время еще декларативней. Видимо, авторы этих актов в Немреспублике кое-чему научились за 10 лет, тем более, что на сей раз писали под кальку опытных перьев Н. Бухарина и К. Радека – подлинных творцов «Сталинской» Конституции. В новом тексте (см. [8, с. 141-156]) не заметно никаких следов того многотрудного процесса разделения полномочий между центром и республикой, который предшествовал принятию Конституции 1926 года. В ст. 48 содержится на этот счет столь же лапидарная, сколь и бессодержательная формула: Наркоматы Немреспублики руководят порученными им отраслями, подчиняясь как Совнаркому АССР НП, так и соответствующим Наркоматам РСФСР. Обращают на себя внимание и положения, как нельзя лучше характеризующие политические реалии 1937 года: правосудие в АССР НП должно было осуществляться, в частности, пресловутыми «специальными судами СССР» (ст. 72), а «лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность», объявлялись «врагами народа» (ст. 97). Какое значение могли иметь на этом зловещем фоне заверения ст. 93, что гражданам АССР НП «обеспечивается неприкосновенность личности»?

2.3.14. Однако самыми важными статьями Конституции АССР НП 1937 года являются, без сомнения, те, которые имеют отношение к трагическим событиям, последовавшим 4 года спустя. Так, ст. 15 гласила: «Территория АССР НП не может быть изменяема без согласия АССР НП». Ст. 89 уверяла: «Равноправие граждан АССР НП, независимо от их национальности и расы, (…) является непреложным законом. Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан, в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, (…) – караются законом». Наконец, ст. 113 провозглашала: «Изменение Конституции АССР НП производится лишь по решению Верховного Совета АССР НП, принятому большинством не менее двух третей голосов (…), с утверждения Верховного Совета РСФСР». Эти статьи, как и вся Конституция, были бесстыдно попраны в августе – сентябре 1941 г. Сталинская клика лишний раз продемонстрировала, как мало значат конституции и законы на почве, удобренной вековыми традициями самовластия. Но до

этого Москва в последний раз сыграла со своей немецкой автономией в «правовое государство»: 2 июня 1940 г. был издан Закон РСФСР *«Об утверждении Конституции (Основного Закона) АССР НП»* [8, с. 156]. Нельзя не отметить, что это произошло через 3 с лишним года(!) после принятия конституционного акта. Причина, видимо, в том, что у властей страны были позади (и еще предстояли впереди) куда более серьезные дела.

2.3.15. Гораздо хуже, чем автономия на Волне, исследована история других национальных образований российских немцев – немецких районов и сельсоветов. Эти структуры начали создаваться на Украине и в РСФСР еще в 1923 г. В данных образованиях с подавляющим преобладанием немецкого населения должен был вводиться в делопроизводстве немецкий язык, что на практике реализовалось далеко не всегда. По имеющимся сведениям, на тогдашней территории РСФСР немецкие районы имелись в Оренбургской области, Крымской АССР – 2, Краснодарском и Алтайском краях. Эти образования составляли более 4% от общей численности национальных районов в республике, что заметно превышало удельный вес немцев в населении РСФСР. Данные о динамике численности немецких сельсоветов в РСФСР пока не обнародованы. Известно, однако, что в Крыму, где имелось немало немецких поселений, в 1925 г. существовало 29 немецких сельсоветов, а в 1927 г. – уже 33. В Ленинградской области их было создано 5. В 1924-27 гг. в Сибири появилось 64 немецких сельсовета (17 из них вошли в 1927 г. в состав Немецкого района на Алтае). Подобные структуры имелись также в Грузии и Белоруссии. Все эти образования были упразднены в 1938-39 гг. Так, Немецкий район на Алтае ликвидирован по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 ноября 1938 г. 20 февраля 1939 г. было даже принято специальное Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) *«О ликвидации и преобразовании искусственно созданных национальных районов и сельсоветов»*. В те же годы повсеместно (не считая АССР НП) закрылись немецкие школы. 13 июля 1939 г. в Москве перестала выходить издававшаяся в течение 13 лет центральная немецкая газета „Deutsche Zentralzeitung“.

2.3.16. Несмотря на достаточно большую численность немецкого населения и немалое количество различных национальных образований, немцы и до 1941 г. были слабо представлены в органах власти СССР, особенно на высшем уровне. Так, делегатами IV Всесоюзного съезда Советов (1927 г.) являлись всего 9 немцев, V съезда (1929 г.) – 8, VII съезда (1935 г.) – 13. В первом Верховном Совете СССР, образованном в 1937 г., насчитывалось лишь 9 немецких депутатов. Поскольку подобные органы, как известно, формировались сверху, а их профессиональный, социальный и национальный состав, как правило, жестко регламентировался, эти данные не могут не свидетельствовать о явном недоверии руководства страны к российским немцам даже в те годы. Причины были многообразны – слабая приверженность немецкого населения коммунистической идеологии, низкий уровень партийности, значительная доля так называемых социально чуждых слоев, сильная тяга к национальным традициям, религиозность и т.п. Не менее симптоматично, что ЦК ВКП(б) уже весной 1934 г. негласно потребовал собрать по стране полные и точные сведения на всех работающих немцев. С тех пор российские немцы находились под особым тотальным контролем, а погромные списки дожидались в сейфах своего часа.

2.4. СТАЛИНСКИЕ РЕПРЕССИИ И ГЕНОЦИД ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ПРИЗНАКУ (1941-53 гг.)

2.4.1. Оценка советской государственной политики 40-х годов по отношению к российским немцам как геноцида отнюдь не является словесным штампом. Эта политика полностью соответствует общепринятой правовой квалификации геноцида, которая содержится в *«Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него»*, принятой ООН 9 декабря 1948 г. и ратифицированной СССР 18 марта 1954 г. В ст. II данного документа перечислены злодеяния, означающие геноцид даже взятые по отдельности. Между тем политической линии, проводившейся в СССР в отношении российских немцев, присущи все приведенные признаки без исключения. Во-первых, в 1941-45 гг. имело место массовое убийство членов данной национальной группы. За этот период, согласно оценке, основанной на официальных данных, погибло в так называемой трудармии, а также в других местах уничтожения, умерло в результате голода, издевательств и непосильного труда около 1/3 немецкого населения СССР (см. 1.3.18), Во-вторых, эти действия причинили серьезные телесные повреждения и умственные расстройства выжившим российским немцам. В-третьих, власти СССР предумышленно рассеяли данную национальную группу по огромной территории. При этом сохранение родного языка, национальных обычаев и традиций стало практически невозможным. Тем самым для российских немцев были созданы такие «жизненные» условия, при которых уничтожение их этноса оказалось только вопросом времени. В-четвертых, мужчины и женщины содержались в трудармии раздельно, в результате чего предотвращалось деторождение среди российских немцев. В-пятых, немецких детей насильственно разлучали с родителями, отправленными в трудармию и другие места заключения, помещали в детские дома, запрещали пользоваться родным языком и, тем самым, фактически передавали в другие национальные группы. Все эти действия совершались намеренно. Иначе невозможно объяснить, почему они в той или иной мере предприняты в СССР почти одновременно против полутора десятков самых разных национальных групп. Конвенция 1948 года предусматривала принятие подписавшими ее странами эффективных мер по наказанию через компетентные внутренние и международные суды всех лиц, виновных в геноциде, независимо от занимаемых ими постов. Однако, несмотря на официальное признание факта геноцида по отношению к российским немцам (например, в Законе РСФСР «О реабилитации репрессированных народов»), никаких мер в этом отношении так и не было принято.

2.4.2. Депортация российских немцев, начиная с западных районов страны (как и при Николае II), стала проводиться уже в 30-х годах. Первые известные правовые акты на сей счет – Постановления СНК СССР от 23 января 1936 г. № 111-21 *«О переселении из УССР в Казахскую АССР»* и от 28 апреля 1936 г. № 776-120 *«О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской АССР 15000 польских и немецких хозяйств»*. Как и ряд других аналогичных репрессивных актов, они были отменены 6 июня 1991 г. Постановлением Кабинета Министров СССР № 336. Указанное постановление от 28.04.1936 г. поручило организацию выселения НКВД СССР, которому предстояло также создать для изгнанников на местах сельские поселения по испытанным лагерным образцам. Строительство жилья и хозяйственных объектов для выселяемого

«контингента», как и его хозяйственное устройство, были доверены не кому иному, как ГУЛАГу НКВД. 23 июня 1940 г. издается Приказ наркома НКВД СССР Л. Берии № 00761 *«О переселении из гор. Мурманска и Мурманской области граждан инонациональностей»* [7, с. 26-27], где в числе переселяемых в Алтайский край фигурируют и немецкие семьи. Примечательно, что приказ ссылается на соответствующее решение правительства, которое, однако, до сих пор не опубликовано и не отменено. (Здесь и далее, говоря об отмене репрессивных актов, мы не касаемся соответствующих положений Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», о которых будет сказано особо.)

2.4.3. В куда больших масштабах подобная политика осуществляется начиная с 1941 г. Недавно впервые опубликованы фрагменты «правового» акта, положившего начало массовой депортации российских немцев, – Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. № 2056-933 *«О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей»* (см. [4, с. 284-286]). Как ни странно, этот документ никем никогда не отменялся. Безо всяких предисловий Постановление предписало переселить все без исключения немецкое население данной территории в Западную Сибирь и Северный Казахстан, указав численность выселенцев, которых предстояло принять намеченным краям и областям. Руководство переселением возлагалось на НКВД, с привлечением других необходимых ведомств. Немцев предписывалось выселять в основном в сельскую местность, а городских жителей – в райцентры и города, за исключением областных центров. Переселенцам разрешалось брать с собой личные вещи, мелкий сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, продовольствие – всего весом до тонны на семью. Принадлежавшие им постройки, сельхозорудия, скот и зернофураж должны были сдаваться по оценочным актам специальным комиссиям. Взамен сданного имущества изгнанникам было велено выдавать квитанции, на основании которых им предписывалось предоставлять по прибытии на место компенсацию в натуральной форме за принятые сельхозпродукты и скот. Постройки предусматривалось «восстанавливать» путем выделения готовых домов или стройматериалов. Переселение должно было быть проведено с 3 по 20 сентября 1941 г. Не считая этих сроков, упомянутые пункты Постановления в основном остались на бумаге. Практически все немцы Поволжья, включая горожан, попали в сельскую местность. Мало кто мог взять в переполненные эшелоны и пароходы обещанное количество вещей и продовольствия. Лишь немногие переселенцы успели получить за оставленную недвижимость квитанции, оказавшиеся к тому же пустыми бумажками. Не имея на то достаточных средств, на местах крайне редко выдавали прибывшим положенные сельхозпродукты и скот. Вместо собственных домов основная часть изгнанников попала в бараки и землянки. По образу и подобию данного акта было состряпано Постановление СНК СССР № 1118-342 от 14 октября 1943 г. *«Вопросы НКВД СССР»*, определившее порядок депортации спецпереселенцев из числа других народов. Оно отменено 6 июня 1991 г.

2.4.4. Во исполнение Постановления от 26.08.1941 г. издается Приказ наркома НКВД СССР Л. Берии от 27 августа 1941 г. № 001158 *«О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей»* [7, с. 41-43]. Берия возложил проведение беспрецедентной по масштабам и характеру «операции» на своих ближайших приспешников, начиная с

заместителей наркома И. Серова и В. Чернышова, а также на начальника ГУЛАГа НКВД В. Наседкина. Им в подмогу в Поволжье направлялись 1550 сотрудников НКВД, 3250 работников милиции, 12150 красноармейцев. И это в то время, когда на истекающих кровью фронтах на счету был каждый боец! Нарком не забыл и о специфичных задачах своего ведомства – арестовать перед отправкой «антисоветский элемент»; в случае «перехода на нелегальное положение» репрессировать не только виновных, но и членов их семей; арестовать и депортировать в принудительном порядке отказывающихся переселиться и т.п. В отличие от упомянутого Постановления партии и правительства, приказ наркома НКВД исполнялся неукоснительно.

2.4.5. Наконец, на следующий день было доверено высказаться и марионеточному «высшему органу государственной власти». Ему поручалась самая деликатная миссия – «обосновать» уже проводимую депортационную акцию задним числом. Указ Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР от 28 августа 1941 г. № 21-160 *«О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»* (Ведомости Верховного Совета СССР, 1941, 2 сентября, № 38), сославшись лишь на мифические «достоверные данные, полученные военными властями», не мудрствуя лукаво возвестил, что среди немцев Поволжья «имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны производить взрывы» в местах своего проживания. Поскольку сами немцы Поволжья ни о чем подобном сигнализировать властям почему-то не спешили, отсюда не могло не вытекать, что «немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов Советского Народа и Советской Власти». Следуя своей неподражаемой логике, Указ повелевал не арестовать, а всего лишь выселить все эти полчища диверсантов, шпионов и их укрывателей, «с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах». 30 августа этот правовой шедевр был опубликован по указанию Берии в республиканских газетах АССР НП, а уже через день первых немцев Поволжья начали доставлять с их жалким скарбом к местам погрузки. 30 августа 1941 г. появился еще один документ, регламентировавший депортацию немцев Поволжья, – Постановление СНК СССР № 2016-95 *«Об утверждении инструкции о порядке приемки имущества переселяемых колхозов и колхозников»*, которое было отменено 6 июня 1991 г. А вскоре партия вновь продемонстрировала свою руководящую и направляющую роль. ЦК ВКП(б) принял 6 сентября 1941 г. Постановление, а ПВС СССР, как водится, оперативно отреагировал и издал 7 сентября соответствующий Указ *«Об административном устройстве территории бывшей Республики немцев Поволжья»* (Ведомости Верховного Совета СССР, 1941, № 40). «Устройство» выразилось в том, что было «признано необходимым» включить северную часть АССР НП в состав Саратовской области, а южную – Сталинградской. 23-летняя история немецкой автономии в Поволжье, таким образом, завершилась. Однако этот факт был широко обнародован лишь 17 октября 1945 г., когда «Правда» сообщила о ликвидации АССР НП и автономных образований других депортированных народов, а также о включении соответствующих территорий в состав соседних областей и краев.

2.4.6. В документах современного национального движения российских немцев не раз высказывалось мнение, что АССР НП, ликвидированная вопреки конституциям и законам тех лет, де-юре продолжает существовать. С другой стороны, ВНИИ советского

государственного строительства и законодательства ответил на соответствующий запрос народного депутата СССР А. Бергера в декабре 1989 г.: «АССР НП следует считать юридически ликвидированной 28 августа 1941 г. Кроме того, 3-я сессия Верховного Совета СССР II созыва 25 февраля 1947 г. внесла изменения в ст. 22 Конституции СССР, в новой редакции которой не было упоминания о вхождении Автономной Республики немцев Поволжья в состав РСФСР» [8, с. 271]. Для корректной правовой оценки этой непростой и противоречивой ситуации необходимо, думается, избегать смешения близких, но не идентичных понятий – «существовать де-юре» и «не быть юридически ликвидированной». Республика, как и любой правосубъект, не может существовать без постоянного совершения определенных правовых действий. В этом смысле АССР НП, очевидно, давно уже не существует. Вопрос лишь – с какого именно момента. Это безусловно произошло не 28 августа 1941 г. – и не только потому, что в Указе от данного числа ничего не говорится о судьбе Немреспублики. А. Герман, основываясь на архивных данных, установил, что наркоматы и ведомства АССР НП официально прекратили свою деятельность лишь 15 сентября 1941 г. [3, с. 322]. Поскольку республика не существует без своих учреждений, а последние являются химерой без породившего их образования, нельзя не прийти к заключению, что эта дата и является в данном случае искомой. Такой вывод, однако, ничуть не предрешает ответа на другой вопрос: была ли АССР НП юридически ликвидирована, и если да, то когда? Указ от 28.08.41 г. по вышеназванной причине вообще не имеет отношения к данной проблеме. Упомянутый Указ от 7.09.41 г. «ликвидировал» АССР НП лишь в том смысле, что назвал республику «бывшей» и «устроил» ее территорию. Но ни в этом Указе, ни в других правовых актах никогда не говорилось об упразднении Немреспублики как таковом. Ссылка на упомянутые Указы в дискуссии по обсуждаемой проблеме тем более неуместна после того, как 7 марта 1991 г. они были официально отменены. К тому же, как отмечалось, АССР НП продолжала значиться в Конституции СССР еще до 1947 г., а в случае противоречия между правовым актом (не считая законов о внесении изменений в Конституцию) и Конституцией приоритет в любом случае принадлежит последней. Что касается изменений, внесенных в Конституцию в 1947 г., то они явно означали не «юридическую ликвидацию» АССР НП, а ее упразднение заведомо противоправным путем. Целый ряд антиконституционных и незаконных актов, приведших к этому шагу, никоим образом не мог увенчаться конституционностью и законностью. Забегая вперед, отметим, что ситуация начала меняться в пользу закона лишь с 1991 г., когда многие из этих актов были отменены. Однако, сказав «а», законодатели вопреки всякой логике не затронули соответствующих конституционных норм. Имеется в виду, конечно, не Конституция образца 1947 года, давно потерявшая силу, а Конституции СССР и РСФСР, действовавшие в 1991 г. Несмотря на все усилия Совета немцев России, эту более чем застарелую и актуальную проблему оставили без внимания, к сожалению, и творцы Конституции РФ 1993 года. А получился в итоге правовой абсурд. С одной стороны, территория АССР НП больше не должна входить в состав Саратовской и Волгоградской областей, поскольку соответствующий антиконституционный указ 1941 года отменен. С другой – Республика на Волге не восстановлена, и ее территория оказалась поэтому как бы бесхозной. Совершенно очевидно, что из этой ситуации имеется лишь один выход, заслуживающий название правового, – восстановление Немреспублики там, где она была. Любой другой вариант означал бы не что иное, как увековечение вопиющего беззакония и произвола.

2.4.7. Вслед за немцами Поволжья было депортировано и немецкое население большинства других регионов Европейской части СССР. Его не удостоили указов, выслав по постановлениям Государственного Комитета Обороны (ГКО), СНК СССР и некоторых других органов. Акты на этот счет принимались один за другим: Постановления ГКО от 6.09.1941 г. № 636 о выселении немцев Москвы, Московской и Ростовской областей [8, с. 161-162], от 21.09.1941 г. № 698 – Краснодарского и Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР [8, с. 164-165], от 22.09.1941 г. № 702 – Запорожской, Сталинской (ныне Донецкой) и Ворошиловградской (ныне Луганской) областей [8, с. 165], от 8.10.1941 г. № 743 – Воронежской области [7, с. 60-61], от 8.10.1941 г. № 744 – Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР [7, с. 62-63], от 22.10.1941 г. № 827 – Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР [8, с. 168], от 29.05.1942 г. № 1828 – о дополнительном выселении ряда категорий граждан, включая и немногих оставшихся немцев, из Краснодарского края и Ростовской области [8, с. 171]; Распоряжения СНК СССР от 2.11.1941 г. № 84 *«О переселении немцев из Калмыцкой АССР»,* от 14.11.1941 г. № 180 *«О переселении лиц немецкой национальности из пограничных районов в тыловые в пределах Читинской области»*, от 21.11.1941 г. № 280 о переселении немцев из Кошкинского района Куйбышевской (ныне Самарской) области в Казахстан и др. Ни в одном из этих документов немцам не предъявлялось каких-либо обвинений, а причины их выселения попросту не назывались. Все указанные акты отменены Постановлением Кабинета Министров СССР от 6.06.1991 г. № 336. Никто, однако, насколько известно, не отменял соответствующие акты партийных органов, среди которых – Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 г. *«О немцах, проживающих на территории Украинской ССР»,* предварившее депортацию более ста тысяч немецких жителей этой республики. Зачастую российские немцы подвергались двойному переселению. Так, Распоряжением СНК СССР от 20 июля 1942 г. № 13227 руководству Новосибирской области было разрешено «передать» из центральных районов области в отдаленный Нарымский округ 15.000 немцев спецпереселенцев. Этот акт тоже отменен 6.06.1991 г. Имеются также сведения о выселении немецкого населения с дальневосточных границ – из Хабаровского и Приморского краев.

2.4.8. Упомянутым Постановлением № 336 были отменены, судя по всему, далеко не все депортационные акты – даже из числа принятых ГКО. Немцы, как известно, выселялись не только из перечисленных республик, краев и областей, но и из многих других. Между тем данное Постановление совершенно не проясняет, какие акты были приняты на этот счет и почему они не подлежат отмене точно так же, как вышеуказанные. На сегодня известно, что отдельные депортационные акции предпринимались на основании приказов Военных Советов соответствующих фронтов: Южного фронта (август 1941 г.) – о выселении немцев из Днепропетровской области и Крыма, Юго-Западного фронта (август 1941 г.) – из Харьковской области, Ленинградского фронта (приказы № 196 от 26.08.1941 г., № 00713 от 9.03.1942 г., № 00714-а от 20.03.1942 г.) – из Ленинграда и Ленинградской области, Западного фронта: сентябрь-октябрь 1941 г. – из Калининской (ныне Тверской) области, октябрь 1941 г. – из Горьковской (ныне Нижегородской) области. Некоторый свет на эти вопросы проливают также работы Н. Бугая. Так, он сообщил, что депортация немецкого населения из Харьковской, Калининской областей и Крымской АССР осуществлялась на основе приказов НКВД [1, с.

45]. Им опубликован приказ Л. Берии от 30 августа 1941 г. № 001175 о выселении немцев и финнов из пригородов Ленинграда, содержащий ссылку на соответствующее Постановление ГКО [7, с. 47-48], хотя само это постановление не приводится. Н. Бугай обнародовал и ряд других документов НКВД о выселении немцев из различных регионов, судя по которым функция инициатора подобных акций обычно принадлежала самим «компетентным органам». Донесения и предложения НКВД предшествовали принятию решений о выселении немцев в 1941 г. из Карело-Финской ССР, Куйбышевской, Ивановской, Горьковской, Воронежской областей [7, с. 38, 50, 51, 59-61]. Упомянутое Распоряжение о выселении немцев из Калмыкии подписал не кто иной, как сам Берия. Еще более значительную роль НКВД сыграл, конечно, при реализации подобных решений. Не обошлась без руководящего участия «органов» и вторая фаза депортационной эпопеи, последовавшая, как отмечалось, в конце и после войны (см. 1.3.16). 7 февраля 1945 г. был издан Приказ НКВД СССР № 1-2120 о выселении немцев из пограничных районов Прибалтики, Белоруссии, Украины, а 10 февраля 1945 г. – Постановление НКВД СССР № 1-4534 о переселении немцев из Молдавии [1, с. 46. 48]. Сообщив Берии 20 сентября 1945 г. о прибытии репатриантов из числа немецких граждан СССР на Украину, его приспешники предложили переселить их в Коми АССР и Молотовскую (ныне Пермскую) область [7, с. 76].

2.4.9. Куда меньше руководящих решений было принято по поводу расселения и обустройства депортированных российских немцев. Видимо, эта сторона репрессивной акции интересовала ее инициаторов меньше всего. Среди актов, отмененных 6 июня 1991 г., имеется, судя по названиям, лишь три подобных документа – Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 сентября 1941 г. № 2060-935 *«О расселении немцев Поволжья в Казахстане»,* Распоряжение СНК СССР от 30 октября 1941 г № 57 *«О расселении лиц немецкой национальности из промышленных районов в сельскохозяйственные»* и Постановление ГКО от 31 января 1944 г. № 5073 *«О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР»*. Первый из этих документов датируется в ряде опубликованных актов, а также в работах Н. Бугая и А. Германа 12 августа 1941 г. На наш взгляд, эта дата ошибочна. Трудно представить, чтобы постановление о расселении еще не депортированных немцев Поволжья могло появиться за 2 недели до решения об их выселении. К тому же соответствующее депортационное Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26.08.1941 г. было издано, как отмечалось выше (см. 2.4.3.), под № 2056-933. Акт от 26 августа, очевидно, не мог иметь меньший порядковый номер, чем акт, принятый теми же органами 12 августа.

2.4.10. В гораздо большей степени власти были озабочены «трудовым использованием» выселенных немцев. Видимо, стремление пополнить поредевший с началом войны контингент ГУЛАГа и других важнейших потребителей дармовой рабочей силы на востоке страны явилось одним из важнейших мотивов депортации российских немцев, а затем и многих других народов СССР. Уже осенью 1941 г. при лагерях НКВД стали формироваться строительные батальоны из немцев, изгнанных из Красной Армии в соответствии с директивой Наркома Обороны СССР № 35105 от 8 сентября 1941 г., а также из депортированного немецкого населения. 7 октября 1941 г. было принято Постановление СНК СССР № 2130-972 *«О выделении рабочих колонн из военнообязанных»*, обязавшее Наркомат обороны сформировать из необученных

военнообязанных старших возрастов «рабочие колонны» общей численностью в 300 тыс. человек. Тем самым было положено начало созданию пресловутой трудармии. Важнейший шаг на этом пути – Постановление ГКО от 10 января 1942 г. № 1123 *«О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет»* [8, с. 168-169], фактически подчинившее «рабочие колонны» НКВД. Данный документ предписывал мобилизовать в эти колонны на все время войны немецких переселенцев-мужчин указанного возраста – всего 120 тыс. человек. Примерно по трети этого количества было направлено на лесозаготовки, сооружение Бакальского металлургического и Богословского алюминиевого заводов на Урале, строительство железных дорог. Как оказалось позднее, именно эти места трудармии отличались самой высокой смертностью. Дела в отношении не явившихся на отправку, нарушителей дисциплины и «дезертиров» поручалось рассматривать знаменитому Особому Совещанию (ОСО) с применением наказаний вплоть до высшей меры. Снабжение в «рабочих колоннах» было установлено по нормам ГУЛАГа. Постановление ГКО от 14 февраля 1942 г. № 1281 *«О мобилизации немцев-мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках»* [8, с. 170] распространяло положения предыдущего акта на немецких мужчин независимо от места проживания. По Постановлению ГКО от 7 октября 1942 г. № 2383 *«О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР»* [8, с. 172-173] трудармия поглотила всех трудоспособных немецких мужчин от 15 до 55 и женщин от 16 до 45 лет за исключением лишь женщин беременных и имевших детей до 3-х лет. Других детей было велено передать остающимся членам семьи, родственникам и даже «немецким колхозам» (в большинстве своем давно разогнанным). Установленные возрастные рамки нередко нарушались самими властями. Имелись и случаи мобилизации женщин с детьми до 3-х лет. Согласно Постановлениям СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. № 19 *«О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке»* и от 24 октября 1942 г. № 1732 *«О развитии прибрежного лова рыбы в Белом и Баренцевом морях»* намечалось «трудовое использование» мобилизованных немцев в рыбной промышленности на Севере. Постановления ГКО от 2 августа 1943 г. № 3857 и от 19 августа 1943 г. № 3960 [8, с. 173-174] предусматривали дополнительную мобилизацию немцев на строительство, в угольную и нефтяную промышленность. 18 июля 1945 г. принимается новое Постановление ГКО № 9526 о мобилизации в угольную промышленность [1, с. 55; 13, с. 87], согласно которому немцы, мобилизованные в эту отрасль, «закреплялись» за предприятиями. 7 декабря 1945 г. было принято Постановление СНК СССР № 3041/907 *«О закреплении мобилизованных немцев за предприятиями Наркомнефти»* [7, с. 77-78], а 29 марта 1946 г. – Постановление Совета Министров (СМ) СССР *«О закреплении за предприятиями министерства черной металлургии спецконтингентов, подлежащих переселению в северные районы страны»*. Из перечисленных актов отменены только 4 постановления ГКО (№№ 1123, 1281, 2383, 3960) и Постановление СНК № 2130/972. Постановления СНК и ЦК ВКП(б) №№ 19 и 1732 утратили силу согласно Постановлению СМ СССР от 29 сентября 1981 г. № 950.

2.4.11. Термин «спецпереселенцы» появился в конце 20-х годов и применялся к «кулакам», затем к переселенным в 30-х годах нацменьшинствам и к жителям республик Прибалтики, изгнанным из родных мест после их присоединения к СССР в 1940 г. С 1936

г. переселенческое дело было передано из ведения Наркомзема в Переселенческий отдел НКВД и приняло открытый репрессивно-принудительный характер. Депортация целых народов придала спецпоселению невиданные масштабы. 8 января 1945 г. было принято Постановление СНК СССР № 35 *«О правовом положении спецпереселенцев»* [7, с. 231], которым устанавливалось, что они не имеют права без разрешения коменданта отлучаться из места поселения, «обслуживаемого» соответствующей комендатурой НКВД. Самовольная отлучка приравнивалась к побегу из мест лишения свободы. Спецпереселенцы обязаны были доносить НКВД обо всех изменениях в составе семьи (рождение, смерть, побег). По окончании войны, по мере постепенного расформирования трудармии, статус спецпереселенцев получили все немцы-трудармейцы, в т.ч. не подвергавшиеся выселению, а к концу 40-х годов – практически всё немецкое население страны. В тот же день, 8.01.1945 г., принимается Постановление СНК СССР № 34-13 *«Об утверждении положения о спецкомендатурах НКВД»*. Данное Положение закрепило за комендантами спецкомендатур широчайший круг полномочий – не только надзор за спецпереселенцами, но и выявление среди них «антисоветских и уголовно-преступных элементов», организацию и производство розыска беглецов, «предупреждение и пресечение беспорядков», наложение на нарушителей режима и «общественного порядка» штрафов и арестов, производство расследований по делам о «побегах и других преступлениях» спецпереселенцев и т.д. Согласно Постановлению СМ СССР от 21 февраля 1948 г. № 418-161 *«О ссылке, высылке и спецпоселениях»* спецпереселенцы, находившиеся в Европейской части СССР, направлялись в Казахстан и Сибирь. Постановление СМ СССР от 24 ноября 1948 г. № 4367-1726 *«О выселенцах»* ужесточило контроль за соблюдением режима спецпереселения. Вслед за этим, 26 ноября, был принят Указ Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР *«Об усилении ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны»* [8, с. 176], согласно которому депортированные немцы объявлялись переселенными «навечно, без права возврата их к прежним местам жительства». После раскулачивания это был первый случай массового бессрочного выселения. За самовольный выезд из мест поселения определялось наказание в 20 лет каторжных работ. Отметим, что каторга была специально введена в 1943 г., чтобы карать фашистских убийц и их пособников. К каторжным работам на срок от 10 до 20 лет приговаривали военно-полевые суды. Теперь с теми же мерками было решено относиться к «народам-пособникам». Наконец, в последний год жизни Сталина появился акт, по-своему увенчавший созданную им машину репрессий против российских немцев и других народов, – Указ ПВС СССР от 11 марта 1952 г. *«О направлении на спецпоселение отбывших наказание осужденных, члены семей которых находятся на спецпоселении»* [8, с. 176-177]. Указ от 26.11.1948 г. отменен Указом ПВС СССР от 13 июля 1954 г. № 104/43, а Постановление от 24.11.1948 г. – не раз упоминавшимся нами Постановлением КМ СССР от 6 июня 1991 г. № 336. Хотя сама система спецпоселения была упразднена еще в 1956 г., указанное Постановление от 8.01.1945 г. утратило силу лишь по Постановлению СМ СССР от 13 декабря 1973 г. № 894-300. Об отмене остальных перечисленных актов по спецпоселенцам нам неизвестно.

2.5. ЧАСТИЧНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В СССР (1954-91 гг.)

2.5.1. Чрезвычайно медленный и противоречивый процесс реабилитации российских немцев и других народов СССР начался с того же круга проблем, которым завершилось несколькими годами раньше создание репрессивно-истребительного механизма, направленного против этих народов, – с режима спецпоселения. Как ни парадоксально, не изменились и инициаторы – всё те же незаменимые «органы». Н. Бугай сообщил о докладной записке Министра МВД СССР С. Круглова Председателю СМ СССР Г. Маленкову, где уже в июне 1953 г.(!) предлагалось освободить от спецпоселения всех немецких граждан страны (не считая «репатриантов») и, более того, вообще отменить выселение «навечно» [1, с. 259, 264]. В сентябре 1953 г. МВД СССР вновь предложило упразднить режим спецпоселения для некоторых категорий граждан. Тугодумное партийно-государственное руководство принялось размышлять, и в апреле 1954 г. Президиум ЦК КПСС создал специальную комиссию для «дифференцированного» решения вопроса об освобождении отдельных контингентов спецпоселенцев. Наконец, 9 мая 1955 г. Постановлением Президиума ЦК КПСС *«О снятии ограничений по спецпоселению с членов КПСС, кандидатов в члены КПСС и членов их семей»*, как и подобало тогда, был освобожден от тягот спецпоселения в первую очередь уцелевший при нем «авангард общества». 29 июня 1955 г. принимается Постановление Президиума ЦК КПСС *«О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев»*. А 5 июля 1954 г. появился и первый известный государственный реабилитационный акт – Постановление СМ СССР № 1439-689 *«О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев»* [19, с. 21-22]. В последнем документе ничего не сказано об отмене соответствующих репрессивных актов. За пределами всякой критики приводимая в нем мотивировка: дескать, дальнейшее применение ограничений «не вызывается необходимостью», поскольку спецпоселенцы трудоустроены на новых местах, включились в хозяйственную и культурную жизнь. О какой «культурной» жизни можно было говорить, скажем, применительно к народам, полностью лишенным самого элементарного – своих школ, газет и книг на родном языке?! Что касается трудоустройства, то дело обстояло здесь в действительности точно так же, как 5 или 10 лет назад: спецпоселенцы, как правило, трудились, но выполняли самую грязную, тяжелую, неквалифицированную работу. Впрочем, этот факт косвенно признавался и в данном Постановлении: там отмечалось, что спецпоселенцы, «как и другие трудящиеся», должны «использоваться на работе в соответствии с их образованием и специальностью». Документ не распространялся на некоторые категории спецпоселенцев, перечень которых содержится в еще не опубликованном приложении к нему. И все же Постановление имело немаловажное значение. Оно предоставляло спецпоселенцам, «занимающимся общественно-полезным трудом», свободу проживания в пределах соответствующей области или края, а командировочным из их числа – право передвижения по стране. Дети спецпоселенцев до 16 лет, а также старше (если они были приняты или направлены в учебное заведение) от спецпоселения фактически освобождались. (Тем не менее, дальнейшая учеба подобных лиц еще долго оставалась уникальным явлением.) Наконец, за нарушение режима спецпоселения перестали наказывать штрафом и арестом. А через несколько дней, 13 июля 1954 г., появился и Указ ПВС СССР № 104/43, отменивший

уголовную ответственность за побеги из мест выселения, которая была предусмотрена Указом от 26.11.1948 г.

2.5.2. Линия предыдущих документов нашла продолжение в Постановлении СМ СССР от 13 августа 1954 г. № 1739-789 *«О снятии ограничений по спецпоселению с бывших кулаков, с немцев, взятых на учет по месту жительства, откуда выселение не производилось, и с немцев, мобилизованных в период Великой Отечественной войны для работы в промышленности, которые выселению не подвергались»*. Правда, по данным Н. Бугая, оно коснулось всего 118 тыс. немцев [1, с. 260]. Постановлением СМ СССР от 10 марта 1955 г. № 449-272 *«О выдаче спецпоселенцам паспортов»* было разрешено выдавать паспорта спецпоселенцам на общих основаниях. 24 ноября 1955 г. последовало Постановление СМ СССР № 1963-1062 *«О снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев»* [19, с. 22-23]. Оно предусматривало освобождение от спецпоселения участников войны; лиц, награжденных орденами и медалями; членов семей погибших на фронте; преподавателей учебных заведений; женщин, вступивших в брак на спецпоселении с лицами, не являющимися спецпоселенцами; одиноких инвалидов; лиц, нуждающихся в уходе из-за неизлечимой болезни, и др. Но и эти категории, даже вместе взятые, составляли лишь незначительную долю российских немцев. К тому же Постановление определяло, что снятые с учета не могут проживать в том месте, откуда были выселены, а отнятое у них жилье «возвращению не подлежит». 12 января 1957 г. появились Разъяснения Госкомтруда при СМ СССР № 4 *«Об исчислении трудового стажа бывшим спецпоселенцам, мобилизованным в период Великой Отечественной войны в рабочие колонны»*, согласно которым предусматривался зачет времени нахождения в «рабочих колоннах» в трудовой стаж. Серьезной практической роли эта мера, однако, не сыграла, поскольку почти никто из трудармейцев не получил справок о пребывании в «рабочих колоннах».

2.5.3. Из данной серии реабилитационных актов наибольшее значение для российских немцев имел, конечно, Указ ПВС СССР от 13 декабря 1955 г. *«О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении»* [19, с. 23-24], полностью освободивший их от режима спецпоселения. Соответствующие акты по другим репрессированным народам СССР были приняты лишь в марте-июле 1956 г. Приоритет, отданный немцам, объясняется, очевидно, не тем, что их выселили раньше других, и уж тем более не лучшим отношением к ним, а относительно благоприятной впервые за многие годы внешнеполитической конъюнктурой: в сентябре 1955 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и ФРГ. Тем не менее, в данном Указе вновь объявлялось, что снятие со спецпоселения не влечет за собой возврата конфискованного имущества и права на проживание в местах выселения. В конце 1956 – начале 1957 гг. были восстановлены автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов. Исключением явились только российские немцы и крымские татары. Никаких официальных объяснений на этот счет не последовало ни тогда, ни впоследствии. Советские (а затем и российские) власти убедительно продемонстрировали, что – вопреки гарантированным Конституцией национадьному равноправию и праву народов на самоопределение, не говоря уже о всевозможных демагогических декларациях относительно «равенства и братства», – российские народы по-прежнему подразделяются «по сортам».

2.5.4. Хотя процесс реабилитации российских немцев был далек от завершения, в нем практически наступила 35-летняя пауза. Ни один из актов, принятых (или готовившихся) в этот период, не шел по своей значимости в сравнение с Указом 1955 года и не касался коренных проблем репрессированного народа. На это повлияли как внешнеполитические факторы, так и очевидная внутренняя причина – у руководства страны не было и нет достаточно продуманной перспективной концепции решения национальных проблем. В самом конце правления Н. Хрущёва появился акт, связанный с его намерением наладить отношения с руководством ФРГ во главе с Л. Эрхардом, – Указ ПВС СССР от 29 августа 1964 г. *«О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года <О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья>»* [19, с. 27-28]. Указ был обнародован уже после смещения Хрущёва, вскоре пришлось уйти в отставку Эрхарду, и российские немцы так и не узнали, что могло бы сулить для них сотрудничество между этими лидерами. Отвергнув клеветнические обвинения по адресу немцев Поволжья в пособничестве германскому фашизму, выдвинутые в Указе 1941 года и имевшие катастрофические последствия для всего российско-немецкого этноса, данный акт приводил целую серию столь же лживых измышлений, служивших предлогом для непринятия реальных мер по решению проблем российских немцев в течение четверти века. Высший государственный орган не постеснялся заявить, что «немецкое население за истекшие годы прочно укоренилось на новых местах жительства и пользуется всеми правами граждан СССР». Авторы «не заметили» ни процесса массовой миграции российских немцев внутри СССР, ни всё более нараставших среди них эмиграционных настроений, ни даже того, что целый народ оставался лишенным общепризнанного неотъемлемого права на сохранение родного языка, культуры, национальных традиций. В Указе содержалось фантастическое утверждение, будто в ряде регионов «имеются средние и начальные школы, где преподавание ведется на немецком языке», которых в действительности нет и поныне. Указ откровенно провокационно объявлял, что районы прежнего места жительства российских немцев заселены, хотя это и сегодня далеко не так (прежде всего применительно к Поволжью). В итоге российским немцам пообещали вместо решения их основных проблем «и впредь оказывать помощь и содействие» в местах выселения.

2.5.5. Несмотря на совершенно неудовлетворительный характер Указа 1964 года, группы активистов из числа российских немцев воспользовались им для постановки важнейших национальных проблем перед руководством страны. В 1965 г. двум сформированным ими делегациям удалось добиться приема у Председателя ПВС СССР А. Микояна. Делегаты, ссылаясь на официальное признание полной несостоятельности единственной причины, которой мотивировались депортация российских немцев и упразднение их государственности, а также на восстановление автономий остальных репрессированных народов, заручившись подписями тысяч своих соплеменников, заявили о безусловной необходимости воссоздания Республики на Волге для обеспечения этнического самосохранения и свободного развития своего народа. Они встретили лишь полное непонимание и «аргументы» в духе Указа 1964 года. Более того, власти подвергли многих активистов зарождающегося национального движения преследованиям и репрессиям, воспрепятствовав деятельности в Москве делегаций российских немцев в 1967 и 1972 гг. Следующая подобная делегация появилась в столице лишь в 1988 г.

2.5.6. В так называемые «застойные» времена появилось всего несколько правовых актов по проблемам репрессированных народов. Наиболее показательный из них – Постановление Политбюро ЦК КПСС от 26 октября 1972 г. № П65/XI *«Об отдельных категориях граждан, переселенных в прошлом из мест их проживания в другие районы СССР»*. Этот документ недвусмысленно свидетельствует, что брежневское руководство считалось с реальным положением и нуждами депортированных народов еще меньше хрущевского, пытаясь «решать» их проблемы главным образом репрессивно-пропагандистскими методами. Постановление обязало соответствующие партийные органы «и впредь проводить необходимую работу по закреплению постоянного проживания» в местах депортации российских немцев, крымских татар, турок-месхетинцев и других народов, так и не возвращенных в регионы исконного расселения. Возвращение представителей этих народов допускалось лишь в индивидуальном порядке, в рамках так называемого оргнабора рабочей силы. Взамен было предложено поощрять наиболее послушных изгнанников, выдвигая их на руководящие должности. С остальными Постановление предписало не церемониться, обратив особое внимание «на необходимость усиления борьбы с проявлением национальной ограниченности, попытками отдельных лиц из числа так называемых «автономистов» разжечь националистические настроения, склонить граждан отдельных национальностей к массовому выезду в районы прежнего жительства». В этой связи Политбюро обязало МВД, КГБ и Прокуратуру СССР «усилить работу по своевременному предупреждению и пресечению противозаконных и антиобщественных действий со стороны отдельных националистически настроенных элементов». Следствием этой директивы явились, в частности, многочисленные аресты активистов из числа российских немцев в 70-х годах. Однако Постановление принесло и другой результат: 3 ноября 1972 г. по указке из ЦК появился не предназначенный для печати Указ ПВС СССР № 3521-VIII *«О снятии ограничения в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан»* [19, с. 28-29]. В нем фарисейски объявлялось, что ограничения подобного рода, продленные Указом ПВС СССР от 13.12.1955 г., с российских немцев сняты, и они могут поселяться на всей территории СССР на общих основаниях. Несмотря на все препоны, чинимые властями, этот акт вызвал некоторый приток немецкого населения в регионы довоенного проживания. Но он, конечно, не мог иметь более серьезных последствий, поскольку основные проблемы российских немцев оставались нерешенными. А 9 января 1974 г. по Указу ПВС СССР № 533-VIII были признаны утратившими силу ст. 2 Указа от 13.07.1954 г. (см. 2.5.1) и ст. 2 Указа от 13.12.1955 г. (см. 2.5.3), категорически запрещавшие российским немцам возвращаться в места прежнего проживания.

2.5.7. По информации бывшего высокопоставленного сотрудника КГБ СССР А. Кичихина, в 70-х годах партийное руководство пыталось вдохнуть жизнь в процесс реабилитации российских немцев. 26 июня 1974 г. принимается Постановление Секретариата ЦК КПСС № СТ-129/4с-ОП *«О мерах по улучшению работы среди граждан СССР немецкой национальности»*. В 1976-79 гг. вопрос о государственности немцев в СССР изучался специальной комиссией ЦК КПСС, а 6 августа 1976 г. было принято даже Постановление Политбюро ЦК КПСС № П21/2 *«О восстановлении автономии советских немцев»*. Не зная результатов деятельности комиссии и текста данного Постановления,

трудно судить о возможных последствиях этих акций. Известно, однако, что вскоре партийное руководство обратило свои взоры на совсем иной аспект проблемы российских немцев.

2.5.8. В августе 1978 г. группа ответственных работников ЦК КПСС во главе с Ю. Андроповым направила в ЦК записку *«Об образовании Немецкой автономной области»* [8, с. 190-192]. Хотя в этом документе имеется ссылка на упомянутое решение Политбюро от 6.08.1976 г., речь здесь идет не о восстановлении автономии в Поволжье, а о создании совершенно нового образования – Немецкой автономной области на севере Казахстана. В записке особо отмечается, что ЦК Компартии Казахстана во главе с Д, Кунаевым отнесся к этой экстравагантной идее положительно. Авторы доходят до полного абсурда, пытаясь «доказать», что немецкое население не имеет в Поволжье … «исторических корней», тогда как в Казахстане, якобы, налицо все условия для создания автономии. Приводимые ими же данные убедительно опровергают этот тезис. Автономию предлагалось создать на территории 5 районов 4-х областей Казахстана с населением 202 тыс. человек, из которых немцы составляли лишь 30 тыс., т.е. менее 15%. Предложенный вариант выглядел тем более нелепым, если учесть, что к этому моменту приток немецкого населения в Казахстан давно уже прекратился, в то время как все больше немцев возвращалось на Волгу. Тем не менее, 31 мая 1979 г. было принято Постановление Политбюро ЦК КПСС № 131 *«Об образовании Немецкой автономной области в составе Казахской ССР»* [8, с. 195], подкрепленное проектами всех необходимых законодательных актов. Однако в июне 1979 г. в Целиноградской (ныне Акмолинской) области имели место выступления казахского населения против создания автономии, явно инспирированные местной верхушкой, и произошло невиданное – вопреки всем советским канонам решение, принятое в Кремле, было отменено из-за протестов никому не известных демонстрантов. Власти СССР в очередной раз продемонстрировали, что, когда речь идет о нуждах немецкого населения, для них не существует писаных и неписаных законов. Закономерным итогом «застойного» нормотворчества по проблемам российских немцев можно считать Постановление Политбюро ЦК КПСС от 28 декабря 1984 г. № П189/31 *«О мерах по противодействию пропагандистской кампании на Западе вокруг вопроса о положении граждан немецкой национальности в СССР»*, принятое на основе соответствующей записки КГБ [8, с. 199-200].

2.5.9. Отмеченная нигилистическая «традиция» продолжала действовать и в перестроечные времена. По информации того же А. Кичихина, летом 1987 г. уже подготовленный Указ о восстановлении немецкой автономии на Волге не был подписан из-за … массовых выступлений в Москве крымских татар, требовавших восстановления своих национальных прав. Власти, якобы, дали задний ход, не рискуя создавать опасного прецедента. Тем временем в 1988 г. в Москве впервые за многие годы побывали 3 представительные делегации российских немцев. Партийное руководство отреагировало Постановлением Политбюро ЦК КПСС от 27 июня 1988 г. № 128-35 *«Об активизации интернациональной работы среди российских немцев»*. Не добившись встречи с высшими руководителями страны с целью довести до них мнение немецкого населения о безусловной необходимости безотлагательного восстановления Республики на Волге, делегаты, однако, подготовили создание Всесоюзного общественно-политического и культурно-просветительского общества советских немцев (ВОСН) «Возрождение»,

образованного на Учредительной конференции в Москве 29-31 марта 1989 г. Это событие, наряду с зарождением других национальных движений, подтолкнуло руководство СССР к попытке реанимировать давно пресеченный, но далеко не завершенный процесс реабилитации репрессированных народов. В ответ на решения Учредительной конференции ВОСН «Возрождение» и многочисленные обращения граждан немецкой национальности ряд ответственных работников ЦК КПСС предложили 6 мая 1989 г. образовать специальную парламентскую комиссию «для всестороннего изучения данного вопроса». Вскоре была создана Комиссия по проблемам советских немцев Совета Национальностей Верховного Совета (ВС) СССР во главе с народным депутатом СССР Г. Киселёвым. В ее состав вошел и Председатель ВОСН Г. Гроут. После основательного изучения проблемы, посещения Поволжья, Казахстана и Западной Сибири комиссия представила в ноябре 1989 г. *«Предложения о первоочередных мерах по решению проблем советских немцев»*. В этом документе предлагалось принять специальное Постановление ВС СССР, признав принципиальную необходимость восстановления немецкой автономии и одновременно сформировав Государственную комиссию для выработки Комплексной программы воссоздания Республики на Волге.

2.5.10. Параллельно развернулась соответствующая законотворческая деятельность. 14 ноября 1989 г. была принята Декларация ВС СССР *«О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав»* [19, с. 128-129]. В этом документе выселение немцев и других народов СССР названо «варварскими акциями сталинского режима». ВС СССР безоговорочно осудил практику насильственного переселения целых народов как «тяжелейшее преступление, противоречащее основам международного права» и счел необходимым «принять соответствующие законодательные меры для безусловного восстановления прав всех советских народов, подвергшихся репрессиям». В развитие положений Декларации было принято Постановление ВС СССР от 28 ноября 1989 г. *«О выводах и предложениях комиссий по проблемам советских немцев и крымско-татарского народа»* [19, с. 131]. Союзный парламент, в частности, согласился с выводами и предложениями комиссии под руководством Г. Киселёва, поручив Совмину СССР образовать государственную комиссию «для решения практических вопросов, связанных с восстановлением прав советских немцев». На основе данного акта 21 декабря 1989 г. принимается Постановление СМ СССР № 1117 *«Об образовании Комиссии по организации выполнения постановления Верховного Совета СССР <О выводах и предложениях комиссий по проблемам советских немцев и крымско-татарского народа>»* [19, с. 131-132]. Была создана соответствующая Комиссия во главе с Первым заместителем Председателя СМ СССР Л. Ворониным, которой поручалось совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами представить в 10-дневный срок в СМ СССР «предложения об образовании государственных комиссий и других первоочередных мерах по решению практических вопросов, связанных с восстановлением прав советских немцев и крымско-татарского народа». Наконец, 29 января 1990 г. было принято Постановление СМ СССР № 90 *«Об образовании Государственной комиссии по проблемам советских немцев»* [19, с. 132-133]. В Госкомиссию под руководством заместителя Председателя СМ ССС В. Гусева (в прошлом – первого секретаря Саратовского обкома КПСС и деятельного противника немецкой автономии на Волге,

впоследствии депутата Госдумы РФ в составе фракции ЛДПР) вошло несколько руководителей ВОСН и известных лиц из числа российских немцев.

2.5.11. Трудно сказать, как сложился бы дальнейший процесс реабилитации российских немцев, не вмешайся в дело партийные органы. 16 мая 1990 г. в ЦК КПСС была направлена записка А. Гиренко, Г. Усманова, Р. Нишанова и В. Гусева *«О некоторых предложениях по решению проблемы советских немцев»* [8, с. 302-304]. Сославшись на изучение обстановки на местах, проведенное Госкомиссией с участием народных депутатов СССР и ответственных работников ЦК КПСС, авторы утверждали, что «в настоящее время» решить задачу восстановления автономии в Поволжье так, «как это предполагалось Постановлением ВС СССР от 28 ноября 1989 г., практически невозможно». Следует отметить, что сама Госкомиссия не уполномочивала своего председателя и других высокопоставленных авторов выступать со столь далеко идущими выводами. В протоколе № 3 заседания Госкомиссии от 6 апреля 1990 г. констатировано лишь «серьезное осложнение практического решения этих вопросов в современных условиях» [8, с. 297]. Предварительно не обсуждалось Госкомиссией и основное предложение авторов записки – «провести съезд представителей немецкого народа, на котором образовать внетерриториальную ассоциацию как новую форму национальной консолидации и самоуправления». При полном отсутствии соответствующей юридической базы «ассоциацию» предлагалось наделить – ни много ни мало – «правами автономной республики» по широкому кругу национальных проблем. Было признано, что с этой целью «потребуются изменения в Конституции СССР». Хотя «ассоциация» могла бы, по мнению авторов, «также содействовать через свои центральные органы решению вопроса о создании автономии советских немцев», было очевидно, что эта надуманная и совершенно бесперспективная конструкция предлагается в противовес воссозданию Республики на Волге. Постановление ЦК КПСС от 23 июня 1990 г. № 187-54 [8, с. 311] выразило согласие с предложениями авторов записки, передав ее в ВС и СМ СССР. Таким образом, руководство КПСС в очередной раз заводило проблему российских немцев в тупик.

2.5.12. Тем не менее, деструктивные «идеи» партийных органов нашли поддержку в совместном решении Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Совета Национальностей ВС СССР и Госкомиссии от 16 июля 1990 г. *«О подготовке и проведении съезда советских немцев»* [8, с. 319-320]. Данные структуры сочли целесообразным провести съезд уже в 1990 г. «для образования Всесоюзной ассоциации советских немцев и формирования ее руководящих органов». Был создан оргкомитет по подготовке и проведению съезда во главе с акад. Б. Раушенбахом и с участием руководителей ВОСН, приступивший к работе 11 августа. 18 августа 1990 г. III (чрезвычайная) конференция ВОСН «Возрождение» дополнительно выдвинула в состав оргкомитета ряд активистов ВОСН с тем, чтобы в этом органе была должным образом учтена позиция единственного общенационального объединения. Постановление СМ СССР от 24 ноября 1990 г. № 1184 *«О подготовке и проведении съезда советских немцев»* [19, с. 146-147] определило точное время и место проведения съезда – март 1991 г., Москва. Поскольку руководство оргкомитета не пожелало считаться с позицией III конференции ВОСН, продолжая игнорировать узловую проблему восстановления АССР НП и настаивать на избрании на съезде некоего неконституционного национального

«правительства» без территории, несколько руководителей и активистов «Возрождения» были вынуждены в январе-мае 1991 г. выйти из состава оргкомитета. Убедившись в тщетности надежд на одобрение делегатами будущего съезда идеи «ассоциации», встретившей чрезвычайно негативное отношение среди российских немцев, Р. Нишанов, А. Гиренко и В. Гусев 15 февраля 1991 г. направили наверх новую записку *«О ситуации вокруг проблем советских немцев»* – на сей раз лично М. Горбачёву [8, с. 354-355]. В ней сообщалось о решении провести в феврале 1991 г. совместное заседание Комиссии Совета Национальностей и Госкомиссии, чтобы «наметить меры, способные повернуть ситуацию к конструктивному развитию». Конкретно предлагалось организовать до съезда прием Президентом СССР «делегатов советских немцев», отменить к съезду дискриминационные законодательные акты и даже включить в союзный бюджет на 1991 г. расходы на содержание руководящего органа «ассоциации». Из предложенных мер была своевременно реализована только одна – 7 марта 1991 г., накануне официально установленного срока съезда, принято Постановление ВС СССР *«Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года <О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав>»* [19, с. 147-150].

2.5.13. В. Гусев, один из авторов записки, не мог не сознавать, что сама по себе отмена 4-х дискриминационных актов по российским немцам (Указов ПВС СССР от 28.08.1941 г., 7.09.1941 г., 29.08.1964 г., а также ст. 2 Указа от 13.12.1955 г.) не способна сколько-нибудь заметно повлиять на позицию делегатов и ход съезда. Видимо, он именно поэтому в тот же день, 7 марта 1991 г., решился на беспрецедентный шаг, сообщив на места о «переносе» съезда. Разумеется, ни Госкомиссия, ни ее председатель (даже будучи в чине вице-премьера) не имели ни малейшего права отменять или «поправлять» Постановление СМ СССР, предусматривавшее проведение съезда именно в марте 1991 г. Тем не менее, официальный оргкомитет по существу санкционировал эту вопиюще противоправную и бесцеремонную акцию. В данной ситуации Правлению ВОСН – организации, чьи члены составляли огромное большинство делегатов, – ничего не оставалось, как сформировать новый оргкомитет и провести съезд в намеченные сроки собственными силами. Несмотря на все помехи, чинимые В. Гусевым и его подручными, на съезде присутствовало более половины избранных делегатов. Следовательно, он был правомочным съездом, с каким бы усердием его противники ни утверждали обратное. Чрезвычайный съезд немцев СССР, прошедший в Москве 12-15 марта 1991 г., выразив недоверие Госкомиссии и официальному оргкомитету, принял Декларацию, где заявлялось об антиконституционном характере упразднения АССР НП, продолжении ее существования де-юре и необходимости безотлагательного восстановления де-факто. Для содействия в решении этой задачи съезд избрал первый в истории российских немцев национальный представительный орган – *Временный Совет по восстановлению АССР НП*.

2.5.14. По следам этих бурных событий появились еще 2 документа, продолжавших процесс реабилитации репрессированных народов и отмены принятых против них дискриминационных актов. 26 марта 1991 г. последовало Распоряжение Кабинета Министров (КМ) СССР № 225р [19, с. 150-151]. Оно поручало соответствующим

министерствам и ведомствам снять грифы «Не для печати» и секретности с подобных актов Правительства СССР, подготовить и внести в КМ СССР предложения об отмене решений ГКО и Правительства СССР по данным вопросам, отменить соответствующие нормативные акты и инструкции союзных министерств и ведомств, принять необходимые меры по практическому восстановлению прав репрессированных народов, включая предоставление льгот трудармейцам, подготовить предложения о выплате «по мере создания экономических и социальных условий» материальной компенсации лицам, подвергшимся насильственному переселению. А 6 июня 1991 г. было издано не раз упомянутое нами Постановление КМ СССР № 336 *«Об отмене постановлений бывшего ГКО СССР и решений Правительства СССР в отношении советских народов, подвергшихся репрессиям и насильственному переселению»* [19, с. 151-154]. Оно отменило 47 подобных актов, не менее половины из которых имели прямое отношение к российским немцам. К сожалению, этот необходимый процесс не был доведен до конца, хотя, как неоднократно отмечалось, он затронул отнюдь не все соответствующие акты. На первый взгляд, данная проблема снята в РФ Законом «О реабилитации репрессированных народов», который провозгласил отмену всех незаконных актов, принятых в отношении репрессированных народов. Но и эта огульная, хотя и гуманная декларация не избавляет Россию, как правопреемницу СССР, от обязанности обнародовать все без исключения подобные акты, не говоря уже о преодолении их последствий.

2.5.15. 21 июня 1991 г., в канун 50-летия начала войны, был, наконец, подписан и Указ Президента СССР *«О награждении медалью <За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.> граждан СССР, мобилизованных в рабочие колонны»* [8, с. 386-387]. Принятия соответствующего документа давно добивалось «Возрождение», его содержание обсуждалось на заседаниях Госкомиссии еще 6 апреля и 25 июня 1990 г. Результат вызвал у немногих оставшихся трудармейцев горькое разочарование, а то и негодование. Мало того, что Указ кощунственно предписывал «наградить» узников «рабочих колонн» медалью с изображением творца геноцида. Иначе, как издевательство, нельзя было расценить и содержавшееся в нем требование о предъявлении претендентами на медали документов, подтверждающих их «добросовестный труд в рабочих колоннах». Авторы Указа не могли не знать, что в трудармии, как и в любых концлагерях, подобные документы, как правило, не выдавались. Указ поручал предоставить награжденным льготы, «предусмотренные для граждан, удостоенных государственных наград за самоотверженный труд и безупречную воинскую службу в тылу» в годы войны. Между тем, зная, насколько мизерны подобные «льготы», ВОСН с самого начала добивалось приравнивания трудармейцев по статусу к участникам войны, исходя, в частности, из того, что смертность в трудармейских лагерях была едва ли ниже, чем на фронте. Однако руководство СССР вновь продемонстрировало полную глухоту к важнейшим проблемам российских немцев.

2.5.16. Его активность проявлялась в совсем иных направлениях. Нагляднейший (и последний) пример – создание так называемого Комитета по проблемам советских немцев при КМ СССР, модифицированного варианта пресловутой «ассоциации». В отличие от нее, Комитет должен был формироваться чисто аппаратным путем, а не избираться на съезде. Очевидно, энтузиасты «ассоциации» убедились в невозможности переломить в свою пользу позицию делегатов. Идея Комитета была поддержана М. Горбачёвым на

встрече в Кремле с членами обанкротившегося официального оргкомитета съезда 7 мая 1991 г. По следам этого давно обещанного рандеву проявили заботу о химеричной структуре всё те же Р. Нишанов, А. Гиренко и В. Гусев в очередной записке, адресованной Президенту СССР [8, с. 377-378]. На сей раз оперативность властей оказалась совсем иной, чем, к примеру, в проблематике трудармейцев. Уже 2 августа 1991 г. появилось Постановление КМ СССР № 565 *«О Комитете по проблемам советских немцев»* [19, с. 154-155]. В этом акте подробно расписаны функции, формы деятельности, численность и даже способ финансирования будущего органа. И это в то время, когда куда более серьезные союзные структуры уже фактически потеряли власть над регионами! Очевидно, профессиональным слепцам из числа инициаторов и авторов этого Постановления не приходило в голову, что СССР, как и всем его органам власти, осталось существовать считанные месяцы. Между тем государство, с самого начала бесстрастно обрекавшее на гибель своих граждан и целые народы, не могла не постигнуть та же самая участь.

2.6. ПОПЫТКИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В РЕСПУБЛИКАХ И ГОСУДАРСТВАХ-НАСЛЕДНИКАХ СССР (1990-96 гг.)

2.6.1. Среди всех республик, а затем государств-наследников СССР правовые акты по проблемам, касающимся российских немцев, принимала почти исключительно Россия. Тем не менее, для полноты картины мы охарактеризуем и некоторые из немногих документов, изданных на этот счет в других странах СНГ. Примечательно, что именно в России появился первый подобный акт – Постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 11 декабря 1990 г. № 2013-1 *«О жертвах политических репрессий в РСФСР»*. Постановление предлагало «разработать и принять законодательные акты о полном восстановлении прав репрессированных народов и граждан РСФСР», а также «обратиться к Верховным Советам союзных республик для совместного решения проблем репрессированных народов». Вскоре в России принимается и первый акт, посвященный собственно российским немцам и появившийся по инициативе полномочного представительного органа – Временного Совета по восстановлению АССР НП, – Постановление Президиума ВС РСФСР от 22 апреля 1991 г. № 1049-1 *«О неотложных мерах по урегулированию проблем советских немцев на территории РСФСР»* [19, с. 160-162]. В соответствии с Постановлением была образована Комиссия Президиума ВС РСФСР по проблемам советских немцев во главе с народным депутатом РСФСР А. Биром. В нее вошло равное число народных депутатов РСФСР и членов Временного Совета. Комиссии поручалось до 20 мая 1991 г. разработать и представить на рассмотрение ВС РСФСР Концепцию социально-экономической и политической программы по восстановлению государственности советских немцев на территории СССР. Временный Совет подал в срок соответствующий проект, однако деятельность комиссии закончилась, так и не успев начаться. 3 июня 1991 г. появилось Постановление Президиума ВС РСФСР № 1360-1 *«О комиссиях для подготовки предложений по реализации Закона РСФСР <О реабилитации репрессированных народов> в республиках и областях РСФСР»* [19, с. 163-172]. Согласно этому акту Постановление от 22.04.1991 г. объявлялось утратившим силу и взамен создавалась Комиссия СМ РСФСР для подготовки предложений по реализации Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» по немцам Поволжья во главе с председателем Госкомнаца РСФСР Л. Прокопьевым.

2.6.2. Закон РСФСР *«О реабилитации репрессированных народов»* от 26 апреля 1991 г. [19, с. 156-158] явился для российских немцев, без сомнения, самым значимым решением властей в течение последних десятилетий. Признав репрессивные акты против ряда народов СССР незаконными и преступными, этот закон впервые четко очертил сам термин «репрессированные народы», понятие реабилитации применительно к ним и ее формы. В законе выделены: территориальная реабилитация (восстановление национально-территориальных границ, существовавших до их антиконституционного насильственного изменения), политическая реабилитация (восстановление незаконно упраздненных национально-государственных образований), возмещение ущерба, причиненного репрессированным народам и их отдельным гражданам, социальная реабилитация (пенсионные льготы в связи с пребыванием в местах ссылки), культурная реабилитация (восстановление духовного наследия и удовлетворение культурных потребностей репрессированных народов, признание за ними права на возвращение населенным пунктам и местностям незаконно отторгнутых исторических названий). Закон признал все акты союзных, республиканских, местных органов и должностных лиц, принятые в отношении репрессированных народов, за исключением актов, восстанавливающих их права, неконституционными и утратившими силу. Особенности применения Закона о реабилитации по отношению к отдельным народом должны были регулироваться дополнительными законодательными актами.

2.6.3. Нельзя не признать, что в законе, принятом в спешке, незадолго до президентских выборов, имелся целый ряд недочетов и недомолвок. Во-первых, это касалось территориальной реабилитации, осуществляемой, согласно закону, на основе волеизъявления самих репрессированных народов (ст. 6). Неясно, как было совместить данный пункт с тогдашним законодательством, прежде всего с положениями Конституций СССР и РСФСР о невозможности изменения границ национальных автономий без их согласия. (Территории, отторгнутые у репрессированных народов, нередко находятся в пределах соседних автономных образований.) Во-вторых, аналогичная проблема возникала по поводу политической реабилитации. Фраза о том, что она осуществляется «на основе законодательного регулирования межнациональных отношений» (ст. 5), мало что проясняла. В-третьих, не были установлены требуемые формы волеизъявления репрессированных народов. В-четвертых, осталось неясным положение о привлечении к ответственности «в установленном законом порядке» за агитацию и пропаганду с целью воспрепятствования реабилитации репрессированных народов, а также за подстрекательство к подобным действиям (ст. 4). Ни один действовавший в то время (как и сегодня) законодательный акт меру такой ответственности не устанавливает. Сказанное, однако, ни в коей мере не означает обоснованности ходячей, но совершенно бессодержательной фразы: дескать, закон не действует и не может действовать, поскольку в нем отсутствует механизм реализации. Сторонники этого тезиса (в большинстве своем достаточно высокопоставленные и компетентные лица) не могут не знать, что далеко не каждый закон детально регламентирует порядок своей реализации. В данном случае, как это нередко практикуется, соответствующий механизм должен был разрабатываться отдельно. И если это не было сделано, то отнюдь не по вине авторов закона или принявших его законодателей.

2.6.4. Такая задача, как и целый ряд других, ставилась в Постановлении ВС РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1108-1 *«О порядке введения в действие Закона РСФСР <О реабилитации репрессированных народов>»* [19, с. 158-160], принятом одновременно с самим законом. Пункт 2 этого акта гласил: «Впредь до приведения законодательства РСФСР в соответствие с Законом «О реабилитации репрессированных народов» действующие акты законодательства РСФСР и республик, входящих в состав Российской Федерации, применяются, поскольку они не противоречат этому Закону». Правда, и данное положение не могло устранить вышеизложенной дилеммы, поскольку не касалось Конституции и законов СССР. Важнейшим пунктом Постановления был, однако, без сомнения п.3, согласно которому Совмину РСФСР поручалось «организовать до конца 1991 года практическое восстановление законных прав каждого репрессированного народа и принятие соответствующих актов», предусматривающих отмену репрессивных актов Правительства, министерств и ведомств РСФСР, принятых в отношении безвинно пострадавших народов; предложения об отмене подобных союзных актов; «восстановление территориальной целостности национально-государственных образований и административно-территориальных границ, существовавших до их насильственного антиконституционного изменения»; осуществление культурной реабилитации репрессированных народов. Далее, уже к 21 мая 1991 г. предусматривалось привести в соответствие с данным законом решения Правительства РСФСР, а до 1 июля 1991 г. – представить соответствующие предложения по законодательным актам РСФСР. Кроме того, Совету Национальностей ВС РСФСР поручалось разработать «положение о статусе национально-культурной автономии, защищающее права национальных меньшинств на восстанавливаемых территориях». Во исполнение данного Постановления было издано соответствующее Распоряжение СМ РСФСР № 468-р от 17 мая 1991 г. [19, с. 162-163]. В частности, разработку конкретных мер по политической и территориальной реабилитации репрессированных народов поручалось осуществить до 1 сентября 1991 г. Госкомнацу, Минюсту, Госкомэкономике, Госкомзему РСФСР. Все эти акции, вместе взятые, и означали бы выработку пресловутого «механизма реализации».

2.6.5. Указанные сроки давно миновали, но, к несчастью для российских немцев, важнейшие положения данных исполнительных актов и самого Закона о реабилитации всё еще остаются на бумаге. Одна из причин лежит на поверхности: созданные по указанному Постановлению Президиума ВС РСФСР от 3.06.1991 г. (см. 2.6.1) правительственные комиссии, которым должна была принадлежать ведущая роль в подготовке предложений «по практическому восстановлению законных прав репрессированных народов», функционировали совершенно неудовлетворительно. Так, комиссия по немцам Поволжья не провела ни единого кворумного заседания, ее членов из числа представителей Временного Совета по восстановлению АССР НП неизменно извещали о них в самый последний момент. В комиссию были представлены две концепции решения проблем российских немцев на территории РСФСР: одна – Временным Советом, другая – председателем комиссии Л. Прокопьевым и тремя другими ее членами. При этом последний документ практически не имел отношения к Закону о реабилитации и предусматривал – ни много ни мало – организовать массовое переселение немцев в Поволжье еще до восстановления АССР НП. Обсуждение представленных проектов так и не состоялось. Убедившись, что навязать всему составу комиссии свою противоправную и

заведомо нереалистичную позицию не удается, Л. Прокопьев уже с июля 1991 г. прекратил проводить ее заседания.

2.6.6. Не увенчалось позитивными результатами и Распоряжение Первого заместителя Председателя ВС РСФСР Р. Хасбулатова от 7 июня 1991 г. *«О создании рабочей группы по подготовке нормативных актов о политической реабилитации насильственно депортированных народов»* [19, с. 173]. Впрочем, неудача этой группы во главе с народным депутатом РСФСР Н. Геном не явилась неожиданностью уже потому, что поставленная перед ней задача – подготовить проект единого нормативного акта о политической реабилитации депортированных народов – была едва ли разрешимой в силу очень разного положения этих народов и к тому же противоречила статье 13 Закона о реабилитации. Обеспокоенность состоянием дел с выполнением закона была впервые официально выражена уже 25 сентября 1991 г. в Постановлении Совета Национальностей ВС РСФСР *«О ходе реализации Закона РСФСР <О реабилитации репрессированных народов>»* [19, с. 174-175]. Отмечались «недостаточная эффективность деятельности комиссий, несвоевременное выполнение поставленных перед ними Верховным Советом РСФСР задач». Постановление потребовало от руководителей комиссий «обеспечить предметное рассмотрение предложений с мест, в т.ч. и с выездом непосредственно в республики, края и области». Применительно к Л. Прокопьеву требование явно запоздало: он уже летом 1991 г. совершил вояж в Поволжье в сопровождении им же подобранных лиц, не сочтя нужным даже проинформировать об этом членов комиссии, представлявших Временный Совет по восстановлению АССР НП.

2.6.7. Фактически блокировав реабилитацию российских немцев, председатель Госкомнаца РСФСР в то же время проявил очевидное стремление к расширению своего ведомства. 15 октября 1991 г. при его активном содействии принимается Постановление СМ РСФСР № 546 *«Об образовании в составе Госкомнаца РСФСР Управления по делам народов, не имеющих национально-государственных образований»* [19, с. 175-176]. Видимо, этот акт готовился в такой спешке, что его авторы не удосужились обратить внимание даже на совершеннейший абсурд в п. 1: орган по решению проблем многих российских народов создавался … «на период до восстановления государственности советских немцев». Более чем примечательно, что в своем пространном выступлении на I съезде немцев СССР (2-й этап) 18 октября 1991 г. Л. Прокопьев не счел нужным хотя бы сообщить сотням легитимно избранных представителей российских немцев о создании органа, призванного сыграть ведущую роль в решении их проблем. Тем более ему не пришло в голову посоветоваться с этим форумом, организованным Правительством РСФСР(!), о кандидатуре руководителя созданного подразделения. Данный вопрос решался столь же келейно, как и все остальные проблемы российских немцев. 30 октября 1991 г. было издано Постановление СМ РСФСР № 570 о назначении на этот пост П. Фалька [8, с. 395].

2.6.8. Тем временем произошло событие, не имевшее прямого отношения к Закону о реабилитации, но при этом весьма знаменательное для российских немцев: через 53 года после ликвидации был воссоздан первый немецкий район. 1 июля 1991 г. принимается Указ ПВС РСФСР № 1507-1 *«Об образовании Немецкого национального района в Алтайском крае»*. В связи с этим районному центру Некрасово было возвращено его

прежнее название – Гальбштадт. 17 февраля 1992 г. принят Указ ПВС РФ № 2368-1 *«Об образовании Азовского немецкого национального района в Омской области»*. Основная правовая проблема национальных районов состоит в том, что до сих пор не определен их статус. Но даже в случае его официального утверждения эти образования могут способствовать лишь решению проблем нескольких десятков тысяч российских немцев, т.е. менее 5% немецкого населения России. В других регионах РФ практически невозможно последовать указанным примерам из-за отсутствия сколько-нибудь компактного и массового проживания немцев. Таким образом, очевидно, что национальные районы при всей их значимости ни в коей мере не могут явиться альтернативой Немецкой республике в Поволжье. Столь же несомненна эфемерность планов объединения небольших районов, подчиненных различным краям и областям и расположенным в сотнях километров друг от друга, в некую новую форму государственности.

2.6.9. 18 октября 1991 г. принимается еще один важный для российских немцев акт – Закон РСФСР *«О реабилитации жертв политических репрессий»* [19, с. 176-183]. Предусмотренные в нем меры распространялись, в частности, на группы населения, которые были по национальному признаку выселены из мест своего проживания, направлены на спецпоселение и привлечены к принудительному труду, в т.ч. в «рабочих колоннах НКВД». Помимо того, пострадавшими от политических репрессий признавались дети, находившиеся вместе с родителями на спецпоселении или подвергавшиеся другим ограничениям в правах и свободах в связи с репрессированием родителей. Этим критериям соответствовало практически все старшее поколение российских немцев. Авторские коллективы, похоже, работали над пересекающимися по содержанию законами «О реабилитации репрессированных народов» и «О реабилитации жертв политических репрессий» независимо друг от друга. В результате законы плохо «стыковались», и впоследствии пришлось вносить коррективы и в тот, и в другой. Второй закон претерпел гораздо больше изменений – не потому, что был хуже проработан, а поскольку его реализация продвинулась гораздо дальше, и при этом возникали все новые вопросы и недоразумения.

2.6.10. Данный закон предусматривал подачу заинтересованными лицами или организациями заявлений о реабилитации, подлежащих рассмотрению в трехмесячный срок. В случае удовлетворения ходатайства органы внутренних дел должны были выдавать заявителю справку о реабилитации. Реабилитированным лицам и их наследникам предоставлялось право на ознакомление с материалами прекращенных дел и получение копий соответствующих документов. Ст. 16 закона признавала за всеми реабилитированными, имеющими инвалидность или являющимися пенсионерами, право на ряд льгот: первоочередное получение путевок для санаторно-курортного лечения и отдыха, внеочередную медицинскую помощь и снижение стоимости лекарств по рецепту на 50%, бесплатный проезд на городском транспорте и автомобильном транспорте общего пользования в сельской местности, льготный проезд раз в год на междугородном транспорте, снижение платы за жилплощадь и коммунальные услуги на 50%, первоочередную установку телефона, льготное обеспечение протезно-ортопедическими изделиями, продовольственными и промышленными товарами и др. Постановление ВС РСФСР от 18 октября 1991 г. № 1762-1 *«О порядке введения в действие Закона РСФСР*

<О реабилитации жертв политических репрессий>» [19, с. 184] определяло, что ст. 15 и 16 закона, предусматривающие льготы для реабилитированных, вводятся в действие с 1 декабря 1991 г. Согласно Постановлению ВС РСФСР от 18 октября 1991 г. № 1763/1-1 *«Об установлении Дня памяти жертв политических репрессий»* [19, с. 185] ежегодный День памяти приурочивался к 30 октября.

2.6.11. Постановление Правительства РФ от 16 марта 1992 г. № 160 *«О порядке выплаты денежной компенсации и предоставлении льгот лицам, реабилитированным в соответствии с Законом РСФСР <О реабилитации жертв политических репрессий>»* [19, с. 201-202] установило, что лицам, имеющим право на льготы в соответствии со ст. 16 Закона, выдается специальное свидетельство. Постановление Президиума ВС РФ от 30 марта 1992 г. № 2610-1 [19, с. 203] утвердило *«Положение о комиссиях по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий»*. Подобные Комиссии было рекомендовано создать на различных уровнях – от республик до городов и районов. В Комиссии включались народные депутаты, работники исполнительных органов власти соответствующего уровня, финансовых органов, органов социальной защиты населения, а также правоохранительных органов и общественных организаций. Комиссии наделялись функциями контроля за исполнением Закона, содействия в восстановлении прав реабилитированных, координации деятельности по защите интересов и увековечению памяти жертв политических репрессий. 26 июня 1992 г. Закон РФ № 3130-1 [19, с. 185] внес в Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» первое изменение, уточнившее размеры единовременной денежной компенсации для реабилитированных, подвергшихся лишению свободы. Постановление ВС РФ от 26 июня 1992 г. № 3131-1 *«О порядке предоставления льгот реабилитированным лицам, проживающим на территории Российской Федерации»* [19, с. 217-218] предусматривало представление в двухмесячный срок предложений о внесении изменений и дополнений в Закон *«О государственных пенсиях в РСФСР»* для распространения пенсионных льгот на лиц, проживающих в РФ, но репрессированных вне ее территории, а также на лиц, находившихся на спецпоселении или привлекавшихся к принудительному труду в условиях ограничения свободы. Постановление Президиума ВС РФ от 26 октября 1992 г. № 3753/1-1.7 утвердило *«Положение о Комиссии Верховного Совета Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий»*, а также председателя этой Комиссии. Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4185-1 [19, с. 239-241], внеся в Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» очередные коррективы, уточнил, что льготы статьи 16 распространяются на лиц, направленных на спецпоселение, как и на привлеченных к принудительному труду, в т.ч. в «рабочих колоннах НКВД». Закон РФ от 1 июля 1993 г. № 5303-1 [19, с. 254] внес изменения и дополнения в Закон «О реабилитации репрессированных народов». Было подтверждено, что на представителей репрессированных народов распространяются действие Закона «О реабилитации жертв политических репрессий». Предусмотренное в ст. 9 первого из этих законов возмещение ущерба репрессированным народам и отдельным гражданам должно было производиться за вычетом компенсаций и льгот, полученных по второму закону. (В тот момент последний пункт не имел практического значения, поскольку возмещение ущерба по Закону «О реабилитации репрессированных народов» еще не начиналось из-за отсутствия средств.) Закон РФ от 3 сентября 1993 г. № 5698-1 [19, с. 255-263] внес в Закон «О

реабилитации жертв политических репрессий» наиболее существенные изменения. Дополнительно были признаны пострадавшими от политических репрессий дети, оставшиеся в несовершеннолетнем возрасте без попечения одного или обоих репрессированных родителей. Реабилитировались лица, совершившие побег из мест спецпоселения или привлечения к принудительному труду и находившиеся там в связи с политическими репрессиями. Было установлено, что документы о реабилитации или признании лиц пострадавшими от политических репрессий, выданные в странах бывшего СССР и государственными органами СССР, имеют силу в РФ. Расширился перечень льгот по ст. 16 за счет введения бесплатного проезда на пригородном транспорте, снижения на 50% стоимости топлива в домах без центрального отопления, бесплатной установки телефона.

2.6.12. Однако самым значительным новшеством явился, без сомнения, пункт о возмещении репрессированным лицам имущественного ущерба. Эта норма была детально регламентирована в *«Положении о порядке возврата гражданам незаконно конфискованного, изъятого или вышедшего иным путем из владения в связи с политическими репрессиями имущества, возмещения его стоимости или выплаты денежной компенсации»,* утвержденном 12 августа 1994 г. Постановлением Правительства РФ № 926 [19, с. 280-290]. Постановление поручило Минфину РФ «осуществлять начиная с 1994 года финансирование расходов, связанных с возмещением имущественного ущерба жертвам политических репрессий». В Положении особо отмечено, что оно распространяется и на представителей депортированных народов. Право на возмещение ущерба предоставляется – при конфискации имущества на территории РФ – независимо от места репрессий или нынешнего проживания. В случае смерти реабилитированного лица имущественный ущерб возмещается в равных долях его «наследникам по закону первой очереди», т.е. детям, супруге (супругу) и родителям. Как и в Законе от 3.09.1993 г., возмещение ущерба предусматривается в трех формах: возврат конфискованного имущества – если оно сохранилось; возмещение стоимости имущества – если оно сохранилось, но не может быть возвращено, либо если оно не сохранилось, но имеются документы, позволяющие его оценить, либо если сам реабилитированный согласен вместо возврата жилого дома на возмещение его стоимости; выплата денежной компенсации – если конфискация имущества установлена, но нет документов о его характере, состоянии и количестве. С согласия реабилитированных им вместо возврата жилого дома может также в первоочередном порядке предоставляться благоустроенная жилая площадь, либо оказываться помощь в строительстве жилья. При отсутствии документальных сведений факт конфискации может быть установлен в судебном порядке. (Этот пункт особенно актуален для депортированных российских немцев, подавляющая часть которых находится именно в такой ситуации.) Заявление о возмещении имущественного ущерба надлежало подавать по месту нахождения или реализации имущества в течение трех лет после 1.12.1991 г., а в случае более поздней реабилитации – не позднее 3-х лет после получения соответствующего документа. Срок рассмотрения заявления комиссией по реабилитации не должен превышать 6 месяцев, а срок исполнения решения о возврате имущества – одного года. К сожалению, остался не вполне ясным вопрос о предельном уровне возмещаемого ущерба. В ст. 18 Закона от 3.09.1993 г. этот пункт сформулирован достаточно четко – «не более 40 установленных

законом минимальных размеров оплаты труда за имущество без жилых домов или 100 (…) минимальных размеров (…) за все имущество, включая жилые дома». В п. 8 Положения эта формула усечена до 40-кратного минимального размера оплаты труда «за имущество, исключая жилые дома», а по п. 9 стоимость жилого дома возмещается «в порядке и размерах, предусмотренных пунктом 8». Представляется, что из этих фраз трудно сделать определенный вывод о том, влияет или не влияет учет стоимости жилья на предельный уровень возмещаемого ущерба.

2.6.13. 3 мая 1994 г. издано Постановление Правительства РФ № 419 *«Об утверждении Положения о порядке предоставления льгот реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий»*. Оно предусмотрело выделение в федеральном бюджете начиная с 1994 г. соответствующих средств и утвердило образец бланка свидетельства о праве на льготы. В утвержденном Положении, основанном на Законе «О реабилитации жертв политических репрессий» со внесенными в него изменениями и дополнениями, перечислены категории лиц, имеющих право на льготы, виды льгот и документы, подтверждающие право на льготы, а также установлен порядок финансирования расходов на предоставление льгот.

2.6.14. 21 февраля 1992 г., незадолго до II съезда немцев бывшего СССР, был подписан Указ Президента РФ № 231 *«О неотложных мерах по реабилитации российских немцев»* [19, с. 197-198]. Этот акт с претенциозным названием должен был, очевидно, продемонстрировать, в т.ч. властям Германии, серьезные намерения руководства новой России в отношении реабилитации российских немцев. Указ ссылается на предложения неких «общественных организаций российских немцев», однако с единственной массовой национальной организацией – Обществом «Видергебурт» («Возрождение») – никто по этому поводу не советовался. Акт, принятый, якобы, в целях реализации Закона «О реабилитации репрессированных народов», в действительности не имел к закону прямого отношения. «Сочтя целесообразным» образование немецкого национального округа в Волгоградской области и национального района в Саратовской области, авторы Указа не могли не знать, что у немцев Поволжья никогда не было подобных образований. Следовательно, этот акт фактически обошел проблему политической реабилитации российских немцев в том смысле, как это предусмотрено в Законе. Не было речи и о территориальной реабилитации, поскольку в Указе ничего не говорилось о границах предполагаемых национальных образований. Вопреки голословному утверждению Указа, их создание не могло считаться первым этапом «поэтапного восстановления государственности российских немцев» – уже потому, что ни авторы, ни их оппоненты совершенно не представляли, каким образом эти образования могли бы в перспективе развиться в государственную структуру, т.е. в немецкую автономную республику. II съезд немцев бывшего СССР, отметив, что Указ № 231 не отвечает конечным целям движения российских немцев, тем не менее счел необходимым использовать все представляющиеся возможности как для восстановления Республики в Поволжье, так и для создания национальных образований в местах нынешнего или будущего компактного проживания российских немцев. В первую очередь имелось в виду, что национальный округ, создание которого было намечено в Волгоградской области, обладал бы большей самостоятельностью, чем район, и, в отличие от него, мог претендовать даже на статус отдельного субъекта Федерации. Однако почти никто из российских немцев не верил, что

власти России, а тем более Поволжья действительно намерены реализовать Указ. Будущее показало, что эти сомнения были более чем основательными. Наряду со сказанным, Указ постановил образовать Российскую часть Межправительственной Российско-Германской комиссии по проблемам российских немцев. Тем самым вопрос о будущем этого народа окончательно переводился в плоскость взаимодействия двух родственных ему государств. 21 марта 1992 г. вышло Постановление Правительства РФ № 187 *«Об образовании Российской части Межправительственной Российско-Германской комиссии»*. По следам Указа появилось и Постановление Правительства РФ от 13 апреля 1992 г. № 240 *«Об организационном комитете для рассмотрения вопросов и подготовки предложений, связанных с образованием немецкого национального округа в Волгоградской области, немецкого национального района в Саратовской области и восстановлением государственности российских немцев»*. Оргкомитет ничуть не продвинул реализацию Указа № 231. Поскольку председателем этого органа был назначен первый заместитель Председателя Госкомнаца РФ, а заместителями председателя – главы администраций Саратовской и Волгоградской областей, в данном случае, по крайней мере, ясно, кто несет персональную ответственность за невыполнение президентского Указа.

2.6.15. Несколько ранее (дата в указанном источнике отсутствует) Распоряжение Правительства РФ [19, с. 195-196] признало, что комиссии Совмина РСФСР по реабилитации репрессированных народов «фактически распались», Вновь создаваемую комиссию по российским немцам поручалось возглавить еще не назначенному новому Председателю Госкомнаца РФ. Координация работы комиссий возлагалась на Вице-Премьера С. Шахрая. Госкомнацу РФ, другим компетентным министерствам и ведомствам было поручено до 13 февраля 1992 г. «разработать концепцию реализации» Закона «О реабилитации репрессированных народов». Тем самым Правительство РФ признало, что так и не справилось с этой своей задачей почти за год со времени вступления Закона в силу. 9 апреля 1992 г. по Распоряжению Правительства РФ № 681-р [8, с. 412-413] создается Комиссия Правительства РФ по проблемам российских немцев во главе с Председателем Госкомнаца В. Тишковым. Его заместителем был назначен первый заместитель Председателя Госкомнаца В. Серяков, который входил в предыдущую комиссию и сообща со своим начальником Л. Прокопьевым сделал все, чтобы она так и не заработала. Немногие проведенные заседания новой комиссии были организованы чуть лучше, чем у ее предшественницы, но эффективность работы от этого нисколько не повысилась. Достаточно отметить, что ни один правовой акт, принятый за недолгое время деятельности комиссии и имевший отношение к российским немцам, на ее заседаниях не обсуждался. Не состоялся и деловой разговор о концепции выполнения Закона «О реабилитации репрессированных народов» применительно к российским немцам. После недолгих и мало содержательных словопрений комиссию постиг уже знакомый бесславный конец – с июля 1992 г. она больше не собиралась.

2.6.16. Тем временем был принят еще один акт, рассчитанный на эффект главным образом в Германии, а не в России, – Указ Президента РФ от 21 мая 1992 г. № 514 *«О создании в Поволжском регионе поселений российских немцев на базе агрокомплексов и гарантиях их социально-экономического развития»* [19, с. 207-208]. Он по существу исходил из хорошо знакомого и заведомо нереалистичного тезиса о возможности массового переселения немцев в Поволжье и создании там компактных немецких

поселений без предварительного решения вопроса о восстановлении государственности. Дело не менялось оттого, что на сей раз было предложено создать эти поселения «на базе фермерских агрокомплексов» и «по совместному российско-германскому проекту, поддержанному Правительством Германии». Указ предвещал последующее формирование в создаваемых поселениях «органов местного самоуправления», иначе говоря – сельских или поселковых Советов. Тем самым решение проблем немецкого населения в Поволжье спускалось еще на один уровень ниже, чем в Указе от 21 февраля 1992 г. Чтобы несколько закамуфлировать этот красноречивый факт, будущим поселениям были обещаны с российской стороны бюджетные ассигнования и таможенные льготы. Поскольку эти льготы, как и следовало ожидать, не могли быть долговечными, а перманентно дефицитный госбюджет не позволял выделять значительные средства на подобные явно неприоритетные цели, предложенная идея не внесла никаких существенных изменений в положение российских немцев на их исконной поволжской земле. Такие меры могли, в лучшем случае, помочь (и отчасти помогли) нескольким сотням немецких переселенцев и беженцев из Казахстана и Средней Азии. Три органа самоуправления, созданные к настоящему времени в поселках с преимущественно немецким населением, ничуть не приблизили создание намеченного национального округа и национального района, не говоря уже о восстановлении немецкой государственности в Поволжье. Вслед за Указом № 514 появилось Постановление Правительства РФ от 29 октября 1992 г. *«О государственной программе создания в Поволжском регионе поселений российских немцев на базе фермерских агрокомплексов»*. Приоритетной целью данной государственной программы было объявлено не решение проблем российских немцев, а «количественное и качественное улучшение обеспечения российского населения продуктами питания». Для этого в Поволжье намечалось создать «600 экономически эффективных и постоянно успешно работающих фермерских хозяйств с участием семей российских немцев». В указанной программе сформулирована и другая задача – «уменьшение числа уезжающих из России немцев». Поскольку из отобранных 600 семей немецкие должны составлять 2/3, то даже при условии своего полного выполнения эта программа может охватить до 1999 г. (намеченный срок завершения ее реализации) не более 1.500-2.000 немцев, т.е. 2-3% общей численности ежегодно выезжающих из РФ в ФРГ. Таким образом, степень потенциальной значимости программы как для сокращения выезда, так и для решения важнейших проблем российских немцев, остающихся в РФ, вполне очевидна.

2.6.17. 10 июня 1992 г. Совет Национальностей ВС РФ издал Постановление № 2955-1, аналогичное принятому этим органом более полугода назад, – *«О работе Правительства РФ по реализации Закона РСФСР <О реабилитации репрессированных народов>»* [19, с. 211-213]. Вновь констатировав неудовлетворительную деятельность соответствующих правительственных комиссий, Совет Национальностей апеллировал на сей раз не только к ним, к образовавшему их Правительству и Советам низших уровней, но и к Президенту, постоянным комитетам и комиссиям ВС РФ, руководителям республик в составе РФ, лидерам национальных движений, средствам массовой информации. Результат, как и прежде, оказался нулевым. Чем, к примеру, могли ответить на это обращение руководители организаций российских немцев, никогда не замеченные в «противоправных призывах и действиях», которые их призвали пресекать? Что же

касается основного требования об активизации работы комиссий, то оно, как отмечалось, было реализовано «с точностью до наоборот».

2.6.18. 23 июня 1992 г. вышел Указ Президента РФ № 658 *«О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека»* [19, с. 216-217]. Указ предусматривал, в частности, рассекречивание законодательных актов, решений правительственных и партийных органов, ведомственных актов о насильственном выселении из мест проживания, направлении на спецпоселение и мобилизации в военизированные трудовые формирования с ограничением свободы, а также снятие ограничительных грифов со сведений о числе лиц, подвергшихся подобным мерам. Указ подлежал реализации в течение 3-х месяцев со дня его подписания.

2.6.19. Не приняв предусмотренных мер по выполнению Закона «О реабилитации репрессированных народов», российские власти уже в конце 1991 г. взяли курс на блокирование реализации ключевых положений Закона – о территориальной и политической реабилитации. Так, стало известно письмо № 1.7-21/27 от 17 декабря 1991 г., направленное по этому поводу в ВС РСФСР Госсекретарем и Первым вице-премьером Г. Бурбулисом, а также соответствующее Решение № 6.1 от 26 декабря 1991 г., принятое Комиссией Совета Национальностей по национально-государственному устройству и межнациональным отношениям. Этим демаршам способствовало то обстоятельство, что предусмотренный в ст. 6 Закона так называемый «переходный период» для осуществления территориальной реабилитации мог устанавливаться «в необходимых случаях», т.е. фактически по произвольным мотивам, не оговоренным в самом Законе. Деструктивные усилия обеих ветвей власти увенчались результатом 3 июля 1992 г., когда был принят Закон РФ № 3198-1 *«Об установлении переходного периода по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации»* [19, с. 218-219]. Сославшись на «законодательное предложение» Президента РФ, Закон установил переходный период до 1 июля 1995 г. Правительственные комиссии обязывались «организовать работу по согласованию территориальных интересов сторон, внести соответствующие предложения по территориальной реабилитации репрессированных народов». Поскольку ничего подобного сделано не было, то по истечении «переходного периода» можно, как и при его установлении, вновь ссылаться на «обострение общественно-политической обстановки и межнациональных отношений», «отсутствие сбалансированных механизмов» и т.п. Впрочем, предпринимаются и более радикальные попытки поставить крест на решении проблем репрессированных народов. По имеющимся сведениям, из Совета Федерации в Государственную Думу направлен законопроект, предусматривающий полную отмену территориальной и политической реабилитации. Принятие подобного закона явилось бы очередным грубым попранием прав безвинно страдающих народов, несовместимым с декларированными в Конституции РФ правами и свободами человека и гражданина.

2.6.20. 2 декабря 1992 г. появилось Распоряжение Правительства РФ № 2218-р [8, с. 426], одобрившее образование в составе Академии народного хозяйства при Правительстве РФ «Российско-немецкой высшей школы управления для подготовки руководящих кадров из числа прежде всего российских немцев». Финансирование школы

должно осуществляться за счет средств, выделяемых Академии из республиканского бюджета РФ.

2.6.21. 15 декабря 1992 г. издан Указ Президента РФ № 1562 *«О создании фонда <Российские немцы>»* [19, с. 232-233]. Отметим, что соответствующие предложения выдвигались *Межгосударственным Советом российских немцев* (общенациональным представительным органом, первоначально называвшимся Временным Советом по восстановлению АССР НП) и Обществом «Видергебурт» с начала 1992 г., после создания аналогичного фонда на Украине. Статус фонда «Российские немцы» охарактеризован в Указе как «государственно-общественный», однако без уточнения смысла этого далеко не традиционного термина. При этом фонду была обещана «государственная доля инвестиций». Задача фонда сформулирована предельно широко и неопределенно – «обеспечение социально-экономического и культурного развития российских немцев, в т.ч. обустройство территорий их компактного проживания». Правительству и Минфину РФ предлагалось рассмотреть вопрос о финансовой поддержке фонда и «обеспечении в 1993 г. деятельности по его организации». Тем не менее, в указанный срок фонд создан не был. 10 августа 1993 г. появилось Постановление Правительства РФ № 787 *«О фонде <Российские немцы>»*, в котором Минюсту предписывалось зарегистрировать фонд, Минфину – рассмотреть вопрос о его финансовой поддержке, Госкоимуществу – решить вопрос о выделении ему помещения, а Госкомнацу – осуществлять контроль за соответствием деятельности фонда его уставным целям и задачам. После таких директив роль общественной составляющей фонда становится еще менее ясной. Если фонд будет неким совещательным органом, сформированным при Миннаце РФ из представителей общественных объединений и национальных образований российских немцев для участия в дележе тех мизерных государственных средств, которые выделяются в России на нужды немецкого населения, то серьезных результатов от его деятельности ожидать не приходится. Она может быть эффективной лишь при наличии перспективной государственной программы решения основных проблем немецкого населения России, одобренной самими российскими немцами. В процессе реализации такой программы фонд «Российские немцы» мог бы сыграть роль государственно-общественной координирующей структуры.

2.6.22. 6 марта 1993 г. появилось Постановление ВС РФ *«О результатах Учредительного съезда немцев России от 27 февраля 1993 года»*. Этот акт был принят по инициативе делегата съезда, народного депутата РФ А. Бира. Постановление поручало Правительству РФ «принять необходимые решения, обеспечивающие представительные и организационные полномочия Совета немцев России», который был избран Учредительным съездом. Никаких конкретных мер в этом отношении до сих пор не принято. Единственное, что было предложено руководством Миннаца РФ, – зарегистрировать СНР в качестве общественного объединения. Собственно говоря, это нетрудно сделать безо всяких Постановлений ВС и решений Правительства, однако СНР ни в коем случае не может пойти на такой шаг. Совет не соответствует статусу общественного объединения уже по формальному критерию – его члены избраны на Съезде немцев России, а не вступили в СНР по своему желанию. Но главное в том, что низведение СНР до уровня обычной общественной организации, которых у российских немцев и без того имеется немало, не может способствовать его эффективной

деятельности в качестве национального представительного органа. Делегаты Учредительного съезда, избранные всем немецким населением РФ, наделили СНР легитимным правом выступать от имени этого населения на любом уровне. Ни одно общественное объединение таких полномочий не имеет и иметь не может – оно вправе представлять только своих членов. Поскольку законодательная власть в лице ВС РФ признала представительный характер СНР, дело за исполнительными органами. Никаких препятствий, мешающих им выполнить данное Постановление, в законодательстве РФ не существует. Не смогли их назвать и те должностные лица, которые уже несколько лет ничего не делают для решения этого сравнительно несложного вопроса.

2.6.23. 22 сентября 1993 г. было подписано Распоряжение Правительства РФ № 1676-р, приравнявшее к гуманитарной помощи в отношении таможенного обложения грузы, безвозмездно направляемые Правительством ФРГ в рамках проектов, которые согласованы с Межправительственной Российско-Германской комиссией и нацелены на обеспечение восстановления государственности российских немцев.

2.6.24. 1 июня 1994 г. принято Постановление Правительства РФ № 616 *«О погребении реабилитированных лиц в случае их смерти за счет государства»*. Постановление определяет, какие виды расходов по погребению реабилитированных лиц, в т.ч. принадлежащих к репрессированным народам, компенсируются тем, кто участвовал в организации погребения. Затраты возмещаются органами социальной защиты населения за счет средств бюджетов субъектов Федерации или местных бюджетов, а затем компенсируются из федерального бюджета.

2.6.25. Анализируя государственные акты России, призванные способствовать реабилитации российских немцев, нельзя не отметить, что в большинстве своем они были приняты в 1991-92 гг. В дальнейшем процесс реабилитации существенно замедлился – и вовсе не потому, что он близок к завершению. Напротив, основные проблемы репрессированного народа, как отмечалось, по-прежнему далеки от правового урегулирования. С другой стороны, принятые акты (не считая Законов «О реабилитации репрессированных народов» и «О реабилитации жертв политических репрессий») являются фрагментарными, касаются немаловажных, но частных вопросов и не позволяют придать процессу реабилитации необходимый системный характер. Таким образом, актуальность принятия отдельного реабилитационного акта по российским немцам, который предусмотрен еще Законом «О реабилитации репрессированных народов», становится все более очевидной. Столь же ясно и другое: будущий закон способен оказать существенное позитивное влияние на положение российских немцев лишь при условии, что он урегулирует все основные формы реабилитации, включая политическую и территориальную. Нельзя считать серьезным аргументом против такого подхода привычные ссылки на сложную ситуацию в России и за ее пределами, якобы, не позволяющую решать подобные проблемы. Напротив, как убедительно доказывает опыт последних лет, именно правовой вакуум является важнейшим фактором обострения межнациональных отношений и общего усугубления положения в стране. При разработке Закона о реабилитации российских немцев необходимо, разумеется, не только исходить из уже принятых реабилитационных актов, но и ориентироваться на то правовое поле, которое создано *Конституцией Российской Федерации* 1993 года.

2.6.26. Преамбула и ст. 5 Конституции РФ закрепляют в качестве основного правового принципа самоопределение народов. Авторы *«Комментария к Конституции Российской Федерации»* отмечают в этой связи: «Данное право является одним из важнейших достижений современной демократии и относится к общепризнанным нормам международного права». Право на самоопределение оправданно, подчеркивают они, когда «граждане не имеют возможности реализовывать свои права и пользоваться свободами, принадлежащими им в соответствии с общепризнанными нормами международного права» [10, с. 22]. Нет сомнения, что российские немцы находятся именно в таком положении. Вследствие насильственного рассеивания по огромной территории, ликвидации большинства компактных поселений, антиконституционного упразднения государственности в Поволжье и множества национальных образований в других регионах, отсутствия собственного субъекта Федерации они полностью или частично лишены возможности использовать важнейшие положения Конституции РФ: государственную гарантию охраны достоинства личности (ст. 21), о чем свидетельствует хотя бы абсолютная безнаказанность разнузданной антинемецкой кампании в Поволжье в 1989-92 гг., право «на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» (ст. 26), право свободного выбора места жительства (ст. 27), свободу вероисповедания (ст. 28), защиту от пропаганды или агитации, возбуждающих национальную или религиозную ненависть и вражду (ст. 29), право «участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей» (ст. 32). Авторы «Комментариев» констатируют, в частности, характеризуя статью 26: «Национальность – явление, определяемое совокупностью ряда факторов, прежде всего языком, приверженностью к традициям и культуре определенного народа. Это самоидентификация человека, связанная с осознанием им принадлежности к тому или иному народу (этносу)» [10, с. 82]. Таким образом, невозможность реализации российскими немцами указанных неотъемлемых прав человека означает непосредственную угрозу их этническому бытию. В этих условиях нет и не может быть оснований отказывать российским немцам в использовании права на самоопределение, в совершении актов свободного волеизъявления, в т.ч. предусмотренных в ст. 6 и 7 Закона «О реабилитации репрессированных народов».

2.6.27. В ст. 65 Конституции РФ перечислены субъекты Российской Федерации, находящиеся в ее составе. Среди них не значится Республика немцев Поволжья, хотя, как указывалось выше (см. 2.4.6), она никогда не была юридически ликвидирована. Авторы «Комментариев» отмечают: «Включение названия субъекта Федерации в эту статью является правовым основанием для использования им своих конституционных прав, таких, например, как право законодательной инициативы, право на вхождение в Совет Федерации двух представителей (см. ст. 95 и 104)» [10, с. 207]. Без включения соответствующего субъекта Федерации в ст. 65 немцы РФ не имеют правовых оснований как для избрания собственных представителей в Совет Федерации (хотя иногда, вопреки Конституции, подобное право предлагается предоставить российским немцам без восстановления АССР НП), так и – в значительной мере – для реализации своих перечисленных конституционных прав. При этом необходимо иметь в виду, что процедура восстановления незаконно упраздненной АССР НП и ее национально-территориальных границ, существовавших до их антиконституционного насильственного

изменения, не имеет отношения к положению ч. 3 ст. 67 Конституции РФ: «Границы между субъектами Российской Федерации могут быть изменены с их взаимного согласия». Авторы «Комментариев» подчеркивают: «Часть 3 ст. 67 Конституции касается порядка изменения границ между субъектами Российской Федерации» [10, с. 213]. В случае же с АССР НП речь идет не об изменении, а о юридическом закреплении границ, законно существовавших вместо нынешних, акт установления которых отменен Постановлением ВС СССР от 7 марта 1991 г. (см. 2.5.12).

2.6.28. Хотя процесс реабилитации репрессированных народов должен опираться на положения Конституции РФ, это вовсе не означает, что конституционные нормы представляют собой готовые решения подобных проблем. Весомым подтверждением данного факта является Указ Президента РФ от 16 сентября 1995 г. № 948 *«О мерах по осуществлению территориальной реабилитации репрессированных народов»*. В преамбуле Указа содержится вполне правомерная ссылка на ст. 80 Конституции РФ, согласно которой Президент является «гарантом прав и свобод человека и гражданина». Авторы «Комментариев» отмечают в данной связи, что эту функцию Президент реализует, в частности, «инициируя законы, издавая указы, направленные на защиту (…) отдельных групп населения, (…) особо нуждающихся в защите со стороны государства» [10, с. 259]. Репрессированные народы, несомненно, относятся к подобным группам. Какие же меры предлагаются для защиты их прав? Указ устанавливает, что впредь до принятия «соответствующих федеральных законов» территориальная реабилитация репрессированных народов будет осуществляться в соответствии с Законом о их реабилитации, «а также с соблюдением порядка и условий», предусмотренных в ч. 2 ст. 65, ч. 3 ст. 67, п. «а» ч. 1 ст. 102 Конституции РФ. Выше было отмечено, что ч. 3 ст. 67 в принципе не может иметь отношения к проблемам реабилитации российских немцев. Часть 2 ст. 65 определяет, что образование в составе РФ нового субъекта «осуществляется в порядке, установленном федеральным конституционным законом». Авторы «Комментариев» считают, что в данном законе должны быть определены соответствующие процедуры и установлены гарантии «соблюдения принципа самоопределения народов» [10, с. 208]. Увы, за 2 года с момента принятия Конституции это так и не было сделано, а содержание принципа самоопределения народов остается настоящим «белым пятном» российского законодательства. Ничего не проясняет и ссылка на ст. 102. В том ее пункте, который упоминается в Указе, констатируется, что к ведению Совета Федерации относится «утверждение изменения границ между субъектами Российской Федерации». Авторы «Комментариев» уточняют, что функции Совета Федерации сводятся в данном случае к «одобрению решения, принятого субъектами Российской Федерации» [10, с. 311]. Что касается российских немцев, то им такая ситуация явно не грозит: субъектов Федерации, которые могли бы инициировать решение о восстановлении АССР НП, в России попросту не существует. Таким образом, обращение Указа к Конституции РФ лишний раз доказывает безусловную необходимость принятия новых правовых актов для решения узловых проблем репрессированных народов. Указ вновь поручает Правительству РФ внести предложения по проведению реабилитации репрессированных народов. Независимо от того, добьется ли, наконец, Президент от Правительства решения этой давно перезревшей задачи, подход к проблемам депортированных народов, заданный в тексте Указа, вызывает, в лучшем

случае, недоумение. При решении вопросов территориальной реабилитации рекомендуется, например, – ни много ни мало – «широко использовать возможности местного самоуправления». Применительно к российским немцам это может реально означать только одно: использование двух национальных районов в Сибири и трех немецких поселений в Поволжье для … восстановления АССР НП. Уже этот более чем странный вывод, думается, показывает, что в данном пункте Указа неправомерно смешаны совершенно различные проблемы.

2.6.29. После многих месяцев затишья в июне 1996 г. была принята целая серия правовых актов по национальной проблематике. 6 июня появился Указ Президента РФ № 811 *«О дополнительных мерах по обеспечению реабилитации российских немцев»*, инициированный Миннацем. Как и в ряде других подобных документов, содержание данного Указа явно расходится с его названием. Вопреки декларированной цели – более полной реализации Закона о реабилитации репрессированных народов – Указ даже не упоминает ни об одном из аспектов реабилитационного процесса и сводит дело к разработке до 1 декабря 1996 г. некой «федеральной целевой программы развития социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев», а также к проблемам финансирования российской части совместных с Германией программ и проектов по российским немцам. Идея разработки государственной программы по российским немцам и придания ей статуса президентской выдвигается СНР не первый год. В этом смысле Указ можно только приветствовать. Тем не менее, многое в его содержании весьма настораживает. Программу предписано разработать в сжатые сроки, для этой цели запрошены миллиардные суммы. Однако ни концепции, ни сколько-нибудь перспективной сквозной идеи у ее потенциальных авторов нет и в помине. Как явствует из Указа, в программе предполагается ограничиться вопросами развития «социально-экономической и культурной базы». Это – не что иное, как очередное проявление давнего стремления руководства Миннаца: любым способом дистанцироваться от решения актуальнейших политико-правовых проблем российских немцев и вместо этого поставить во главу угла финансовые вливания (традиционно скудные и нерегулярные) в считанные оставшиеся места компактного поселения, а еще чаще – в обустройство беженцев и переселенцев. Не отрицая необходимости подобных мер, нельзя не отметить, что они заведомо не могут способствовать решению коренных проблем подавляющего большинства российских немцев. В соответствии с Указом, программу должно утвердить Правительство РФ, но отнюдь не российские немцы. Таким образом, наш народ опять пытаются «облагодетельствовать», позабыв поинтересоваться, чего же желает он сам. И всё это – на фоне откровенно пренебрежительного отношения к настоящей Программе, разработанной и одобренной самими российскими немцами. За 8,5 месяцев после вручения в ноябре 1995 г. ее проекта заказчику коллегия Миннаца, вопреки обещанию, так и не удосужилась его обсудить и выразить на этот счет свое мнение.

2.6.30. 15 июня 1996 г. был принят Указ Президента РФ № 909 *«Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации»*. Несмотря на претенциозное название, в Концепции практически обходятся проблемы, наиболее важные для российских немцев. Заслуживающих упоминания исключений очень немного. Во-первых, «обеспечение политической и правовой защищенности» национальных меньшинств названо в числе узловых национальных проблем, требующих решения. Во-

вторых, заявлено о необходимости принять в приоритетном порядке закон … о реализации Закона о реабилитации репрессированных народов. Неясность конструкции «закон о законе» очевидна. Но куда хуже другое – Концепция исходит из некоего «национально-культурного самоопределения», совершенно неправомерно ограничивая принцип самоопределения народов, декларированный Конституцией РФ. Одной из форм этого надуманного «самоопределения» провозглашена пресловутая «национально-культурная автономия».

2.6.31. Федеральный закон № 74-ФЗ *«О национально-культурной автономии»* был утвержден Президентом РФ почти одновременно с Концепцией – 17 июня 1996 г. За долгое время прохождения через Госдуму законопроект претерпел множество модификаций. Но основная идея Закона осталась неизменной и выражена в ст. 4 вполне определенно: «Право на национально-культурную автономию не является правом на национально-территориальное самоопределение». Таким образом, стремление искусственно выпятить одну из сторон принципа самоопределения в ущерб другим характеризует данный закон точно так же, как и Концепцию государственной национальной политики. В этих целях в Законе сконструирована целая иерархия «национально-культурных автономий» – местных, региональных и федеральных, формируемых снизу вверх. И это притом, что их прерогативы практически идентичны полномочиям общественных объединений, не считая разве что права «получать поддержку» органов власти и местного самоуправления. Взамен властям предоставляется возможность жестко контролировать деятельность «автономий» через систему консультативных советов, высший из которых намечено создать при Правительстве РФ. Этот совет должен состоять из делегированных представителей всех федеральных национально-культурных автономий. Тем не менее, порядок его образования, деятельности и ликвидации будут определять не представленные в нем народы, а исключительно правительство. Вдобавок ко всему центральному консультативному совету предоставлены куда более весомые права, чем самим национально-культурным автономиям, – согласовывать деятельность этих автономий, представлять и защищать культурные и социальные интересы «этнических общностей» в органах власти, участвовать в подготовке соответствующих федеральных программ, проектов нормативных правовых актов и других решений, консультировать правительство и федеральные органы исполнительной власти по национальным проблемам. Однако, несмотря на все недостатки, Закон несет в себе и определенное позитивное начало. В его ст. 19 предусмотрены различные формы финансовой поддержки национально-культурных автономий со стороны государства и местного самоуправления. Следует отметить также заложенную в ст. 6 возможность (к сожалению, всего лишь одноразовую) проведения представительных национальных форумов на всех уровнях для учреждения соответствующих национально-культурных автономий. Тем самым можно вести речь и о представительном характере последних. Правда, в очень ограниченном смысле – ст. 4 закрепляет право автономий представлять в органах власти и местного самоуправления только «свои национально-культурные интересы», а не интересы своих народов. Очевидно и то, что функционирование национально-культурных автономий в отрыве от сформировавшей их базы, как это фактически предусмотрено в Законе, не может принести российским народам ничего, кроме вреда.

2.6.32. Как уже отмечалось (см. 2.6.1), в других странах СНГ принято намного меньше правовых актов, касающихся российских немцев, чем в РФ. Среди них – Закон Республики Казахстан от 14 апреля 1992 г. *«О реабилитации жертв политических репрессий»*. Мы рассмотрим в качестве примера два других государства – Украину и Кыргызстан. Указы Президента Украины от 31 декабря 1991 г. № 23 *«О порядке изменения гражданами Украины фамилий, имен и отчеств»* и № 24 *«О порядке изменения гражданами Украины национальности»* [8, с. 396-397] предоставили всем гражданам, в частности немцам и рожденным в смешанных браках, записать национальность, фамилию, имя и отчество в соответствии со своим желанием – право, которого они раньше зачастую были лишены. 23 января 1992 г. Президент Украины подписал Указ № 51 *«О создании Украинско-немецкого фонда»* [8, с. 402-403]. В Указе отмечено, что образование Фонда и назначение его Генерального директора являются результатом совместных предложений Комитета по делам национальностей при Кабинете Министров Украины и Общества немцев Украины «Возрождение» («Видергебурт»). Целью создания Фонда объявлялось принятие мер по «правовой, политической, социальной и культурной реабилитации немцев, депортированных в свое время за пределы Украины». Имелось в виду, прежде всего, массовое возвращение на Украину подобных граждан и их потомков. Однако из-за серьезных финансовых проблем реализация соответствующей программы, едва начавшись, была фактически заморожена.

2.6.33. В несколько ином направлении попытались решать проблемы немецкого населения в Кыргызстане. 29 января 1992 г. принимается Указ Президента Республики Кыргызстан *«Об образовании в Республике Кыргызстан немецких национальных культурных округов и национальных производственно-коммерческих структур»* [8, с. 403-404]. Согласно Указу создавалось 2 немецких «национальных культурных округа». В округах было признано целесообразным организовать национальные школы и детские сады, культурные и религиозные учреждения, фермерские и предпринимательские структуры. Округу предоставлялось право юридического лица, в нем вводились элементы самоуправления, осуществляемого Комитетом, который должно избирать само немецкое население на общем собрании (конференции). Особенно примечательно, что в Указе подчеркивалась необходимость учета мнения Комитета и национального представительного органа – Совета немцев Кыргызстана – «при принятии решений, затрагивающих интересы немецкого населения». Во исполнение данного Указа изданы Постановление Кабинета Министров Кыргызстана от 11 февраля 1992 г. № 41 *«О создании в г. Бишкеке Кыргызско-немецкого торгового дома»* и Постановление Правительства Кыргызстана от марта 1992 г. (точная дата в источнике не указана), утвердившее *«Положение о немецком национальном культурном округе в Республике Кыргызстан»* [8, с. 405-409]. В последнем Постановлении подтверждено также право юридического лица Совета немцев Кыргызстана и одобрено его предложение об учреждении им Фонда социально-экономического и культурного развития немецкого населения республики. Фонд и его структуры были освобождены до 1994 г. от налога на прибыль, направляемую на осуществление их уставной деятельности. «Положение» характеризует немецкий национальный культурный округ как «местное общественное объединение национального самоуправления», финансируемое, в частности, из средств указанного Фонда. Вопреки надеждам, возлагавшимся властями республики на эти меры,

продолжающийся массовый выезд немцев из Кыргызстана в ФРГ, очевидно, свидетельствует о том, что статуса общественного объединения – даже в столь нетрадиционной форме – явно недостаточно для решения многочисленных и острых проблем немецкого населения в этом регионе.

2.7. ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕМЕЦКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ФРГ (1949-92 гг)

2.7.1. Как отмечалось выше (см. 1.3.16), после войны в западных оккупационных зонах Германии сумели остаться немало российских немцев. Однако они проживали там на полулегальной основе, и ни о каком их юридическом статусе не могло быть и речи. Возможность правового регулирования особых проблем подобного рода людей была впервые заложена в *Основном Законе ФРГ*, принятом 23 мая 1949 г. Статья 116 п. 5 этого акта гласит: «Немцем в смысле данного Основного Закона (…) является тот, кто имеет гражданство Германии или был принят на территории Германского государства в границах на 31 декабря 1937 г. в качестве беженца или изгнанного немецкой национальности или его супруга (супруги) или потомка» (перевод с немецкого наш – *Прим. авт.*). На первый взгляд, творцы Конституции ФРГ породили юридический нонсенс, едва ли не впервые в мировой практике попытавшись дать правовое определение национальной принадлежности. Однако в действительности эта формула преследовала вполне понятную и сугубо практическую цель – создать условия для интеграции многих миллионов немцев, изгнанных потсдамскими «миротворцами» по чисто этническому признаку из ряда стран Восточной Европы. 19 мая 1953 г. в ФРГ был принят с этой целью *Федеральный закон о делах изгнанных и беженцев* (Bundesvertriebenen- und Flüchtlingsgesetz). В соответствии с *Договором об объединении Германии* от 31 августа 1990 г., данный закон с 29 сентября 1990 г. действует и на территориях новых восточных земель, т.е. бывшей ГДР. Закон от 19.05.1953 г. позволил, в частности, принимать в ФРГ российских немцев и членов их семей с предоставлением им германского гражданства, однако из-за драконовской эмиграционной политики властей СССР до середины 80-х годов смогли выехать в ФРГ лишь очень немногие желающие немецкие граждане – как правило, в рамках «воссоединения семей». Только после принятия 28 августа 1986 г. соответствующего Постановления СМ СССР, вступившего в силу 1 января 1987 г., ситуация кардинально изменилась, и поток немецких переселенцев из СССР в ФРГ начал неуклонно расширяться. В связи с этим в ФРГ вступил в силу *Закон о регулировании интеграционных выплат для выселенцев и переселенцев* (Einwanderungs-Anpassungs-Gesetz) от 22 декабря 1989 г., а затем *Закон о регулировании процедуры приема для переселенцев* (Aussiedler-Aufnahme-Gesetz) от 28 июня 1990 г. Согласно этим законам льготы для переселенцев существенно сокращались, а заявления о приеме в ФРГ можно было подавать только по месту постоянного проживания.

2.7.2. Между тем в Германии созрело мнение о необходимости освободить законодательство от актов, принятых в 50-х годах и явно несших на себе отпечаток минувшей войны. Это касалось и Закона о делах изгнанных и беженцев. Проблема заключалась в диаметрально противоположном отношении ведущих политических партий к различным категориям иммигрантов, все больше наводнявших страну со второй половины 80-х годов. ХДС/ХСС выступала за продолжение приема немецких переселенцев, а СДПГ отдавала явное предпочтение политическим беженцам (Asylanten).

Публичные и конфиденциальные дискуссии на эту тему в течение 1992 г. увенчались к его концу компромиссом: было решено по-прежнему принимать обе группы иммигрантов и в то же время заметно ужесточить условия их приема. В результате 21 декабря 1992 г. Бундестаг принял с согласия Бундесрата ФРГ *Закон о пересмотре законов о последствиях войны* (Gesetz zur Bereinigung von Kriegsfolgengesetzen или Kriegsfolgenbereinigungsgesetz), вступивший в силу с 1 января 1993 г. Статья 1 данного закона, перечисляет изменения, внесенные в Закон о делах изгнанных и беженцев. В этой пересмотренной версии последний закон и действует в настоящее время, регулируя условия приема и проживания в ФРГ российских немцев и членов их семей.

2.7.3. Согласно § 1 данного закона немецкие переселенцы с территории бывшего СССР отнесены, наряду с несколькими другими группами, к категории изгнанных (Vertriebene). Имеется в виду, что они утратили прежнее место жительства в результате насильственного выселения, осуществленного в связи с событиями Второй мировой войны, и, следовательно, их отъезд в ФРГ является вынужденным. К данной категории причислены также их супруги ненемецкой национальности и дети. § 4 вводит для таких лиц, покинувших территорию бывшего СССР после 31 декабря 1992 г., новое понятие «поздний переселенец» (Spätaussiedler). Оно распространяется и на немецких граждан стран Восточной Европы, если они могут достоверно подтвердить, что на 31 декабря 1992 г. или позднее страдали от ущемления своих прав или последствий их прежнего ущемления по национальному признаку. Поскольку факты подобного рода в последние годы практически перестали иметь здесь место, можно с достаточным основанием считать, что данный закон закрыл двери в Германию перед немецкими жителями этого региона. Данное обстоятельство принадлежит к числу наиболее критикуемых, но, видимо, именно оно склонило в конечном итоге большинство депутатов Бундестага проголосовать за принятие закона. Как мы покажем ниже, этот пункт имеет важное значение и для переселенцев с территории бывшего СССР. Поздними переселенцами признаются также супруги подобных лиц, выезжающие вместе с ними, если брак ко времени отбытия из мест депортации продолжался не менее 3-х лет. Основным отличием нового порядка приема российских немцев является то обстоятельство, что дети позднего переселенца, родившиеся после 1 января 1993 г., приобретают этот статус лишь при условии выезда в ФРГ с немецким родителем, т.е. утрачивают право на самостоятельное признание переселенцами. Поздние переселенцы являются немцами в смысле ст. 116 п. 1 Основного Закона ФРГ и получают германское гражданство по прибытии в ФРГ и подаче соответствующего заявления.

2.7.4. Согласно § 5 статус позднего переселенца не получают лица, оказавшие «значительное содействие национал-социалистической или иной тирании» (т.е., в частности, советскому режиму), «своим поведением нарушавшие принципы человечности или правового государства», «в серьезной мере злоупотреблявшие своим положением к собственной выгоде или в ущерб другим», занимавшие высокий политический или профессиональный пост, который они могли получить «лишь в результате особой связи с тоталитарной системой», а равно и те, кто «извлекал выгоду из соответствующих постов» своих родителей, ненемецких супругов или их родителей, а также покинувшие места депортации «в результате угрозы судебного преследования за уголовное преступление» (здесь и далее перевод с немецкого наш – *Прим. авт.*). Согласно § 6 лицом немецкой

национальности в смысле данного закона признается лишь тот, кто «на своей родине был привержен немецким национальным традициям (Volkstum), если эта приверженность подтверждается определенными признаками, такими, как происхождение, язык, воспитание, культура». Этот критерий считается выполненным, коль скоро в условиях региона проживания передача подтверждающих признаков родителями и родственниками «была невозможной или ее нельзя было требовать» и если «приверженность немецким национальным традициям была бы связана с угрозой для здоровья и жизни или с серьезным профессиональным или экономическим ущербом, однако по совокупности обстоятельств несомненно стремление принадлежать к немецкой и ни к какой иной национальной группе». Соответственно положениям §§ 4-6 отказы в приеме обычно обусловлены тремя группами причин: проживанием на территории, не считающейся местом депортации, «запятнанной» биографией и недостаточным знанием немецкого языка или национальных традиций. При этом «особая связь с тоталитарной системой» зачастую инкриминируется военнослужащим, сотрудникам правоохранительных органов или руководителям разного ранга независимо от занимаемой должности и от того, можно ли было реально извлечь из нее какую-то ощутимую выгоду. Столь же часто решение по § 6 выносится без должного учета приведенных в нем «смягчающих обстоятельств». Попытки заявителей выйти из положения путем изменения паспортных записей о национальности, а тем более о фамилии, имени и отчестве при этом, как правило, безрезультатны. Сталкиваясь с подобными препонами, российские немцы воочию убеждаются, насколько слабо представляют себе условия их жизни в течение последнего полувека даже должностные лица Германии. Поэтому разъяснительная работа в этом отношении не может не быть одной из важных задач представительных органов и общественно-политических объединений российских немцев, в т.ч. функционирующих в самой Германии.

2.7.5. Вопреки распространенному мнению, переселенцы направляются в Германии в последние годы в основном в «старые» федеральные земли, а не на территорию бывшей ГДР, где уровень жизни еще заметно ниже, безработица гораздо выше, но зато прожиточный минимум несколько меньше, не так остра проблема с жильем, а процедура предоставления льгот, причитающихся переселенцам, зачастую занимает меньше времени. Согласно ориентировочным нормативам, установленным в § 8, на восточные земли, включая всю территорию Берлина, приходится лишь около 20% принимаемых в ФРГ переселенцев. Этот показатель в основном выдерживается: так, в 1993 г. он составил 24%.

2.7.6. В соответствии с § 9, поздние переселенцы имеют право на единовременную помощь для преодоления временных затруднений (Überbrückungshilfe), ссуду для обустройства (Einrichtungsdarlehen) с надбавкой за оставленную домашнюю утварь, компенсацию за затраты при переселении. Кроме того, им выплачивается интеграционная помощь (Eingliederungshilfe) «в качестве компенсации за перенесенное лишение свободы»: родившимся до 1 января 1946 г., т.е. пережившим трудармию и спецпоселение, в размере 6.000 марок, а появившимся на свет позже, но до 1 апреля 1956 г., т.е. до упразднения спецпоселения – 4.000 марок. Согласно § 10 в Германии признаются сданные экзамены и квалификационные удостоверения поздних переселенцев, равноценные существующим в ФРГ. Пенсионное обеспечение поздних переселенцев и их страхование

от несчастных случаев осуществляются, согласно § 13, в соответствии с Законом о пенсиях для иностранцев (Fremdrentengesetz). Это означает, что соответствующие выплаты им производятся с учетом трудового стажа, выработанного на территории бывшего СССР. Данное положение не относится к членам семьи позднего переселенца (Abkömmlinge), не признанным лицами немецкой национальности: их прежний стаж во внимание не принимается. Согласно §§ 21-24 реализацией закона ведают Земельные управления по делам беженцев, а на федеральном уровне – Консультативный совет по проблемам изгнанных, беженцев и поздних переселенцев при Министре внутренних дел ФРГ. Подобного рода совещательные органы могут создавать и земли.

2.7.7. Наконец, об одном из важнейших положений закона, вызвавшем множество дискуссий в начале 90-х годов. В соответствии с § 27, п. 3, в ФРГ выдается ежегодно столько разрешений на прием, чтобы их было не больше, чем в среднем в 1991-92 гг. Отклонение от этого показателя допускается лишь в пределах 10%. Искомое число составляет около 225.000, но оно включает переселенцев и членов их семей как с территории бывшего СССР, так и из стран Восточной Европы. Поскольку доля последних по вышеуказанной причине (см. 2.7.3) достигла после 1992 г. почти нулевого уровня, практически весь этот лимит может быть заполнен и уже заполняется выходцами из бывшего СССР. Таким образом, данный закон допускает на неопределенное время прием в ФРГ российских немцев и членов их семей в количестве до 220-240 тыс. человек в год. Этот уровень уже без малого достигнут в 1994 г. (213.214), но резервы еще есть, особенно, как отмечалось (см. 1.3.31), что касается жителей РФ. С учетом всего вышесказанного комментарии здесь, видимо, излишни.

2.8. МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ (1918-95 гг.)

2.8.1. Многие десятилетия межгосударственные соглашения, касающиеся российских немцев, затрагивали исключительно эмиграционные проблемы. Первый из актов подобного рода – *Российско-Германский Дополнительный договор* к Брестскому мирному договору от 3 марта 1918 г. [8, с. 71]. Статья 21 этого документа гарантировала российским немцам право на возвращение в Германию в течение 10 лет после ратификации мирного договора «по соглашению с властями этой страны». По своему заявлению такие лица должны были освобождаться от российского гражданства. Им были обещаны также беспрепятственные контакты с дипломатическими и консульскими представителями Германии. Статья 22 гарантировала выезжающим российским немцам вознаграждение за ущерб, причиненный им во время Первой мировой войны вследствие их национального происхождения. Они имели право взять с собой средства, вырученные за свое имущество, или само движимое имущество. Необходимо отметить, что данные положения не носили неравноправного характера: аналогичные права получали в Германии лица российского происхождения. За непродолжительный срок действия Брестского договора этими возможностями смогли воспользоваться лишь очень немногие немецкие жители РСФСР, главным образом те, которые уже имели германское гражданство.

2.8.2. Аналогичное положение сложилось и с выполнением Договора между СССР и Германией от 12 октября 1925 г. 1-й раздел этого акта *«Соглашение о поселении и общеправовой защите»* предоставлял гражданам двух стран право свободного выезда и поселения на территории друг друга, а также вывоза орудий труда и инвентаря,

необходимых для профессиональной деятельности, и имущества, используемого в целях личного потребления. Однако на практике эти беспрецедентные льготы действовали лишь до конца 1926 г.

2.8.3. Информация о советско-германских договоренностях по проблемам российских немцев в последующие десятилетия чрезвычайно скудна, а ее достоверность почти не поддается проверке. Так, сообщается, что в 1939 г., когда был заключен «Пакт Молотова-Риббентропа», Гитлер недвусмысленно сигнализировал Москве, что проблема российских немцев больше не будет камнем преткновения в отношениях двух стран. Имеются даже сведения о готовившемся посещении Гитлером АССР НП во время его запланированного визита в СССР. Более достоверна информация о соответствующих контактах властей СССР и ФРГ в послевоенный период. После установления дипломатических отношений между двумя странами в 1955 г. германская сторона стала настойчиво поднимать вопрос о «репатриантах», среди которых были и многие российские немцы, вывезенные во время войны в Германию, получившие германское гражданство, а позднее насильственно депортированные назад в СССР. Советские власти категорически отказывались признавать даже наличие подобной проблемы. Однако усилия, предпринятые в этом направлении, не были бесплодными. На переговорах правительственных делегаций СССР и ФРГ 8 апреля 1958 г. в Москве было достигнуто устное соглашение относительно благожелательного рассмотрения советской стороной ходатайств о выезде со стороны граждан СССР в ходе воссоединения семей, разделенных в результате войны. Еще ранее, 21 мая 1957 г. в Мюнхене, было подписано соглашение по этому вопросу между Обществами Красного Креста двух стран, а 24 апреля 1959 г. вступил в силу Консульский договор между СССР и ФРГ, также затрагивавший данную проблему. Результатом явился относительно высокий уровень выезда российских немцев в 1956-60 гг. По сообщению радиостанции «Немецкая волна», определенные последствия для российских немцев имел и Советско-Западногерманский договор от 12 августа 1970 г.: в приложении к нему было якобы зафиксировано согласие СССР на выезд 37 тыс. своих граждан в рамках воссоединения семей. Так это или нет, но в 70-х годах наблюдались самые высокие темпы выезда за 30 послевоенных лет.

2.8.4. Внутренние проблемы российских немцев стали объектом договоренностей СССР и ФРГ лишь к концу периода «перестройки». Статья 15 *Договора о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и ФРГ*, подписанного в Бонне 9 ноября 1990 г. [см. 8, с. 347-349], отмечала, что «советским гражданам немецкой национальности (…), которые хотят сохранить свой язык, культуру и традиции, будет предоставлена возможность развивать их национальную, культурную и языковую самобытность». В соответствии с этим две страны обязались в рамках действующих законов «обеспечивать возможность и облегчать другой стороне оказание содействия таким лицам или их организациям».

2.8.5. Аналогичная договоренность, распространенная и на религиозную сферу, была подтверждена в статье 12 *Совместного заявления Президента РСФСР и Канцлера ФРГ*, подписанного в Бонне 21 ноября 1991 г. Стороны обязались также «в должной мере учитывать интересы этих граждан в рамках собственных общих программ содействия». В целом, однако, данный акт идет гораздо дальше. В нем впервые на межгосударственном уровне отражена проблема воссоздания АССР НП: «Германия с удовлетворением принимает к сведению, что Россия намерена восстановить республику немцев в областях традиционного проживания их предков на Волге». Более того, ФРГ обязалась по мере воссоздания Республики немцев Поволжья «оказывать многообразную помощь в культурной, экономической и аграрной сферах, в вопросах регионального планирования, а также в укреплении межнационального и этнического согласия».

Стороны условились, что наряду с этим «будет продолжаться создание и содействие развитию национальных районов» с целью помочь российским немцам «обеспечить себе перспективу на будущее и сохранить Родину в России, не ущемляя их права на выезд».

2.8.6. Тем временем, как отмечалось выше (см. 2.6.14), была образована *Межправительственная Российско-Германская комиссия по проблемам российских немцев*. Аналогичные комиссии создали в 1992 г. совместно с Германией также Украина, Казахстан и Кыргызстан. Согласно Указу Президента РФ от 21 февраля 1992 г. № 231 Российско-Германская комиссия создавалась «для подготовки совместной программы мероприятий, направленных на обеспечение поэтапного восстановления государственности российских немцев». Результатом I заседания Комиссии (Бонн, 21-23 апреля 1992 г.) явилось одобрение проекта *«Протокола о сотрудничестве между Правительством РФ и Правительством ФРГ с целью поэтапного восстановления государственности российских немцев»*. Протокол сроком на 5 лет был подписан в Москве 10 июля на основании Постановления Правительства РФ от 9 июля 1992 г. № 475 [19, с. 220-224]. В Протоколе стороны выразили уверенность, что «восстановленная республика немцев Поволжья станет культурным и духовным центром для всех немцев, проживающих на территории государств, входящих в состав бывшего СССР, а также убедительным свидетельством их полной политической реабилитации, независимо от того, решат ли они туда переселиться или захотят остаться в местах своего нынешнего проживания». Российская сторона обещала уже в 1992 г. предоставить «возможности для эффективного содействия процессу восстановления республики немцев Поволжья». Меры, предпринимаемые Россией, должны были охватывать: «план поэтапной реализации принятых государственных актов; характер и рамки переходного периода; условия притока переселенцев; право на получение и приобретение земель; определение статуса и полномочий автономных образований и будущей республики». Обе стороны обязались оказать поддержку при создании «специального Фонда восстановления». В свою очередь, Германия заявила о намерении всесторонне содействовать восстановлению Республики на Волге в экономической, культурной и правовой сферах. Осуществление положений Протокола, «а также согласование совместных проектов и мер» было возложено на Межправительственную Российско-Германскую комиссию, которая должна была заседать не реже двух раз в год.

2.8.7. Поскольку Россия не выполнила ни одного из основных обещаний, данных в Протоколе, помощь Германии на территории АССР НП стала в последние годы явным образом сворачиваться. Соответственно на заседаниях Межправительственной комиссии положения Протокола обсуждаются все меньше, а те ее задачи, которые сформулированы в нем под рубрикой «а также», напротив, все чаще. Эта тенденция нашла наглядное отражение в коммюнике проведенных заседаний. Так, на II заседании (Москва, 19-20 октября 1992 г.) главы администраций Саратовской и Волгоградской областей еще докладывали о результатах реализации(?) Указа № 231. Видимо, «результаты» оказались настолько впечатляющими, что Комиссия была вынуждена обратиться к Президенту РФ [8, с. 425-426] и констатировать: «За прошедший год не удалось реализовать наши договоренности в решении территориальных вопросов». На III заседании (Бонн, 5-6 апреля 1993 г.) было с удовлетворением констатировано вступление в силу 23 марта 1993 г. Межправительственного протокола и походя отмечено, что Указ № 231 «еще не реализован в полном объеме». На IV заседании (С.-Петербург, 1-2 ноября 1993 г.), судя по его коммюнике, этот Указ, а тем более Республика в Поволжье вообще не упоминались.

На V заседании (Бонн, 9-10 марта 1994 г.) «как первый практический шаг» по выполнению Указа расценено создание «национальных сельских администраций и органов самоуправления» в Волгоградской и Саратовской областях. Наконец, на VI заседании (Новосибирск, 15-16 мая 1995 г.) как следующий шаг, предпринятый в соответствии с Указом, охарактеризовано введение местного национального самоуправления в третьем по счету поселке российских немцев в Поволжье. Итак, поселковая администрация как шаг на пути к национальному округу и району, а последние – как «первый этап» восстановления государственности. Возможно, эта неслыханная логика убедительна для авторов Указа № 231 и членов Межправительственной комиссии, но уж никак не для самих российских немцев. Нельзя не отметить, что тематика заседаний Комиссии все сильнее смещается в направлении других регионов (прежде всего – Западной Сибири), а также общих проблем российских немцев в сфере культуры, образования, экономики. Очевидно, однако, и то, что решение этого круга вопросов при всей его значимости ни в коей мере не может явиться альтернативой урегулированию коренной проблемы российских немцев, которой посвящен Межправительственный протокол и должна быть посвящена в первую очередь деятельность Межправительственной комиссии.

2.8.8. Единственным межгосударственным актом, принятым по проблемам российских немцев и других репрессированных народов в рамках СНГ, является *«Соглашение по вопросам, связанным с восстановлением прав депортированных лиц, национальных меньшинств и народов»*, подписанное в Бишкеке 9 октября 1992 г. Азербайджаном, Россией, Арменией, Таджикистаном, Беларусью, Туркменистаном, Казахстаном, Узбекистаном, Кыргызстаном, Украиной и Молдовой [19, с. 227-230]. В данном документе подтверждается право депортированных народов «на возвращение в места их проживания на момент депортации» и отмечается, что «обеспечение этого права имеет межгосударственный характер и требует согласованных подходов». В связи с этим страны СНГ признали необходимым «принять на себя обязательства по защите законных интересов» депортированных народов и «обеспечению добровольного возвращения» в места их прежнего проживания. Однако практические шаги в данном направлении, зафиксированные в Соглашении, достаточно скромны, хотя и многообразны: обеспечение возвращающимся депортированным лицам равных прав и условий с местным населением, решение вопросов их гражданства, предоставление им свободного выезда и транзитного проезда, беспрепятственный и беспошлинный ввоз их имущества, пенсионное обеспечение этих лиц, сохранение или перевод их денежных вкладов и активов, содействие в получении жилищных кредитов, освобождение от уплаты подоходного налога на период обустройства и т.п. Совершенно очевидно, что подобного рода меры, даже реализованные в полном объеме, сами по себе не могут в существующих условиях повлечь за собой, например, массовое добровольное возвращение российских немцев из Казахстана или Кыргызстана в РФ. Единственное, что еще могло бы вызвать подобного рода процесс, – это восстановление немецкой государственности в Поволжье.

2.9. ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

2.9.1. Являясь членом ООН, ОБСЕ и других международных организаций, вступив в 1996 г. в Совет Европы, Россия не может не учитывать международно-правовые аспекты

проблемы российских немцев – тем более что, в соответствии со ст. 16 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы Российской Федерации. Как известно, ведущая роль при решении национальных проблем принадлежит среди этих принципов и норм праву народов на самоопределение. Это фундаментальное право закреплено в целом ряде международных актов: *Хартии ООН* (1945 г.), *Международном пакте о гражданских и политических правах* (1966 г.), *Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах* (1966 г.), а также в Договоре СССР с ФРГ от 9 ноября 1990 г. Принцип самоопределения народов, как было отмечено выше (см. 2.6.26), зафиксирован и в Конституции РФ, хотя его содержание по сути дела не раскрывается ни одним российским правовым автом, в т.ч. *Декларацией прав и свобод человека и гражданина*, принятой Постановлением ВС РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 [19, с. 186-193]. Однако мировая практика не знает другого способа реализации этого принципа, кроме осуществления актов волеизъявления. Это и должно быть предусмотрено в первую очередь в готовящемся Законе о реабилитации российских немцев.

2.9.2. Другим важнейшим принципом национальной политики демократических государств является гарантия прав и обеспечение защиты национальных меньшинств. В этой связи Совет Европы отмечал в 1990 г.: «С развитием государств Центральной и Восточной Европы к демократии и в этих странах проявляются серьезные проблемы меньшинств. Авторитарные режимы долгие годы игнорировали эти проблемы и пренебрегали ими. (…) Меньшинства являются одной из важнейших тем, требующих сотрудничества и консультаций со странами Центральной и Восточной Европы» (здесь и ниже перевод с немецкого наш – *Прим. авт.*). В *Документе конференции СБСЕ по человеческому измерению в Копенгагене* 29 июня 1990 г. страны-участницы, включая СССР, подчеркнули, что «уважение прав представителей национальных меньшинств как части международно признанных прав человека представляет существенный фактор мира, справедливости, стабильности и демократии в странах-участницах». Далее в Документе констатируется: «Представители национальных меньшинств имеют право свободно выражать, сохранять и развивать свою этническую, культурную, языковую и религиозную самобытность, сохранять и развивать свою культуру во всех ее аспектах, в свободе от любых попыток подвергаться ассимиляции против своей воли». Там же было отмечено: «Страны-участницы будут уважать право представителей национальных меньшинств на деятельное участие в общественных делах, включая соучастие в вопросах, касающихся защиты и поддержания самобытности таких меньшинств». И ниже: «Страны-участницы принимают к сведению усилия по защите (…) самобытности определенных национальных меньшинств и созданию условий для ее поддержки, формируя в качестве одной из возможностей для достижения этих целей соответствующее местное или автономное управление (…)». Наконец, в Документе подчеркнуто: «Страны-участницы будут в своих усилиях по защите и поддержке прав представителей национальных меньшинств полностью соблюдать свои обязательства, содержащиеся в существующих конвенциях по правам человека и других соответствующих международных документах, и иметь в виду присоединение к соответствующим конвенциям, включая те, которые предусматривают право отдельных лиц на подачу жалобы, если такое присоединение еще не состоялось». В *Хартии ОБСЕ*, подписанной главами государств и правительств европейских стран в Париже 21 ноября 1990 г., заявляется: «Мы признаём, что права представителей национальных меньшинств должны безоговорочно уважаться как составная часть общепризнанных прав человека». На Встрече экспертов СБСЕ по проблемам национальных меньшинств в Женеве 19 июля 1991 г. отмечалось: «Страны-участницы с интересом принимают к сведению, что некоторые из них (…) достигли позитивных результатов, в частности при помощи (…) местного и автономного управления, а также территориальной автономии, включая создание консультативных, законодательных и

исполнительных органов, организованных на основе свободных и регулярных выборов». В *Документе конференции СБСЕ по человеческому измерению в Москве* 3.10.1991 г. подтверждены содержащиеся в актах СБСЕ, в частности в Документе копенгагенского заседания, а также в женевском докладе экспертов, «положения и обязательства в области национальных меньшинств». Эта проблема вновь нашла отражение в принятой ООН 18 декабря 1992 г. *Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам*. В ст. 2 п. 3 этого документа сказано: «Лица, принадлежащие к меньшинствам, имеют право эффективно участвовать в принятии решений на национальном и, если это необходимо, региональном уровне по проблемам меньшинства, к которому они принадлежат, или регионов, в которых они живут, в соответствии с законодательством своей страны» (перевод с английского наш – *Прим. авт.*). Российские немцы фактически лишены возможности участвовать в решении своих проблем на региональном уровне (не считая нескольких десятков тысяч людей, проживающих сегодня в немецких национальных образованиях), не говоря уже об общенациональных проблемах. Результаты, как говорится, налицо.

2.9.3. Приведенные цитаты – не просто набор благих пожеланий. В демократических странах Европы в той или иной мере признаны следующие права национальных меньшинств: на сохранение самобытности, существование и защиту от угроз, на отсутствие дискриминации, равное отношение и равенство шансов, на язык, на школу, на собственные организации, на беспрепятственные контакты, на информацию, на пропорциональное участие в государственной службе, на политическое представительство, на автономию, на обжалование, на соучастие в решении своих проблем, на представителя по правам человека (омбудсмена). Правовое регулирование в данной сфере осуществляется не только усилиями государств, но и по инициативе самих народов. Наиболее известная трибуна для выражения их мнений – *Федералистский союз европейских национальных меньшинств* (ФСЕНМ). Эта организация, представленная с совещательным статусом в Совете Европы, включает национальные объединения многих стран, в т.ч. Советы немцев России и Казахстана, стремясь обобщить и развить накопленный в Европе опыт национальной политики. В *Конвенции об основных правах европейских национальных групп*, разработанной ФСЕНМ в 1992 г. и приложенной в качестве дополнительного протокола к *Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод* от 4.11.1950 г. (текст последнего варианта предложений ФСЕНМ от 1994 г. см. [33]), отмечается, что недостаточный прогресс в области политического решения данных вопросов закономерно обрек Европу на кровавые потрясения, ознаменовавшие начало и конец XX в., – оба раза с эпицентром в Сараево. Представляется, что для РФ эти проблемы не менее актуальны, чем для разорванной ими Югославии. Очевидно, что выход из кризисной, если не тупиковой ситуации, сложившейся сегодня в РФ в сфере решения национальных проблем, невозможен без принятия Закона о национальных меньшинствах, соответствующего требованиям европейских и мировых стандартов.

2.9.4. Наиболее полно эти стандарты воплощены в *Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств*, заключенной 1 февраля 1995 г. Конвенция подготовлена под эгидой Совета Европы (СЕ), но она открыта для подписания всеми заинтересованными государствами. В этой связи нельзя не отметить, что именно данной организации, приема в которую России пришлось дожидаться несколько лет, принадлежит ведущая роль в вопросах защиты прав человека в Европе. Опираясь на документы ООН и СБСЕ, Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4.11.1950 г., а также протоколы к ней, на Венское заявление глав государств и правительств стран-членов СЕ от 9.10.1993 г., Рамочная конвенция излагает основные принципы, которыми обязаны руководствоваться подписавшие ее страны в отношении национальных меньшинств: свободный выбор принадлежности к тому или иному меньшинству, равенство

меньшинств перед законом и в действительности, право на сохранение и развитие своей самобытности, недопущение принудительной ассимиляции, право на свободное объединение и волеизъявление, свободный доступ к средствам массовой информации, беспрепятственное использование и изучение родного языка, содействие изучению жизни меньшинств и развитию системы их образования, действенное участие меньшинств в жизни государства и общества, право на поддержание международных контактов. Функция контроля за соблюдением данной Конвенции возложена в ней на Комитет министров СЕ.

2.9.5. Международные организации, не ограничиваясь рекомендациями общего характера, пытаются способствовать и решению конкретных проблем отдельных народов. Так, Совет Европы уделяет в течение ряда лет пристальное внимание проблемам российских немцев. Первые два документа, принятые по данному поводу *Парламентской Ассамблеей Совета Европы* (ПАСЕ), – *Рекомендация 982* (1983 г.) и *Рекомендация 1040* (1986 г.) о положении немецкого меньшинства в СССР – выразили озабоченность нарушениями прав этого меньшинства тоталитарным режимом. Они призвали к соблюдению международных норм, к которым присоединился СССР, включая и право меньшинств покидать страну своего проживания. *Рекомендация 1106* (1989 г.) о приеме и поселении в ФРГ беженцев и переселенцев немецкого происхождения из стран Центральной и Восточной Европы была принята в то время, когда число лиц немецкого происхождения, выезжающих отсюда в государства-члены СЕ, заметно возросло. Поэтому Рекомендация уделила особое внимание мерам по переселенцам, принятым заинтересованными государствами, прежде всего Германией, и призвала государства Восточной Европы улучшить условия жизни меньшинств, что позволило бы тем оставаться там, где они проживают. *Рекомендация 996* (1993 г.) о передвижении населения между государствами бывшего СССР и соответствующая *Рекомендация 1207* (1993 г.) описывают последствия краха Советского Союза для различных меньшинств и наций, живущих на его территории. Документ рекомендует предоставить право на возвращение в места прежнего проживания этническим группам, которые вынуждены были покинуть свою территорию, включая и немецкое меньшинство.

2.9.6. Наиболее детальное рассмотрение проблемы российских немцев предпринято Советом Европы в последние годы. Так, 6 октября 1994 г. Комитет ПАСЕ по миграции, беженцам и народонаселению обсудил *Доклад о положении немецкого этнического меньшинства в бывшем Советском Союзе* г-на Шрайнера, депутата из Франции от Европейской демократической группы [31]. Этот обстоятельный и достаточно объективный документ базируется как на многочисленных материалах, имеющихся по данному вопросу в СЕ, так и на личных впечатлениях докладчика от посещения Омской области в августе-сентябре 1994 г. Комитет единодушно поддержал проект *Резолюции ПАСЕ,* разработанный на основе доклада. 25 октября 1994 г. доклад и проект Резолюции были одобрены Комитетом ПАСЕ по правовым проблемам и правам человека на основе сообщения г-на Швиммера, депутата из Австрии от группы Европейской народной партии [28]. В сообщении подчеркнуто, что немецкое меньшинство явно подпадает под определение репрессированного народа, содержащееся в ст. 2 Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». Однако, отметил автор, «большинство положений как Закона о реабилитации, так и Протокола (от 10 июля 1992 г. – *Прим. авт.*) носит скорее характер программы, а не правового акта. Механизмы реализации должны быть разработаны в будущих актах и другими административными органами, что несомненно оставляет место для неопределенности» (здесь и далее перевод с английского наш – *Прим. авт.*). Вывод сообщения, в частности, гласит: «Немецкое этническое меньшинство в бывшем Советском Союзе вновь переживает трудные времена. Несмотря на наличие права на возвращение в страну своего происхождения, представителям этого

меньшинства должны быть предоставлены благоприятные возможности остаться в местах традиционного проживания, если они того желают. Правительства соответствующих стран должны объединить свои усилия, чтобы создать необходимые жизненные условия и гарантировать должное уважение прав человека».

2.9.7. *Проект Резолюции*, одобренный двумя комитетами ПАСЕ, отмечает, что «положение немецкого этнического меньшинства в бывшем Советском Союзе, уже испытавшее воздействие многих исторических потрясений в прошлом, вновь претерпело глубокие изменения в результате раздела СССР и краха коммунистического режима» и что, наряду с другими, это меньшинство часто сталкивается с «националистическим нажимом и особенно сложными условиями жизни, прежде всего в бывших советских республиках Средней Азии». В заключение ПАСЕ призывает власти стран бывшего СССР принять все законодательные и административные меры, необходимые для обеспечения защиты немецкого меньшинства, в частности: гарантировать полное равенство прав по закону и на практике представителям этого меньшинства; изучить во взаимодействии с органами, представляющими немецкое меньшинство, все формы сотрудничества, которые направлены на гармоничное решение стоящих перед ним проблем; позволить меньшинству развивать его культуру, традиции и религию; гарантировать право на использование немецкого языка в частной и общественной жизни в соответствии с положениями *Европейской хартии о региональных языках и языках меньшинств*, содействовать обучению немецкому языку; гарантировать российским немцам свободу выбора места проживания, принять меры, способствующие их возвращению в места традиционного расселения, особенно в регион Поволжья; заключить двухсторонние соглашения с Германией о статусе немецкого меньшинства и об условиях помощи Германии представителям этого меньшинства; объявить вне закона и подавлять любые проявления нетерпимости или крайний национализм; создать государственные органы по проблемам тех национальных меньшинств, которые не проживают на автономных территориях. Кроме того, Резолюция призвала соответствующие государства-члены ПАСЕ присоединиться к *Фонду социального развития* и к финансированию конкретных проектов, направленных на решение миграционных проблем представителей немецкого меньшинства в пределах бывшего СССР. Очевидно, что странам бывшего СССР, вступившим и желающим вступить в Совет Европы, нельзя не прислушаться к этим рекомендациям.

3. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ПРОГРАММЫ

3.1. СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НЕМЕЦКОГО ЭТНОСА В РОССИИ – ОСНОВНАЯ ЦЕЛЬ ПРОГРАММЫ

3.1.1. Инстинкт самосохранения – неотъемлемая черта любых живых существ, как и целых народов. Примечательно, что это качество выражено, как правило, тем сильнее, чем о более высоком уровне организации идет речь. Тем не менее, и этносы, и живые существа не вечны. Так, практически все народы, жившие на Земле в начале нашей эры, уже исчезли, а территории их проживания заселены сегодня совсем другими народами. При этом уход этносов с исторической арены происходит вопреки их стремлению к самосохранению – как под воздействием внутренних, так и внешних причин. Российские немцы, история которых насчитывает всего несколько веков, являются очень молодым народом. Это особенно очевидно, если сравнить данный срок со средней продолжительностью существования этносов – 1-1,5 тыс. лет. В первые десятилетия своей истории российские немцы отличались чрезвычайно высокой жизнеспособностью. Учитывая все тяготы жизни в новых непривычных условиях, без подобного качества 100 тыс. переселенцев, безусловно, не смогли бы породить за полтора века потомство

примерно в 1,7 млн. человек, т.е. в 17 раз больше. Тем более им не удалось бы, даже с помощью льгот царских манифестов, добиться столь крупных хозяйственных успехов, создать такую развитую систему самоорганизации (территориального самоуправления), которая могла считаться образцовой по тем временам – и не только для России. Жизненный инстинкт народа помог ему пережить беспрецедентно трудный 40-летний период, начиная с 1915 г. За эти годы погиб приблизительно каждый второй российский немец и, тем не менее, численность этноса была сохранена. Таким образом, стремление российских немцев к этническому самосохранению на протяжении двух веков является неоспоримым. Вопрос в другом – сохранилось ли это жизненное качество в достаточной мере до наших дней? И если да, то какие условия должны быть созданы, чтобы оно могло реализоваться?

3.1.2. Данная Федеральная комплексная программа становления и развития сообщества немцев Российской Федерации представляет собой первую серьезную попытку дать научно обоснованный ответ на второй из приведенных вопросов. При этом ее авторы исходят из того, что определяющими для судьбы этноса российских немцев являются внешние условия его развития, а с точки зрения внутренних условий стремление к этническому самосохранению по-прежнему присутствует в народе. Более того, можно утверждать, что за последнее десятилетие оно даже усилилось. Этому тезису отнюдь не противоречит факт массового выезда. Значительная часть российских немцев выехала и выезжает в ФРГ именно для того, чтобы остаться немцами. В последние годы, как только для этого появились минимальные условия, очень многие российские немцы стали усиленно изучать родной язык, восстанавливать записи о немецкой национальности в паспортах, пытаться исследовать свои родословные, интересоваться историей и традициями своего народа. Еще более примечательно, что основным побудительным мотивом зачастую выступает при этом вовсе не планируемый отъезд в ФРГ. И уж тем более не объяснить одним стремлением к выезду возникновение массового национального движения российских немцев. Хотя вопрос о членстве в национальных организациях фигурирует в «безразмерных» анкетах, заполняемых потенциальными переселенцами, это обстоятельство, как правило, не дает выезжающим никаких преимуществ. К тому же подавляющее большинство выезжающих вообще не имело отношения к национальному движению.

3.1.3. Первое (и по сию пору единственное) массовое объединение российских немцев – Общество «Видергебурт» («Возрождение») – с самого начала поставило своей главной целью добиться восстановления Республики на Волге и обеспечить на этой основе этническое самосохранение российских немцев. И сегодня, когда перспективы возрождения немецкой государственности в Поволжье весьма призрачны, эта цель по-прежнему объединяет в своей национальной организации многие десятки тысяч немцев как в России, так и в других странах бывшего СССР. Основная их масса, конечно же, не является политически ангажированными людьми. Они регулярно участвуют в собраниях и других мероприятиях Общества «Видергебурт» прежде всего из желания поддерживать тесные контакты со своими соплеменниками. Обеспечение этнического самосохранения находилось в центре внимания трех общенациональных съездов российских немцев, съездов немцев России, Казахстана, Кыргызстана, делегаты которых избирались всем немецким населением соответствующей территории. Таким образом, стремление к этническому самосохранению глубоко коренится в широких массах российских немцев. Именно поэтому оно не могло быть не положено в основу настоящей Программы.

3.1.4. Говоря о необходимости этнического самосохранения, авторы Программы имеют в виду не только и не столько формальную сторону проблемы – поддержание определенной численности немецкого населения России согласно данным переписей населения или записи в паспорте. Куда важней вопрос о том, насколько остающиеся в

стране немцы смогут сохранить и передать своим потомкам основные этнические признаки – родной язык, культуру, национальные обычаи и традиции. Как было показано выше, в течение минувших десятилетий условия для достижения данной цели практически полностью отсутствовали (см. 1.3.26). Меры, предпринятые в этом направлении в самые последние годы, далеко не обеспечивают решительного поворота к лучшему. Ассимиляция российских немцев, изначально носившая насильственный характер, становится все более стремительной. Очевидно, что полностью остановить этот глубокий и давний процесс в обозримом будущем не удастся ни при каких условиях. Задача Программы в ином – затормозить ассимиляцию, насколько это возможно и насколько того хотят сами российские немцы. Такая постановка вопроса полностью соответствует положениям ст. 26 Конституции РФ, согласно которым каждый человек имеет право определять и указывать свою национальную принадлежность, пользоваться родным языком, свободно выбирать язык общения, воспитания, обучения и творчества.

3.1.5. Особую сложность представляет этническое самосохранение дисперсно проживающих российских немцев. Достаточно напомнить, что полного решения этой проблемы не удавалось достичь в истории данного этноса никогда. До 1941 г. российские немцы проживали дисперсно преимущественно в крупных городах. В тогдашних условиях недостаточное пребывание в немецкоязычной среде отчасти компенсировалось более широким доступом к образованию и культуре, в т.ч. национальным. Как было отмечено (см. 1.3.28), уровень образования урбанизированных российских немцев и сегодня выше, чем у селян. Однако данное преимущество пока что имеет очень слабое отношение к сохранению национальных традиций. Ближайшая задача в этой сфере состоит в том, чтобы в известном смысле восстановить довоенный (а еще лучше – дореволюционный) статус-кво. Города с многочисленным немецким населением (прежде всего Омск, Новосибирск, Барнаул, Славгород) должны стать важнейшими центрами национальной культуры и образования. Пока не восстановлена Республика на Волге, никаких альтернатив данному варианту нет. Только при этом условии городские и все дисперсно проживающие немцы могли бы сыграть достойную роль в процессе национального возрождения.

3.2. ДОСТИЖЕНИЕ ПОЛНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

3.2.1. Вопросам реабилитации российских немцев посвящен раздел 5 Программы. Термин «полная реабилитация» не является общепринятым и отсутствует в соответствующих законодательных актах. Использование его в Программе подчеркивает безусловную необходимость комплексного характера реабилитации. Достижение полной реабилитации означало бы, по мнению авторов, что последствия репрессий против российских немцев, насколько возможно, преодолены и тем самым созданы необходимые предпосылки для сохранения и развития немецкого этноса в России. Таким образом, в отсутствие полной реабилитации реализация основной цели Программы невозможна. Предлагаемый в Программе особый Закон «О реабилитации немцев Российской Федерации» призван урегулировать, в соответствии со ст. 13 Закона «О реабилитации репрессированных народов», особенности применения последнего по отношению к российским немцам. Наряду с соответствующей правовой базой, новый закон должен, на взгляд авторов, основываться на концептуальных и практических положениях настоящей Программы, предусматривая при этом выделение госбюджетных средств на решение задач по всем аспектам реабилитации. Программа называет в качестве ее отдельных направлений политическую, территориальную, культурную и социально-экономическую (социальную) реабилитацию, предусмотренные в Законе «О реабилитации репрессированных народов», а также историческую реабилитацию российских немцев. При этом учтено, что тем направлениям реабилитации, которые отражены в указанном

законе, там придается чрезмерно узкий смысл, охватывающий далеко не все необходимые стороны реабилитационного процесса.

3.2.2. Так, политическая реабилитация российских немцев должна охватывать, по мнению авторов Программы, не только восстановление незаконно упраздненной государственности в Поволжье, но и предоставление российским немцам на государственном уровне права на самоорганизацию в том смысле, как это предусмотрено в Программе. Нельзя забывать, что автономия на Волге была не только национальным образованием для тех нескольких сотен тысяч немцев, которые проживали на этой территории и составляли меньшинство немецкого населения страны. Историческая роль Немреспублики гораздо шире – она, как отмечено выше (см. 1.1.8), являлась подлинным национальным центром российских немцев независимо от места их проживания на территории СССР. Даже если Республика на Волге будет юридически восстановлена, она еще долгое время не сможет в должной мере выполнять подобную функцию. Между тем немецкий этнос РФ остро нуждается для своего самосохранения и развития в объединяющем национальном начале общественно-государственного характера, каковым и должна стать предложенная в Программе система самоорганизации. Очевидно, что создание подобной структуры невозможно без всестороннего содействия государства в решении задач Программы, что и предусмотрено ее авторами.

3.2.3. Наряду с восстановлением национально-территориальных границ, существовавших до их антиконституционного насильственного изменения, под территориальной реабилитацией в Программе понимается также создание новых национально-территориальных образований российских немцев. Эти две задачи связаны настолько тесно, что их практически невозможно отделить друг от друга. Дело здесь, прежде всего, в том, что, как было показано выше (см., например, 1.3.20), территория расселения российских немцев в пределах бывшего СССР и России в корне изменилась по сравнению с довоенной. Поэтому восстановление целого ряда прежних немецких районов и сельсоветов нецелесообразно или нереально. К тому же многие нынешние немцы РФ проживали до войны в национальных образованиях на территории Украины и других республик бывшего СССР. В этой связи вполне логичны решения российских властей, не только восстановившие немецкий район на Алтае, но и создавшие соответствующее образование в Омской области, где его никогда не было. Это, однако, лишь первые шаги на пути восстановления и создания системы национальных образований российских немцев на территории РФ. Данный процесс, на взгляд авторов Программы, столь же нуждается во всестороннем государственном содействии, как и политическая реабилитация. При этом, как подчеркивается в Программе, новые национальные образования следует создавать лишь в местах нынешнего компактного проживания российских немцев. Такая постановка вопроса исключает формирование заведомо нежизнеспособных «немецких» образований в спекулятивных целях.

3.2.4. Культурная реабилитация российских немцев, как она охарактеризована в Программе, в принципе соответствует содержанию соответствующей статьи Закона «О реабилитации репрессированных народов», но и эта проблема ставится Программой более комплексно. По мнению авторов Программы, речь должна непременно идти о воссоздании и развитии всей системы национальной культуры, включая образование, искусство, литературу, науку, вероисповедание. При этом, естественно, также не обойтись без осуществления соответствующего комплекса мероприятий со стороны государства. Поскольку культурной проблематике в широком смысле слова посвящено несколько особых разделов Программы, ее детали будут рассмотрены ниже. А здесь необходимо подчеркнуть, что все меры культурной реабилитации должны охватывать как компактно, так и дисперсно проживающих российских немцев. Более того, без последних, которые,

как отмечалось выше (см. 3.1.5), зачастую обладают более высоким культурным потенциалом, восстановление и развитие национальной культуры попросту невозможно.

3.2.5. Социальная реабилитация сведена в Законе «О реабилитации репрессированных народов» к пенсионным льготам для лиц, пострадавших от репрессий по национальному признаку. С такой узкой постановкой вопроса согласиться, конечно, нельзя. Правда, Закон предусматривает также возмещение ущерба, причиненного репрессиями как целым народам, так и их отдельным гражданам. Однако эта проблема по непонятной причине отнесена в другую статью Закона. Авторы Программы считают, что содержанием социально-экономической реабилитации должна являться в первую очередь именно компенсация ущерба, понесенного как самими пострадавшими российскими немцами, так и их детьми и внуками. Отнесение последних к пострадавшим вполне уместно, поскольку последствия репрессий далеко не преодолены, и новые поколения российских немцев, как было показано выше (см., например, 1.3.28 и 1.3.29), также несут ущерб от неравноправия во всех областях национальной жизни. По мнению авторов Программы, в нынешней ситуации решение этих проблем должно основываться прежде всего на соответствующих положениях Закона «О реабилитации жертв политических репрессий», поскольку данный акт регулирует их наиболее детально. Однако в этом Законе проблематика репрессированных народов занимает далеко не ведущее место, и без отражения специфики социально-экономической реабилитации российских немцев в предложенном Программой особом Законе «О реабилитации немцев Российской Федерации» обойтись, очевидно, нельзя. Программа предполагает однозначное закрепление в данном Законе права всех подвергшихся репрессиям российских немцев, а также их детей и внуков на оформление документов, отражающих факт репрессии, и на возмещение нанесенного репрессиями ущерба в форме компенсации за утраченное в их результате имущество, пенсионных льгот и др.

3.2.6. Что касается ущерба, причиненного российским немцам как народу, то он выражается прежде всего в утрате им, как и большинством его отдельных граждан, исконных мест поселения. Поэтому Программа предлагает ввести особый порядок приватизации земли на территории прежнего и нынешнего компактного проживания российских немцев с выдачей земельных паев, за счет которых немецкие граждане РФ (и только они) могли бы приобретать земельные участки в местах своего традиционного расселения. В противном случае никакая территориальная реабилитация не поможет российским немцам возвратиться на земли, незаконно отторгнутые у них и их предков.

3.2.7. Вводя понятие исторической реабилитации, авторы Программы исходили из того, что ни один народ не может существовать без национального самосознания, формируемого в первую очередь исторической памятью. Важное значение в этой сфере придается в Программе изучению и объективному изложению истории российских немцев и созданию Книги памяти жертв политических репрессий, установлению обелисков и мемориальных досок в память о погибших.

3.2.8. Говоря о первоочередных задачах в сфере реабилитации российских немцев, авторы Программы предлагают для начала провести комплексный анализ исполнения государственных актов, принятых в РФ по данным проблемам. Позиция самих авторов по этому вопросу изложена в разделе 2.6 настоящей Пояснительной записки. Данный материал (насколько нам известно – первый в своем роде) мог бы быть рассмотрен соответствующими подразделениями Миннаца и Государственной Думы РФ с привлечением авторов и независимых экспертов, с тем, чтобы на этой основе выработать соответствующие решения, в т.ч. по содержанию Закона «О реабилитации немцев Российской Федерации». Чтобы в перспективе принятие подобных решений базировалось на адекватной документальной и научной основе, Программа предлагает разработать

необходимые государственные реестры по проблеме российских немцев. К наиболее неотложным принадлежат, без сомнения, и проблемы социально-экономической реабилитации. Откладывать их решение нельзя уже потому, что последние представители старшего поколения репрессированных российских немцев на наших глазах уходят из жизни. Поэтому предлагается незамедлительно разработать Федеральную целевую программу «Социально-экономическая реабилитация российских немцев и память» на основе концепции, приложенной к настоящей Программе.

3.3. ФОРМИРОВАНИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СООБЩЕСТВА НЕМЦЕВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

3.3.1. Лишившись своей государственности и территориальных образований более полувека назад, российские немцы многие десятилетия не имели никаких возможностей для национальной самоорганизации. Ни один народ не может существовать долгое время, являясь лишь объектом, но не субъектом права и управления. Если положение не изменится в корне в самое ближайшее время, то ни о каком сохранении и, тем более, развитии немецкого этноса в России говорить не приходится. Созданные начиная с 1989 г. Общество «Видергебурт», а затем и другие общественные объединения российских немцев сами по себе в принципе не в состоянии сформировать удовлетворительно функционирующую систему общенациональной самоорганизации. Они объединяют лишь несколько десятков тысяч немцев РФ и вправе представлять только своих членов. Даже в случае реализации назойливо рекламируемой идеи о создании некоего координирующего органа из представителей существующих общественных объединений, а также национальных образований, в орбиту единой системы национальной самоорганизации было бы вовлечено не более 10-15% немецкого населения РФ. Не менее очевидно, что подобная структура будет иметь столько же полномочий, как и обычная общественная организация, и, следовательно, не сможет полноценно участвовать в решении национальных проблем от имени российских немцев. Пытаясь найти выход из этой ситуации, российские немцы воспользовались идеей национальных съездов, подброшенной в свое время из ЦК КПСС в иных целях (см. 2.5.12), и избрали на своих съездах представительные органы – сначала Межгосударственный Совет российских немцев, а затем и Советы немцев России, Казахстана, Кыргызстана (последний носит сегодня название Фольксрат – Народный Совет). Однако СНР, как отмечалось выше (см. 2.6.22), так и не получил адекватного официального статуса. Но будь он даже признан государством в качестве представительного органа всего немецкого населения РФ, это означало бы не более, чем создание головной структуры системы самоорганизации. Очевидно, что Совет в составе нескольких десятков членов никак не может решить проблему национальной организации снизу доверху на огромной территории проживания немцев в РФ.

3.3.2. Проблемы самоорганизации немцев РФ освещены в разделах 2-4 Программы. При этом вводится новое понятие – «сообщество российских немцев». Под сообществом здесь понимается совокупность людей, проживающих на определенной территории и организованных тем или иным образом. Типичным сообществом является, например, население любого государства. Сообщества, фигурирующие в Программе, как и представленная в ней схема самоорганизации, имеют свою специфику. Во-первых, речь идет о людях определенной национальности, расселенных преимущественно дисперсно. Объединение их разрозненного интеллектуального, экономического и культурного потенциала возможно лишь при наличии единства целей и интересов. Программа исходит из того, что основой подобного единства является стремление к этническому самосохранению, не только присутствующее, но и крепнущее среди российских немцев (см. 3.1.2). Предложенная схема самоорганизации, открытая для взаимодействия с

другими нациями и народностями, рассчитана в принципе на все немецкое население соответствующих территорий. Поскольку, однако, принадлежность к своему национальному сообществу является делом личного выбора каждого российского немца, обеспечить стопроцентный охват немецкого населения РФ различными формами самоорганизации едва ли удастся. Тем не менее, по предусмотренной Программой схеме можно организовать для реализации национальных целей самые широкие слои российских немцев, включая и тех, которые не участвуют и не будут участвовать ни в каких общественных объединениях. Во-вторых, предлагаемая схема самоорганизации, как и любая другая, не может не содержать определенных управленческих элементов. Однако термин «самоуправление» используется в Программе лишь применительно к национально-территориальным образованиям. Авторы исходили из того, что на практике известны две формы самоуправления – территориальная и внутриорганизационная, причем обе они связаны с использованием принуждения. В первом случае оно обусловлено наличием у государственных органов и структур местного самоуправления властных полномочий, во втором – возможностью исключения из состава любой организации тех ее членов, которые не подчиняются установленным в ней нормам. Схема самоорганизации, предусмотренная Программой, не содержит ничего подобного. Сообщества российских немцев – не организации, и в них не предполагается фиксированного членства. В этом смысле они напоминают скорее общественные движения. В-третьих, авторы ни в коей мере не претендуют на создание некой квазигосударственной, а тем более государственной структуры. Система самоорганизации, предлагаемая Программой, задумана как общественно-государственная. Термин «государственная» имеет при этом лишь тот смысл, что система формируется по решению соответствующих государственных органов. Тем самым государство взяло бы на себя определенные обязательства – прежде всего по признанию представительного характера созданных органов самоорганизации и по содействию в организационном, а также финансовом обеспечении их деятельности. В противном случае выхолащивается концептуальный подход, на котором основана Программа, а ее реализация не может привести к качественному улучшению положения немецкого населения России.

3.3.3. Из изложенного вытекает особая значимость регулярного тесного взаимодействия структур самоорганизации с органами государственной власти и местного самоуправления. Отсюда и построение системы самоорганизации по трем иерархическим уровням, соответствующим устройству самой Российской Федерации, – федеральному, региональному и местному. Сообществам российских немцев на каждом из этих уровней присущи свои этнообъекты и своя этноструктура, что предопределяет трехуровневый характер самой этноструктуры. Узловым элементом понятия «этноструктура» является, без сомнения, наличие связей между ее этнообъектами. Именно этим обстоятельством обусловлено, например, отнесение к этноструктуре сообщества немцев РФ (федеральный уровень) не только этнообъектов того же уровня, но и сообществ российских немцев регионального уровня, а при отсутствии последних – отдельных этнообъектов низших уровней. В результате обеспечивается взаимосвязь между этнообъектами как по горизонтали, так и по вертикали. Программа отмечает особое место Республики немцев Поволжья (в случае ее восстановления), а также национально-территориальных образований в этноструктуре российских немцев. Эти структуры должны служить центрами формирования этнообъектов образования и культуры соответственно на федеральном и региональном уровнях. Такой подход вполне соответствует исторической роли АССР НП в прошлом (см. 1.1.8). При отсутствии любого из этих центров притяжения формирование национальной этноструктуры и всей системы самоорганизации существенно затрудняется. В частности, одни национальные районы, даже объединившись каким-то образом, явно не в состоянии выйти за региональные рамки и сыграть роль общенациональных культурных центров.

3.3.4. Программа подразделяет структуры самоорганизации на общественно-представительные и исполнительные. В этом нет стремления скопировать систему государственной власти: такое строение присуще, к примеру, и общественным объединениям. Во всех подобных случаях максимально широкий круг причастных лиц избирает структуры представительного характера, которые формируют постоянно действующие структуры по исполнению своих решений (или участвуют в их формировании). Структура органов самоорганизации на трех ее уровнях в принципе одинакова. Лишь на территориях с малой численностью немецкого населения функции всей системы самоорганизации могли бы выполняться отдельными лицами – национальными представителями. При очевидной ограниченности их возможностей наличие подобных людей в местах дисперсного проживания российских немцев чрезвычайно важно: именно они должны служить связующим звеном между своими немецкими земляками и остальными немцами Российской Федерации. А если к тому же будет создана соответствующая система коммуникации (см. раздел 12 Программы), это позволило бы ощутить причастность к жизни своего этноса всем желающим российским немцам, независимо от места их проживания. Тем более значима связующая роль полноценных органов самоорганизации. Нетрудно заметить, что среди их функций, выделенных в разделе 4, неизменно присутствуют как внешние, так и внутренние по отношению ко всей системе самоорганизации. При этом механизм внутреннего взаимодействия предполагает, конечно, лишь добровольное исполнение решений, в т.ч. принятых соответствующими структурами более высокого иерархического уровня. Ведь никаких средств принуждения, как уже отмечалось, у органов самоорганизации нет и быть не может.

3.3.5. Что касается внешних функций, то среди них по понятным причинам особая роль принадлежит взаимодействию с государственными органами России, а также некоторых других стран. При этом следует обратить внимание на постулируемое в Программе принятие структурами самоорганизации основополагающих решений по проблемам российских немцев соответствующей территории. Имеется в виду, конечно, не подмена органов государственной власти и управления. Суть дела в другом: ни одно государственное решение, затрагивающее национальные интересы российских немцев, не должно приниматься без участия, а тем более ведома их полномочных представительных структур. (Данная прерогатива и определяет принципиальное отличие предлагаемых структур самоорганизации от любых общественных объединений российских немцев.) Как было показано выше, в течение многих десятилетий дело обстояло совершенно иначе, и именно это неоспоримое обстоятельство подвело, в конце концов, этнос российских немцев к грани небытия. Поэтому и переломить данный катастрофический ход событий можно только за счет превращения немецкого народа России в полноценного субъекта государственной жизни. Если это не произойдет, то российских немцев не спасут никакие марочные или рублевые вливания, даже если они возрастут в стократ по сравнению с нынешним, достаточно жалким уровнем. Лишь такая постановка вопроса могла бы, по мнению авторов Программы, гарантировать в существующих условиях применительно к российским немцам соблюдение основополагающего права, закрепленного в ст. 32 ч. 1 Конституции РФ: «Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей». Наряду со сказанным, органы самоорганизации должны иметь, разумеется, и собственное поле деятельности, отведенное им законодательством. Но это, опять же, не означает подрыва прерогатив государственной власти. Никто ведь, скажем, не утверждает, что закрепление весомых полномочий в сфере общественной жизни за местным самоуправлением (см. главу 8 Конституции РФ) является посягательством на функции государственных органов.

3.3.6. Из изложенного вытекает необходимость отнестись со всей серьезностью к созданию правовой базы системы самоорганизации. По мнению авторов Программы, ее основы должны быть заложены в предложенном Законе «О реабилитации немцев Российской Федерации». Иначе никакая реабилитация не будет полноценной, т.е. не позволит восстановить в необходимой мере жизнеспособность этноса российских немцев. Это, однако, не исключает, а, напротив, предполагает принятие особого государственного акта «О мерах по реализации Закона РСФСР <О реабилитации репрессированных народов> в отношении российских немцев» на уровне Президента или Федерального Собрания России, где содержались бы гарантии создания системы национальной самоорганизации. По мнению авторов, это следовало бы сделать еще до утверждения Программы. Ведь смысл процедуры утверждения в том и состоит, что под Программу предоставляются необходимые государственные гарантии. А их может дать не подпись под ней какого угодно должностного лица (хотя и это, как явствует уже из предлагаемого титульного листа Программы, авторы считают безусловно необходимым), а лишь соответствующий нормативный правовой акт. Предполагаемая правовая база должна иметь выход и на межгосударственный уровень. При этом не имеется в виду принятие дополнительных правовых актов. Само одобрение Программы Межправительственной Российско-Германской комиссией означало бы согласие России и Германии на непосредственное участие органов самоорганизации в достижении и реализации всех двухсторонних договоренностей по проблемам российских немцев, в частности – в выполнении упомянутого Межправительственного протокола от 10 июля 1992 г. (см. 2.8.6, 2.8.7). Точно так же необходимо участие органов самоорганизации немцев РФ в реализации Бишкекского соглашения от 9 октября 1992 г. (см. 2.8.8) в части, касающейся возвращения депортированного немецкого населения в Россию, а также из России – в подписавшие Соглашение страны СНГ.

3.3.7. Вопрос о порядке формирования структур самоорганизации, начиная с центрального представительного органа – Народного Собрания (Фолькстага) немцев России, был камнем преткновения с самого начала выдвижения Концепции самоорганизации. Совет немцев России неизменно высказывался за их избрание всем немецким населением соответствующей территории на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. При этом отмечалось, что такой наиболее демократичный способ позволяет в максимальной мере учесть мнение всех немецких жителей России, а его практическая реализация потребует не столь уж больших усилий и финансовых затрат – тем более, если совместить голосование со всеобщими выборами на определенной территории. Выборный механизм мог бы при данном условии быть таким: списки избирателей заранее не составляются, поскольку для этого пришлось бы решать дополнительные технические проблемы; выдвижение кандидатов проводится на общих собраниях (конференциях) немецкого населения, организуемых государственными структурами совместно со всеми действующими на данной территории общественными объединениями российских немцев, а при отсутствии последних – с помощью соответствующих инициативных групп; средства массовой информации загодя извещают немецкое население о проведении особого голосования; придя на общий избирательный участок и предъявив паспорт (свидетельство о рождении) с записью о немецкой национальности применительно к себе (или хотя бы к одному из своих родителей), гражданин получает сверх обычных отдельный бюллетень и заносится в специальный список; подсчет голосов ведут общие избирательные комиссии. Ничего из ряда вон выходящего в предлагаемой процедуре нет: в России сплошь и рядом проводятся совместные выборы, и их механизм давно отработан, а опыт выборов среди российских немцев уже накоплен при избрании делегатов национальных съездов. К сожалению, эти аргументированные предложения никогда не находили должного понимания в Миннаце РФ и обычно служили удобным поводом для того, чтобы поставить под сомнение всю

концепцию самоорганизации. Учтя данное обстоятельство, авторы Программы обошли конфликтную проблему и не стали постулировать конкретный порядок формирования органов самоорганизации. В конце концов, этот вопрос носит частный характер и вполне поддается решению при согласии по поводу узловой проблемы – самой идеи самоорганизации. Программа предлагает, чтобы разработчиком соответствующих Положений выступил СНР, единственный на сегодня представительный орган всех немцев РФ. При этом необходимо в первую очередь разработать проект Положения о порядке формирования Народного Собрания, подлежащий принятию на Съезде немцев РФ, а затем и Положение о порядке формирования Народных Советов субъектов и регионов РФ.

3.4. ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

3.4.1. Как отмечено выше (см. 1.2.8), территориальное самоуправление являлось важнейшей «несущей конструкцией» в процессе формирования и развития этноса российских немцев. Полное отсутствие этого элемента в течение полувека стало главным фактором, который обусловил катастрофический упадок этноса, отличавшегося до этого завидной жизнеспособностью. Поэтому проблематика восстановления национально-территориального самоуправления российских немцев, которой посвящен раздел 6 Программы, не могла не явиться одним из ее узловых звеньев. Национально-территориальное самоуправление в условиях компактного проживания с полным основанием охарактеризовано в Программе как высшая форма самоорганизации, решающий фактор существования и развития этноса российских немцев. В отсутствие территориального самоуправления для подавляющего большинства немецкого населения РФ никакие иные формы самоорганизации не могут обеспечить ему адекватную жизненную перспективу и, следовательно, не способны не только остановить, но даже замедлить процесс выезда в ФРГ, разрушительный для этнического бытия российских немцев. Программа особо отмечает, что вопросы национально-территориального самоуправления должны решаться в увязке с проблемами реабилитации российских немцев, а также с обустройством беженцев и вынужденных переселенцев.

3.4.2. Особая роль в обеспечении национально-территориального самоуправления немцев Российской Федерации принадлежит созданию соответствующей нормативной правовой базы. В этом отношении наиболее проработанными являются, как ни парадоксально, вопросы восстановления Республики немцев Поволжья (РНП) и других немецких национальных образований. Во всяком случае, Закон «О реабилитации репрессированных народов» (см. 2.6.2), а также Постановление ВС СССР от 7.03.1991 г. и Постановление КМ СССР от 6.06.1991 г. (см. 2.5.12, 2.5.14), отменившие репрессивные акты, по которым была бесправно ликвидирована АССР НП и депортировано ее немецкое население являются вполне достаточным основанием, чтобы урегулировать данные проблемы в предложенном Программой Законе «О реабилитации немцев Российской Федерации» (см. 3.2.1). Тем более, что волеизъявление немцев РФ, требуемое для восстановления РНП в соответствии со ст. 6 и 7 Закона «О реабилитации репрессированных народов», неоднократно выражалось на легитимных национальных форумах. Сложнее обстоит дело с законодательным регулированием процесса создания новых национально-территориальных образований. Неоправданно затягивается принятие Закона РФ «Об общих принципах местного национально-территориального самоуправления», проект которого давно находится в Государственной Думе и мог бы быть одобрен после внесения в него незначительных поправок (предложения СНР и Общества «Видергебурт» РФ на этот счет направлены в Госдуму еще 17 апреля 1995 г.). В результате до сих пор не определен статус немецких национальных районов в Алтайском

крае и Омской области, а также национальных поселений в Поволжье. Это же обстоятельство выдвигается властями Саратовской и Волгоградской областей в качестве предлога для невыполнения Указа Президента РФ от 21.02.1992 г. № 231. Как отмечено выше (см. 2.6.28), безо всяких оснований не реализуется важное положение ч. 2 ст. 65 Конституции РФ относительно разработки федерального конституционного закона о принятии в Российскую Федерацию и образовании в ее составе новых субъектов. Между тем из-за этого серьезно затрудняется создание немецкого национального округа в Волгоградской области, который должен появиться согласно Указу от 21.02.1992 г. № 231 и мог бы претендовать на роль субъекта Федерации. РНП нельзя отнести к новым субъектам Федерации, но отсутствие указанного конституционного закона может блокировать и процесс ее восстановления, поскольку ст. 137 п. 1 Конституции РФ предусматривает, что изменения в ст. 65 Конституции, где содержится перечень субъектов Федерации, вносятся именно на основании этого закона.

3.4.3. Восстановление РНП расценено в Программе как основной акт территориальной реабилитации российских немцев, осуществляемый на базе национального округа в Волгоградской области и национального района в Саратовской области, предусмотренных президентским Указом. Строго говоря, данные образования не имеют прямого отношения к восстановлению немецкой государственности в Поволжье, даже если будут созданы на территории бывшей АССР НП. Однако, как отмечалось выше (см. 2.6.14), немецкий национальный округ в Волгоградской области, став субъектом Федерации, мог бы в немалой степени содействовать этому процессу. В Программе раскрывается содержание переходного периода, необходимого при восстановлении РНП в соответствии со ст. 6 и 7 Закона «О реабилитации репрессированных народов». Напомним, что это не было сделано ни в самом законе, ни в каком-либо другом правовом акте, в результате чего «переходный период» используется просто как удобный повод для оттяжки решения проблем территориальной, а также политической реабилитации репрессированных народов. Подход авторов Программы в корне иной. По их мнению, смысл этого переходного периода должен заключаться в том, чтобы после его завершения можно было констатировать: созданы все необходимые организационные, правовые, экономические и др. предпосылки для нормального протекания процесса восстановления РНП. На подобный результат и нацелены меры, предложенные в Программе для реализации в течение переходного периода: формирование временных органов государственной власти и управления РНП, уточнение ее границ, организация переселения российских немцев на ее территорию с созданием необходимых условий для их приема и обустройства. Программа предусматривает размещение переселенцев, как правило, во вновь создаваемых или имеющихся немецких поселениях. Это не только соответствует историческим традициям, но и помогло бы гарантировать имущественные, а также иные права русскоязычного населения, проживающего на данной территории. Не менее очевидно, что компактное расселение будет способствовать более эффективному решению проблем в сфере немецкого национального образования и культуры.

3.4.4. Ставя задачу создания (восстановления) муниципальных национально-территориальных образований, авторы Программы отдают себе отчет в потенциальных масштабах и формах этого процесса. Из тех немецких районов, которые существовали на территории РСФСР в 30-х годах и еще не воссозданы (см. 2.3.15), при определенных условиях возможно лишь восстановление района в Оренбургской области. Не считая предусмотренного немецкого района в Саратовской области, не приходится говорить и о создании новых подобных образований, поскольку нигде в РФ не имеется столь массового компактного проживания российских немцев, которое необходимо для постановки подобной задачи. По этой причине трудно расценить иначе, как спекуляцию на национальной проблематике, небезызвестный прожект по созданию немецкого района в

Новосибирской области. Гораздо шире возможности восстановления и создания немецких национальных поселений. Этот процесс мог бы иметь место не только в Западной Сибири, Оренбуржье и Поволжье, но и в Башкортостане, некоторых районах Урала и, возможно, юга России. Что касается создания национальных округов, то – за исключением намеченного немецкого округа в Волгоградской области – в настоящее время эта проблема явно не актуальна. Данное обстоятельство и имели в виду авторы Программы, подчеркнув, что создание немецкого округа требует наличия нескольких территориально близких муниципальных национально-территориальных образований, т.е. в первую очередь районов. Из вышесказанного следует, что в обозримом будущем подобные условия на территории России, очевидно, не возникнут.

3.4.5. Для решения задач национально-территориального самоуправления Программа предусматривает два взаимосвязанных направления – развертывание соответствующей нормотворческой деятельности и программное обеспечение. Наряду с отражением данного круга проблем в Законе «О реабилитации немцев Российской Федерации», в этой связи предложено разработать Федеральную целевую программу «Восстановление государственности российских немцев». Соответствующие программы необходимы, по мнению авторов, и при создании (восстановлении) национально-территориальных образований. Продуктивное законотворчество в этой сфере, разумеется, невозможно без инициативы со стороны единственного государственного органа, непосредственно ведающего проблемами российских немцев, – Департамента в составе Миннаца РФ. С другой стороны, как структура исполнительной власти Департамент должен организовать реализацию принимаемых решений. Во всей этой деятельности необходимо самое широкое участие органов самоорганизации российских немцев, а также их общественных объединений и представителей в органах власти. Именно органам самоорганизации, лучше всего знакомым с реальным положением дел и с потребностями российских немцев, должна принадлежать инициатива при разработке программ в области национально-территориального самоуправления. Распределение функций между государственными органами и общественными структурами принадлежит к числу приоритетных задач и в данной сфере, и во всей проблематике Программы. Только их согласованная работа, которой до сих пор добиваться не удавалось, могла бы покончить с появлением (а отчасти и реализацией) все новых проектов по российским немцам, выдвигаемых в обход самих немцев РФ, их представительных органов и массовых общественных объединений.

3.4.6. Наряду с необходимой нормотворческой деятельностью, Программа относит к первоочередным задачам в области национально-территориального самоуправления организацию исследовательской работы по основным местам проживания российских немцев. Ведь в настоящее время отсутствует даже полный перечень немецких компактных поселений, имеющихся на территории РФ. Лишь социологические и иные исследования, всесторонний учет мнений самих российских немцев могут выявить перспективность подобных мест проживания, целесообразность формирования новых компактных поселений, восстановления или создания национально-территориальных образований.

3.5. РЕШЕНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

3.5.1. Выше было отмечено обострение проблемы межреспубликанской миграции российских немцах в пределах бывшего СССР в последние годы (см. 1.3.32). Наблюдается и миграция между регионами самой России, обусловленная прежде всего стремлением российских немцев возвратиться в места довоенного проживания. Очевидно, что в обозримом будущем эти процессы не только не прекратятся, но и могут, напротив, усилиться. Посвятив проблемам миграции российских немцев раздел 7 Программы, ее авторы исходили из необходимости обустройства немецких переселенцев, прибывающих

в Россию в основном из Казахстана и Средней Азии, а также выезжающих из одних регионов России в другие, и – что не менее важно – из возможности использования этих миграционных процессов для решения проблемы этнического самосохранения. В данной связи Программа ставит задачу регулирования миграционных потоков с целью формирования более эффективной этноструктуры сообщества российских немцев.

3.5.2. Это означает, что переселенцы должны приниматься и обустраиваться прежде всего на территории РНП и в других местах традиционного компактного проживания, включая национальные районы в Омской области и Алтайском крае. Лишь при таком условии миграция не обернется еще более усиленной ассимиляцией, а пребывание переселенцев в местах приема могло бы оказаться не только временным вынужденным явлением. Более того, при определенных политических и социально-экономических предпосылках миграционные процессы способны повлечь за собой усиление концентрации немецкого населения на территории РФ, а следовательно и более успешное решение задач, поставленных в Программе. Что же касается приема немецких переселенцев в других регионах России, то он, по убеждению авторов, целесообразен только в том случае, если местная администрация готова выделить собственные средства для их обустройства и будет размещать приезжающих в существующих местах компактного проживания либо создавать для них новые. Согласие с таким подходом со стороны Миннаца РФ могло бы, наконец, пресечь поток переселенческих проектов явно спекулятивного характера, рассчитанных главным образом на привлечение средств из бюджета России и – в еще большей степени – Германии практически вне всякой связи с интересами и потребностями самих российских немцев.

3.5.3. Учитывая несомненную связь миграционных проблем с процессом реабилитации, прежде всего – территориальной и политической, Программа отмечает, что они тоже должны найти отражение в Законе о реабилитации российских немцев. Наряду с этим, правовую основу деятельности по решению данных проблем составляют Законы РФ *«О беженцах»* и *«О вынужденных переселенцах»*, принятые 19 февраля 1993 г., другие нормативные правовые акты, а также программа *«Миграция»* Федеральной миграционной службы России. Однако наличие этой программно-правовой базы не избавляет от разработки Федеральной целевой программы «Обустройство российских немцев-переселенцев», которая бы увязала данную тематику с решением всей совокупности проблем немецкого населения России. Поскольку решением миграционных проблем российских немцев в основном ведал до сих пор Миннац РФ, настоящая Программа предлагает, чтобы министерство выступило и в роли заказчика при подготовке подобной программы. На нужды переселенцев направляются определенные средства из федерального бюджета России, а контроль за расходованием таких средств, выделяемых для немцев РФ, является, как известно, одной из функций государственно-общественного фонда «Российские немцы». Поэтому вполне резонно, если именно данный фонд станет ответственным исполнителем программы обустройства немецких переселенцев, в то время как Правление Народного Собрания немцев России могло бы контролировать ее выполнение. Аналогичные программы необходимо разработать и в тех регионах РФ, которые готовы к приему немецких переселенцев. Заказчиками подобных программ могли бы выступать администрации соответствующих субъектов Федерации, а общественный контроль за их реализацией осуществлять Правления Народных Советов немцев этих субъектов.

3.5.4. Эффективность программ обустройства немцев-переселенцев будет зависеть, прежде всего, от того, явятся ли они органичными составными частями программ становления и развития соответствующих сообществ немцев РФ, как предлагается в настоящей Программе, либо станут выдвигаться в противовес идеям самоорганизации российских немцев, чего добиваются определенные должностные лица в Миннаце России.

Во всяком случае, принятие решения о подготовке альтернативной программы «развития социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев» в разгар работы над данной Программой не может не настораживать. Тем более, что руководители Департамента по делам российских немцев демонстративно отказались участвовать в разработке настоящей Программы, хотя ее подготовка осуществляется на основе приказа Министра Миннаца РФ. Подготовка альтернативной программы могла бы еще считаться в какой-то степени оправданной, имейся у ее инициаторов хоть сколько-нибудь продуманная концепция решения основных проблем российских немцев. Однако, хотя СНР представил Концепцию самоорганизации в Миннац еще 2,5 года назад, никакой встречной инициативы так и не последовало. Получается, что разработка новой программы началась, что называется, с чистого листа. Единственная «альтернативная» идея, с которой постоянно выступают сотрудники Департамента, сводится к необходимости первоочередного решения проблемы обустройства немцев-переселенцев. Между тем очевидно, что эта проблема, при всей ее значимости, отнюдь не является узловой для российских немцев – хотя бы из-за того, что касается лишь очень ограниченного круга лиц (см. 1.3.32), и уж тем более не может эффективно решаться в отрыве от всей остальной национальной проблематики.

3.5.5. В сфере миграционных проблем, как и в области национально-территориального самоуправления, необходимо, прежде всего, накопить надежную информацию о компактных поселениях российских немцев. Одновременно нужны достаточно точные сведения о самом миграционном потоке. Только на этой основе, при всестороннем учете политических, социально-экономических и прочих условий, можно определить конкретные места приоритетного приема немецких переселенцев. Нуждается в неотложном совершенствовании и механизм решения миграционных проблем. Соответствующие государственные службы едва справляются со всё растущим потоком мигрантов и уж тем более не в состоянии обеспечивать решение миграционных проблем, исходя, к примеру, из национальных интересов российских немцев. Без деятельного участия представительных органов и массовых общественных объединений немцев РФ добиться сдвига в этом отношении, очевидно, нельзя. Именно поэтому необходимо четкое распределение функций между государственными и общественными структурами и в данной сфере.

3.6. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

3.6.1. Как было показано выше (см. 1.3.5), у российских немцев традиционно имелся достаточно мощный слой предпринимателей. Экономическое процветание мест проживания российских немцев, высокий уровень национального образования, поддержка культуры и религии во многом были делом этих людей. Тем более значима роль предпринимательства в условиях нынешнего дисперсного проживания, когда в отношении российских немцев практически невозможно использовать обычный территориальный принцип бюджетного финансирования непроизводственной сферы. Проблемам предпринимательства российских немцев посвящен раздел 8 Программы. Под «национальным предпринимательством» понимается при этом не просто предпринимательская деятельность российских немцев, а лишь соответствующая деятельность, осуществляемая в национальных интересах. Более того, авторы Программы считают национальное предпринимательство одним из важнейших факторов формирования этноструктуры российских немцев и, с другой стороны, развития территорий их проживания. От предпринимательства, как от одного из финансовых источников, фактора создания рабочих мест и повышения благосостояния людей, в решающей мере зависят возрождение и развитие национального образования и культуры, а также деятельность органов самоорганизации российских немцев.

3.6.2. Национальное предпринимательство требует соответствующего обеспечения. Нормативно-правовое обеспечение предпринимательства достигается за счет принятия необходимых законов, указов, постановлений, распоряжений. Организационное обеспечение предполагает формирование на федеральном и региональном уровнях структур, планирующих и организующих работу по созданию системы национального предпринимательства, обеспечивающих ее взаимодействие с органами государственной власти и управления. В существующих в России экономических условиях (нестабильность производства вследствие разрыва долговременных экономических связей, обесценивание рублевых инвестиций, отсутствие системы налогообложения, сориентированной на развитие производства), как правило, нецелесообразно создавать крупные предприятия, которые требуют значительных инвестиций, характеризуются длительными сроками освоения производственных мощностей и достижения намеченных экономических результатов. Поэтому в Программе подчеркивается, что предпринимательская деятельность российских немцев должна ориентироваться, прежде всего, на создание малых и средних предприятий широкого профиля, использующих передовые технологии. По мнению авторов, необходимым условием развития национального предпринимательства является взаимодействие его структур с Государственным комитетом РФ по поддержке и развитию малого предпринимательства, созданным по Указу Президента РФ от 6 июня 1995 г. № 563. Данный Указ предусматривает ряд мер, напрямую совпадающих с целями национального предпринимательства российских немцев, и является важным элементом его нормативно-правовой базы. В соответствии с п. 2 Указа предусматривается учет мнений субъектов малого предпринимательства при проведении работ по его развитию. В этой связи авторы Программы считают целесообразным участие соответствующих структур российских немцев в подготовке *Федеральной программы поддержки и развития малого предпринимательства*.

3.6.3. По мнению авторов Программы, целям самоорганизации российских немцев в наибольшей степени соответствует холдинговая структура национального предпринимательства, включающая федеральный холдинг-центр и региональные бизнес-центры в основных местах проживания немцев РФ. Подобная структура является достаточно гибкой и конкурентоспособной, содержит необходимый набор элементов для развития национального предпринимательства, обеспечивает налаживание устойчивых экономических связей между национальными предпринимательскими объектами, находящимися в различных регионах проживания российских немцев, создание системы предпринимательства, позволяющей реализовать национальные интересы. Программа характеризует структуру, порядок учреждения и возможный состав учредителей холдинг-центра, а также функции его звеньев (инвестиционно-ипотечного банка, страхового общества, центра делового сотрудничества, консалтинг-центра) и региональных бизнес-центров. Взаимоотношения холдинг-центра с предпринимательскими структурами, функционирующими вне его рамок, могли бы при этом строиться на договорной основе. Необходимо отметить, что, наряду с государственными, религиозными, благотворительными структурами России и Германии, в составе учредителей холдинг-центра предусматривается обязательное участие общественных объединений российских немцев. Авторы Программы считают, что в качестве доли последних в уставной фонд центра могли бы быть внесены средства, возмещающие ущерб, причиненный российским немцам как репрессированному народу, в соответствии со ст. 9 Закона «О реабилитации репрессированных народов». Тем самым поэтапное возмещение ущерба, предусмотренное данным Законом, способствовало бы развитию национального предпринимательства и, следовательно, решению всего комплекса проблем российских немцев.

3.6.4. Программа предусматривает координацию и поддержку предпринимательства российских немцев со стороны Народного Собрания немцев России и его Правления. Это ни в коей мере не означает вмешательства данных органов в несвойственную им предпринимательскую деятельность. Их роль в ином – обеспечивать в качестве национальных представительных структур всемерную поддержку предпринимательства российских немцев со стороны федеральных органов государственной власти и управления. Представительные органы совместно с существующими национальными предпринимательскими структурами могли бы взять на себя и решение первоочередных задач, предусмотренных Программой по становлению и развитию предпринимательства российских немцев.

3.7. ВОЗРОЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

3.7.1. Нами отмечался высокий по меркам тех времен уровень национального образования в течение первого столетия массового проживания немцев в России, как и неуклонный упадок системы образования российских немцев в последующие десятилетия. Именно возрождению и развитию национального образования принадлежит основополагающая роль в реализации главной цели Программы – обеспечении этнического самосохранения российских немцев. Системе образования посвящен раздел 9 Программы. Авторы исходили из того, что проблемы полноправия среди народов России в национальной самоидентификации являются чрезвычайно актуальными для российских немцев, а воссоздание системы национального образования представляет собой один из важнейших аспектов решения этих проблем. Острота проблемы национальной самоидентификации обусловлена как преимущественно дисперсным проживанием, так и тем, что в очень многих семьях российских немцев утрачена культурно-образовательная связь между поколениями (см. 1.3.26). Как было отмечено выше, многолетние репрессии и дискриминация, отсутствие системы национального образования обусловили низкий общеобразовательный уровень, массовое незнание немецкого языка, невысокий социальный статус и недостаточную стартовую подготовленность к занятию адекватного места в обществе (см. 1.3.27, 1.3.28, 1.3.29). Помимо перечисленных причин, слабое владение немецким языком обусловлено и тем обстоятельством, что подобные знания были долгое время невостребованными. Все эти обстоятельства требуют разработки соответствующих методик обучения, издание учебников и иной литературы, адаптированных к каждому из контингентов обучаемых. Положение усугубляется из-за серьезного недостатка необходимых педагогических и научно-педагогических кадров, в т.ч. вследствие их массового выезда. Очевидно, что решение этих проблем, получение российскими немцами полноценного национального образования станут возможными лишь в случае возрождения *Системы национального образования* (СНО) с ее организационной, методической, учебно-педагогической, информационной и иными функциями. С другой стороны, для достижения данной цели имеются определенные предпосылки – заметная тяга российских немцев к изучению родного языка, инициативы по решению проблем национального образования как со стороны специалистов из числа немцев РФ, так и по линии органов образования России, значительная помощь в данной сфере со стороны Германии. Программа предполагает, что эти позитивные факторы получат дальнейшее развитие и, в частности, будет расширяться сотрудничество между РФ и ФРГ по проблемам российских немцев.

3.7.2. Перечисляя основные цели возрождения и развития национального образования, авторы Программы закономерно поставили на первое место самую сложную и в то же время актуальную задачу – воссоздание той языковой и культурной среды, которая традиционно характеризовала этнос российских немцев. Особую трудность представляет собой, конечно, достижение подобной цели применительно к дисперсно проживающим российским немцам, составляющим, как не раз отмечалось, значительное

большинство немецкого населения РФ. Очевидно, что при этом не обойтись без использования современных средств телекоммуникации (см. раздел 12 Программы). Учитывая многолетнюю запущенность в данной сфере, очень непросто реализовать и другую программную цель – достижение российскими немцами среднего по России общеобразовательного уровня. При этом имеется в виду и такой важный критерий, как образовательный ценз, признаваемый и в РФ, и в ФРГ. Таким образом, речь идет о создании особой сертификационной системы, предназначенной для оценки уровня образования российских немцев с тем, чтобы они были в состоянии продолжить свое образование, например, в Германии. Наконец, очень важна выделенная в Программе цель подготовки квалифицированных кадров, необходимых для решения всего комплекса задач, поставленных Программой. В такой постановке вопроса видна тесная взаимосвязь СНО со всеми остальными сферами жизнедеятельности российских немцев.

3.7.3. Немецкое национальное образование, охарактеризованное в Программе, включает все основные виды обучения – от дошкольного до послевузовского и дополнительного. При этом особенно важно, чтобы его существующие и возникающие формы составили единую систему непрерывного многоуровнего национального образования, подчиненную общей цели – сохранению и развитию этнических особенностей российских немцев. Очевидно, что в условиях среды проживания немцев в РФ такая система может быть построена только на билингвальной и бикультурной основе. Целевые установки СНО и обстоятельства ее формирования требуют от нее диверсификации (многосторонней направленности), децентрализации (перехода на государственно-общественные формы управления), регионализации, интеграции российской и германской культурно-образовательных парадигм, многоканальной системы ресурсного обеспечения. Предполагается, что СНО должна предоставлять возможности для обучения в любой форме (дневной, вечерней, заочной) всем категориям учащихся, обладающим самым разным уровнем стартовой подготовки, в т.ч. – что особенно важно – возможность сквозного обучения на немецком языке. Для этого необходимо прежде всего всестороннее информационное обеспечение учебного процесса, включая выпуск необходимой литературы, аудио- и видеокурсов, организацию учебных радио- и телепередач. Становление и развитие СНО может осуществляться лишь за счет совместных усилий органов государственной власти и управления РФ, прежде всего Миннаца и Минобразования России, органов самоорганизации, а также общественных и предпринимательских структур российских немцев, при участии соответствующих органов и структур из ФРГ. В настоящее время имеется лишь одна структура, могущая претендовать на роль центрального органа СНО, – Межрегиональный благотворительный фонд «Бильдунг» («Образование»), учрежденный по инициативе СНР и Минобразования РФ. Программа предусматривает, что деятельность СНО на местах будет координироваться региональными отделениями Фонда. С созданием сквозной системы самоорганизации российских немцев предусматривается формирование структур СНО при ее соответствующих исполнительных органах.

3.7.4. В качестве основного типового звена СНО в сфере дошкольного, начального и среднего образования Программа выделяет государственные, муниципальные или негосударственные *Немецкие национальные школы* (ННШ), финансируемые из бюджетных источников, а также за счет предпринимательских структур и общественных объединений российских немцев. ННШ отводится роль региональных центров немецкого национального образования, осуществляющих всю практическую деятельность в конкретных субъектах (регионах) РФ. Предусмотрено, что ННШ будут создаваться в основных регионах проживания российских немцев постепенно, по мере формирования соответствующих условий. Программа предлагает наделить ННШ широким кругом координационных, научно-методических и организационных функций. Среди них следует

выделить роль ННШ при взаимодействии с органами власти и местного самоуправления, структурами самоорганизации российских немцев, а также с образовательными институтами ФРГ. В частности, имеется в виду, что СНО, создаваемая фактически с нуля, должна (особенно на первых порах) широко заимствовать методические, а также лингвистические особенности преподавания в германских образовательных учреждениях, адаптируя эти методы к условиям языковой среды российских немцев. ННШ могли бы выполнять при этом функцию связующего звена между системой образования ФРГ и школами, где обучаются немцы РФ.

3.7.5. Если школы с преподаванием немецкого языка как родного начали восстанавливаться на территории СССР еще более десятилетия назад, то немецкие вузы отсутствуют в стране уже более полувека. Поэтому восстановление национального высшего образования представляет собой особенно сложную задачу. Учитывая это обстоятельство, Программа пока что не задается целью организации в России немецкого вуза, хотя некоторые проекты на этот счет уже выдвинуты (например, предложено восстановить немецкий пединститут в г. Энгельсе). Ближайшие задачи более скромны – организовать специальные факультеты, кафедры и группы в российских вузах, а также обучение российских немцев в вузах ФРГ. Следует иметь в виду, что среди российских немцев имеется немало преподавателей вузов и сотрудников НИИ, в т.ч. работающих в ФРГ. Именно они, по мнению авторов Программы, должны сыграть ведущую роль в решении перечисленных задач, подготовке необходимых для этого национальных научных и научно-педагогических кадров.

3.7.6. Среди первоочередных задач в сфере национального образования, поставленных Программой, необходимо выделить разработку предложений по подготовке Федеральной целевой программы «Восстановление и развитие системы национального образования российских немцев». Определенные предпосылки для этого созданы – прежде всего, в виде Программы восстановления и развития системы непрерывного национального образования российских немцев, подготовленной усилиями специалистов Минобразования и Миннаца РФ и одобренной на V заседании Межправительственной Российско-Германской комиссии по проблемам российских немцев в 1994 г.

3.8. РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

3.8.1. Ранее уже подчеркивалась традиционная тесная связь культуры российских немцев с религией (см. 1.2.7). Поэтому вполне резонно, что сохранение и развитие национальной культуры выдвигается в Программе как единая задача с созданием благоприятных условий для восстановления и развития вероисповедания российских немцев. Данным проблемам посвящен раздел 11 Программы. Как было отмечено выше (см. 1.3.27), современное состояние культуры российских немцев нельзя не признать бедственным. Поэтому Программа рассматривает как цель в данной сфере сохранение и развитие национальной культуры путем синтеза ее еще сохранившихся элементов с русской и современной германской культурами. Очевидно, что решать данную задачу придется в основном новому поколению российских немцев, не пережившему репрессии и депортацию и впервые за многие десятилетия получившему некоторую возможность приобщиться к истокам своей национальной культуры. При этом, конечно, не обойтись без финансовой поддержки со стороны национального предпринимательства.

3.8.2. Программа выделяет целый ряд направлений деятельности в области культуры и искусства. Часть из них (научно-исследовательская, научно-педагогическая и культурно-образовательная деятельность) непосредственно связана с прочими разделами Программы, другие имеют относительно автономный характер. Большинство направлений второй группы уже так или иначе реализуется Международным союзом

немецкой культуры, национальными культурными центрами на местах, общественными объединениями российских немцев, хотя в некоторых случаях (особенно в части массовых периодических изданий для российских немцев) здесь имеют место и явно регрессивные тенденции. Однако, наряду с развитием и совершенствованием подобного рода деятельности, Программа ставит и такие задачи, решение которых по существу еще не начиналось. Среди них следует особо выделить культурно-средовую деятельность, т.е. воссоздание национальной архитектурно-планировочной и предметной среды российских немцев. Нельзя не отметить, что решение этой задачи является, наряду с развитием языковой среды, безусловно необходимым фактором для самоидентификации российских немцев. Национальная архитектурно-планировочная среда отчасти сохранилась лишь в немногих местах нынешнего, а также прошлого компактного проживания российских немцев. В числе первых можно назвать исконно немецкие поселения в Омской области, на Алтае и в Оренбуржье, среди вторых – единственные города на территории СССР, созданные российскими немцами, – Маркс и Красноармейск Саратовской области. Однако в последнем случае перспективы сохранения национальной среды весьма призрачны – уже потому, что в этих городах сегодня почти нет немецкого населения, а уцелевшие в них исторические здания и сооружения в большинстве своем сильно обветшали со времени изгнания отсюда поволжских немцев. Следовательно, основная задача в данной сфере должна состоять в сохранении и развитии национальной архитектурно-планировочной и предметной среды в существующих поселениях, а также в ее воссоздании в новых поселениях российских немцев.

3.8.3. Программа предусматривает разработку в качестве приложения особой Федеральной целевой программы «Сохранение и развитие культуры российских немцев». Очевидно, в последней должны быть более детально раскрыты задачи в сфере национальной культуры, а также определена организация их выполнения. В данной же Программе в качестве организаторов названы те структуры, которые уже в той или иной мере занимаются подобной деятельностью, – органы исполнительной власти в центре и на местах, органы самоорганизации и общественные объединения российских немцев, центры немецкой культуры, организации и учреждения культуры, а также самоорганизующиеся группы.

3.8.4. Свобода вероисповедания всегда провозглашалась законами России и СССР. Однако, как было показано, это право многие десятилетия оставалось для российских немцев пустой декларацией. Лишь в последние годы оно получило определенное подтверждение на практике. Именно это обстоятельство позволяет сегодня ставить задачу возрождения религиозной жизни российских немцев. Для ее решения необходимо в первую очередь воссоздать соответствующие базовые структуры – религиозные общины. Этот процесс начался еще несколько десятилетий назад, но и сегодня религиозные потребности российских немцев, особенно проживающих дисперсно, удовлетворяются далеко не в достаточной мере. При наличии подобного вакуума не приходится удивляться тому, что многие российские немцы попадают под влияние различных новомодных сект, совершенно чуждых их национальным традициям. Отсюда не следует, что функционированию подобных религиозных общин – если оно, конечно, не идет вразрез с законодательством РФ и нормами международного права – нужно противодействовать. Однако поддержки сообщества российских немцев, по мнению авторов Программы, заслуживают только традиционные конфессии, могущие способствовать сохранению национально-культурной и религиозной самобытности, – лютеранская, католическая, менонитская, баптистская.

3.8.5. Предполагается, что религиозные объединения российских немцев должны быть открытыми для людей любой национальности, а богослужения вестись в них, как правило, на двух языках – немецком и русском. Лишь серьезные сдвиги в сфере владения

российских немцев родным языком могли бы оправдать постановку вопроса об одноязычных немецких богослужениях, прежде всего – в местах компактного проживания. Религиозным объединениям российских немцев, по мнению авторов, не следует ограничивать свою деятельность лишь духовной сферой. Современное законодательство позволяет подобным структурам заниматься также благотворительной, культурно-просветительской и некоторыми другими видами деятельности, и это право следует всемерно использовать. Только при этом условии религия могла бы вновь стать неотъемлемой частью культуры российских немцев. Актуальна также задача создания религиозными объединениями российских немцев соответствующих региональных и центральных структур, т.е. развитие процесса, который уже начался, но пока далек от завершения.

3.8.6. Наряду со сказанным, для возрождения национальной религиозной жизни необходимо решение проблем, относящихся к материальной базе, – возвращение религиозным общинам российских немцев конфискованных у них в ходе репрессий культовых зданий и сооружений, имущества, церковных земель; восстановительные, реставрационные и ремонтные работы на имеющихся церковных зданиях и сооружениях, строительство новых подобных объектов. Этот процесс также начался, но встречает множество препятствий. Одна из главных причин состоит в том, что особые законодательные акты, устанавливающие порядок возмещения ущерба репрессированным народам, так и не появились, хотя были предусмотрены в ст. 9 Закона «О реабилитации репрессированных народов». Следовательно, этот круг проблем тоже должен найти отражение в будущем Законе «О реабилитации немцев Российской Федерации». Следует предпринять также ряд организационных мер по возрождению религиозной жизни, в частности воссоздание системы подготовки священнослужителей и установление партнерских отношений, в т.ч. международных, с родственными религиозными объединениями. Эти два вопроса очевидным образом взаимосвязаны. Лютеранские священники для российских немцев традиционно готовились в Дерптском университете (до его фактического разорения при Александре III), а также в немецкоязычных странах, католические – частично в России (например, в Саратовском «семинаре», т.е. духовной семинарии), а большей частью тоже за рубежом. В обозримом будущем нет реальной возможности возобновить подготовку священнослужителей в нашей стране. Поэтому ничего не остается, как обратиться за содействием к немецкоязычным странам, прежде всего к ФРГ. А это требует, очевидно, налаживания международных связей религиозных объединений российских немцев. Обеспечение деятельности религиозных объединений (не считая возвращения незаконно отторгнутой собственности) предполагается за счет их собственных возможностей, а также взаимодействия с родственными зарубежными структурами.

3.9. НАУКА И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ

3.9.1. Наука, в отличие от культуры, не бывает национальной. Среди российских немцев всегда было (и еще имеется) немало известных ученых, их труды являются неотъемлемой составной частью российской и мировой науки, но ни о какой особой российско-немецкой науке говорить, разумеется, нельзя. Тем не менее, наука может и должна способствовать реализации национальных целей. Определяющим фактором является при этом, конечно, не национальность самих ученых, а их приверженность определенной тематике, имеющей важное значение для жизни того или иного народа. В этом смысле роль науки в реализации данной Программы трудно переоценить. Задачам возрождения науки о российских немцах и для российских немцев посвящен раздел 10 Программы. Сложность их разрешения обусловлена, прежде всего, тем, что соответствующие научные направления подавлялись в России и СССР многие десятилетия, а в течение полувека находились под полным запретом. Еще несколько лет

назад проблематика российских немцев изучалась лишь за рубежом (главным образом в Германии и США), однако эти исследования, при всей их значимости, зачастую проводились людьми, мало знакомыми с соответствующими реалиями и не имевшими достаточного доступа к архивам. Поэтому многие научные исследования в интересующей нас сфере начинаются сегодня едва ли не на пустом месте.

3.9.2. Сказанное относится, прежде всего, к изучению истории. В числе приоритетных направлений научных исследований авторы Программы поставили на первое место восстановление и непредвзятое изложение истории российских немцев. Пробелы в этой сфере особенно значительны. Достаточно интенсивное и плодотворное изучение истории российских немцев в царской России сменилось при большевистском режиме откровенно предвзятым подходом, подчиненным политической конъюнктуре, а с началом массовых репрессий по национальному признаку и вовсе прекратилось. В результате нынешние поколения российских немцев практически не знакомы с историей своего народа. Под восстановлением национальной истории Программа подразумевает не только переиздание (в т.ч. в двуязычном варианте) лучших исторических трудов, появившихся в дореволюционной России, а также за рубежом, но и проведение новых фундаментальных исследований, освещающих, прежде всего, советский период истории российских немцев и основанных на материалах впервые приоткрывшихся архивов. Другая важная задача – изложение результатов этих исследований таким образом, чтобы они были доступны не только специалистам, но и самым широким слоям российских немцев. Подобные цели поставлены и инициаторами идеи многотомной «Энциклопедии российских немцев», подготовка и издание которой намечены Академией наук российских немцев. При обсуждении данного проекта подчеркивалось, что Энциклопедия должна помочь российским немцам осознать себя как народ. Поскольку изучение истории российских немцев переживает в последние годы очевидный подъем, удалось довольно быстро определить костяк будущего авторского коллектива. Отрадно и то, что Энциклопедию намечается издать в достаточно короткий срок. Не вполне ясен лишь вопрос об источниках финансирования этого дорогостоящего издания. Было бы непоправимой ошибкой использовать в данных целях, к примеру, часть тех скудных бюджетных средств, которые выделяются Россией и Германией для восстановления системы образования российских немцев. В противном случае может получиться так, что Энциклопедия выйдет в свет, когда ее потенциальные массовые читатели уже утратят интерес к подобной тематике.

3.9.3. Часть приоритетных направлений научных исследований непосредственно примыкает к проблемам, освещенным в других разделах Программы, – возрождению и развитию национального образования, сохранению и развитию национальной культуры и искусства, созданию и оптимальному развитию национально-территориальных образований российских немцев. В качестве обобщающей в данной сфере может рассматриваться задача исследования нормативно-правовых, социально-экономических и технико-экономических проблем самоорганизации сообщества немцев РФ. Уже из данной формулировки видно, что при этом понадобятся скоординированные усилия специалистов самых разных областей знания – как российских немцев, так и ученых других национальностей, профессиональные интересы которых связаны с данными проблемами.

3.9.4. Попыткой объединить их для решения национальных задач является образование в 1994 г. Общественной Академии наук российских немцев. По мнению авторов Программы, этому учреждению и должно принадлежать ведущее место в процессе возрождения и развития соответствующих отраслей науки. Совместно с Академией в данном качестве могла бы выступить Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев, созданная в 1995 г. Наряду с ними, научные проблемы российских немцев должны решаться национальными вузами

(если они будут созданы), соответствующими вузовскими факультетами и кафедрами, группами совместно работающих ученых. В качестве необходимой предпосылки эффективности подобной деятельности Программа называет сотрудничество с научными учреждениями и вузами ФРГ. Это относится, прежде всего, к тем достаточно многочисленным научным и образовательным структурам Германии, которые уже занимаются изучением проблем российских немцев. Целенаправленная и систематичная научная деятельность в данной сфере требует, по мнению авторов, разработки специальной Программы возрождения и развития науки, предусмотренной в качестве приложения к настоящей Программе.

3.10. СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ

3.10.1. Идея создания национальной автономной информационной среды, раскрытая в разделе 12 Программы, включает два аспекта: а) создание информационной среды как таковой; б) обеспечение автономности, т.е. относительной обособленности информационной среды российских немцев. Первый аспект выглядит в эпоху всеобщей информатизации достаточно естественно, и здесь можно дискутировать лишь о необходимой широте и глубине подходов при решении подобной задачи применительно к российским немцам. Второй же аспект может вызвать неоднозначное восприятие, хотя сама идея автономности имеет при формировании системы национальной самоорганизации в рамках такого многонационального государства, как Россия, глубокие основания. Проблема заключается в том, что в регионах проживания российских немцев живут, помимо них, представители десятков национальностей. И если каждая из них будет использовать для решения своих специфичных проблем лишь рамки единой информационной среды, это может обернуться многими трудностями и угрожает ростом межнациональной напряженности. Создание российскими немцами автономной информационной среды для себя помогло бы избежать возникновения подобных проблем и в то же время явилось бы примером для других национальностей, побудив их действовать в этом же направлении. Подобный опыт поддается также распространению на сообщества немцев других стран бывшего СССР.

3.10.2. Автономная информационная среда предложена в Программе в качестве средства общения, обмена информацией и, в конечном итоге, объединения усилий российских немцев при решении основных национальных задач, в первую очередь – в сфере образования, культуры и предпринимательской деятельности. Для этих целей предлагается использовать возможности современных средств телекоммуникации как посредством формирования национальной телеинформационной сети, так и с помощью особой радио- и телеинформационной среды российских немцев. Автономная телеинформационная сеть предполагает создание информационно-аналитического центра сообщества немцев РФ, а также соответствующих структур в основных местах проживания российских немцев. В результате был бы обеспечен регулярный и надежный обмен необходимой информацией, доступ всех национальных структур к центральному и региональным банкам данных по проблемам российских немцев. Тем самым система самоорганизации обретет адекватную техническую базу. С помощью возможностей национальной радио- и телеинформационной среды, используя аппаратуру для непосредственного приема спутникового телевидения, можно было бы принимать радио- и телепередачи для российских немцев в национальных образовательных и культурных центрах, других объектах этноструктуры, а также во многих семьях. Подобные передачи могут вестись из особой телестудии сообщества немцев РФ, а также из ФРГ. В техническом отношении предложенные Программой решения не только вполне реализуемы, но и широко используются в различных целях за рубежом.

3.11. ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕМЦЕВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ЗАИНТЕРЕСОВАННЫМИ СТРУКТУРАМИ В СТРАНЕ И ЗА РУБЕЖОМ

3.11.1. Авторы Программы отдают себе отчет, что функционирование сообщества немцев РФ не может быть эффективным без поддержания постоянных деловых связей со множеством различных внешних структур. Это взаимодействие предполагает регулярный обмен необходимой информацией, проведение разного рода консультаций и экспертиз при разработке конкретных проектов по решению проблем российских немцев и, разумеется, сотрудничество в процессе реализации Программы. Более того, решение задач, поставленных Программой, требует деятельной поддержки со стороны государственных органов, общественных объединений, предпринимательских и иных структур, широкого круга специалистов из России, Германии и других стран, а также со стороны соответствующих структур мирового сообщества. Такая поддержка может, конечно, базироваться только на общей заинтересованности в разрешении конкретных проблем российских немцев. Поэтому авторы стремились показать в Программе, что никакие ее положения не противоречат коренным интересам ни одной из заинтересованных сторон. Предполагается, что, помимо сообщества немцев РФ в целом, прямые связи с внешними структурами будут поддерживать и все его составляющие элементы, т.е. органы самоорганизации и этнообъекты различных уровней.

3.11.2. Особый интерес представляет для немцев РФ взаимодействие с теми структурами ФРГ, которые оказывают разного рода содействие российским немцам на территории бывшего СССР, – Обществом по техническому сотрудничеству (GTZ), Кредитным учреждением по восстановлению (KfW), Обществом поддержки немецкой культуры за рубежом (VDA), Главным управлением зарубежных школ (ZfA), Немецкой службой академических обменов (DAAD), Службой педагогических обменов (PAD), Институтом им. Гёте и др. Эти структуры, являясь официальными посредническими организациями, служат связующими звеньями между Правительством ФРГ и российскими немцами. Они и сегодня сотрудничают с представительными органами и общественными объединениями российских немцев, однако зачастую – через госструктуры РФ. Необходимо, чтобы с формированием полноценного сообщества немцев РФ и приданием ему официального статуса российские немцы могли взаимодействовать со всеми заинтересованными структурами напрямую.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию… М., 1995.

2. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. Ред. Ю. Поляков. М., 1992.

3. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. Ч. I. Автономная область. 1918-1924. Саратов, 1992.

4. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. Ч. II. Автономная республика. 1924-1941. Саратов, 1994.

5. Декреты Советской власти. М., 1957-64.

6. Дитрих И.И. Очерк истории немцев Поволжья. М., 1993 (рукопись).

7. Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать…»: Документы, факты, комментарии. Вступ. ст., сост., послесл. Н. Бугай. М., 1992.

8. История российских немцев в документах (1763-1992 гг.), т. I. Сост. В. Ауман и В. Чеботарёва. М., 1993.

9. Кабузан В.М. Немецкое население в России в XVIII – начале XX века (численность и размещение) / Вопросы истории, 1989, № 12.

10. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 1994.

11. Конституция Российской Федерации / Российская газета, 1993, 25 декабря.

12. Некоторые исторические и статистические материалы о населении немцев в Российской Федерации. М., 1992.

13. Немецкий российский этнос: вехи истории. Ред. коллегия В. Ауман, В. Дёке, В. Чеботарёва. М., 1994.

14. Политика Советской власти по национальным делам за три года. М., 1920.

15. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1 (1649-1825 гг.). СПб., 1830.

16. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2 (1825-1879 гг.). СПб., 1885.

17. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986.

18. Поселения иностранцев в России, в кн.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 48. СПб., 1898.

19. Реабилитация народов и граждан. 1954-1994 гг. Документы. Сост. И. Алиев. М., 1994.

20. Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. Отв. ред. Е. Шервуд. М., 1995.

21. Свод законов Российской Империи. СПб., разные годы.

22. Собрание узаконений и распоряжений Правительства. Пг., 1915-17.

23. Собрание узаконений РСФСР. Пг. и М., 1917-24.

24. Советские немцы: история и современность. М., 1990.

25. Eisfeld A. Die Russlanddeutschen. München, 1992.

26. Fleischhauer I. Die Deutschen im Zarenreich: Zwei Jahrhunderte deutsch-russische Kulturgemeinschaft. 2. Aufl. Stuttgart, 1991.

27. Hecker H. Die Deutschen im Russischen Reich, in der Sowjetunion und ihren Nachfolgestaaten. Köln, 1994.

28. Opinion on the situation of the German ethnic minority in the former Soviet Union (Rapporteur: Mr Schwimmer, Austria, Group of the European People's Party). – Council of Europe, Parlamentary Assembly, 3 November 1994, Doc. 7192.

29. Pinkus B., Fleischhauer I. Die Deutschen in der Sowjetunion. Geschichte einer nationalen Minderheit im 20. Jahrhundert. Bearb. u. hrsg. von K.-H. Ruffmann. Baden-Baden, 1987.

30. Report on the situation of the German ethnic minority in the former Soviet Union (Rapporteur: Mr Schreiner, France, European Democratic Group). – Council of Europe, Parlamentary Assembly, 14 October 1994, Doc. 7172.

32. Volk auf dem Weg. Deutsche in Russland und in der GUS. 1763-1993. 4. Aufl. / Немцы в России и в СНГ. 1763-1993. 4-е изд. Stuttgart, 1993.

33. Volksgruppenschutz in Europa: I. Grundrechte der Angehörigen von Volksgruppen in Europa. Entwurf eines Zusatzprotokolls zur EMRK / II. Autonomierechte der Volksgruppen in Europa. Entwurf einer Sonder-Konvention (FUEV-Vorschlag für ein europäisches Volksgruppenrecht). Bozen, 1994.

Москва, 1996 г.

Источник: Становление и развитие сообщества немцев Российской Федерации. Сб. материалов. Вып. 1. Проект Федеральной комплексной программы становления и развития сообщества немцев Российской Федерации, ред. Г. Бауэр, В. Дизендорф. М., 1996, с. 36-153.